

5

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОДМ

Труд в изменяющемся
мире

Фермеры — (не)укоренившаяся
социальная группа

Сколько работают
россияне?

Одиночество в тренде?

Интервью со
С. Тернером

НАУКА

— 1727 —

Журнал основан
в июне 1974 года

К 50-летию СОЦИСА

- 3 Труд в изменяющемся мире: трансформации в трудовой сфере и фокус новых исследований (круглый стол)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 27 КОЗЫРЕВА П.М., НИЗАМОВА А.Э., СМЕРНОВ А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период
- 39 КАРАВАЙ А.В. Благополучная занятость в современной России: что это такое?
- 54 БОЧАРОВ В.Ю. Дифференциация трудовых отношений на современном наукоемком предприятии (опыт case-study)

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- 66 КУЧЕНКОВА А.В., ТАТАРОВА Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 2)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 79 ВЕЛИКИЙ П.П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы
- 89 КИСЕЛЕВ И.Ю., МИХАЙЛОВА Е.В., СМЕРНОВА А.Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие (по материалам проективного опроса)
- 103 ЕЛЮТИНА М.Э., УФИМЦЕВА Е.И. Практики религиозного участия пожилых в контексте проекта позитивного старения

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 113 ГУРКО Т.А. Тенденции и социальные предпосылки одиночного проживания
- 128 БАРУКОВА С.Ю. Финансовая рациональность vs традиции: о свадебных расходах городских семей среднего достатка в Казахстане

ИНТЕРВЬЮ

- 141 МИТУПОВА С.А. Жизнь в социальной теории (интервью со Стивеном Тернером)
-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 151 БИЙЖАНОВА Э.К. Проблема аттестации научных кадров: универсальные правила и разнообразие сложностей
- 156 КАРАПЕТАН Р.В. Труд, занятость, человеческий капитал: новые сложности и решения
- 158 АНИСИМОВ Р.И., КЛИМОВА С.Г. Жизненный мир работников труда: предпочтения и институциональные возможности
- 162 НОСКОВА А.В., БИККИНИНА Д.Д. Изучая неравенства в сфере народонаселения
- 165 РОСТОВСКАЯ Т.К. Многопоколенная семья как стратегический ресурс национальной безопасности России
- 167 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024. Рец. Н.В. Романовский; Ефременко Д.В., Николаев В.Г. Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века. М.: ИНИОН РАН, 2024. Рец. О.А. Симонова*)

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2024

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2024

© 2024 г.

ТРУД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ И ФОКУС НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (круглый стол)

Участники: БАЙМУРЗИНА Гузель Римовна – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, Уфа, Россия (guzrim@mail.ru); БЕССОКИРНАЯ Галина Петровна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (gala@isras.ru); БОЧАРОВ Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского университета, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (vlad.bocharov@gmail.com); ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, отв. секретарь журнала «Социологические исследования» Москва, Россия (demidsu@yandex.ru); КЛИМОВА Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sgklimova@mail.ru); КОЗИНА Ирина Марковна – кандидат социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» (ikozina@hse.ru); ПОПОВ Андрей Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия (ai.porov@yahoo.com); СТРЕБКОВ Денис Олегович – кандидат социологических наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (strebkov@hse.ru); ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – доктор социологических наук, доцент МГИМО, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

Аннотация. В преддверии юбилея журнала обсуждаются вопросы, связанные с изучением труда и трудовых отношений в нашей стране, в том числе их освещение в журнале «Социологические исследования». Специалисты в области социологии труда дают разные оценки развитию дисциплины, ее перспектив, обсуждая незаслуженно забытые имена предшественников и их идеи. Отмечается особенность развития отечественной социологии труда, которая, несмотря на отсутствие самостоятельных теорий и идей, опережающих практику, на протяжении последних пятидесяти лет адекватно отвечала на вызовы и запросы времени, отрабатывая социальный заказ. Ставятся методологические вопросы о трудностях изучения социально-трудовых отношений, об отсутствии концептуальной проработанности понятийного аппарата, обсуждаются сложности измерений в трудовой сфере. Рассматриваются важные аспекты перспективных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: социология труда • труд • социально-трудовые отношения • трудовая мотивация • методология • рынок труда

DOI: 10.31857/S0132162524050019

1. Журнал «Социологические исследования» регулярно освещал исследования по социологии труда. Однако был период, когда труд исчез из актуальной повестки. Как вы считаете, почему это произошло? По каким причинам трудовые отношения сегодня вновь актуальны в социологии?

Демиденко С.Ю. Журнал «Социологические исследования» за полувековую историю регулярно обращался к проблемам изучения труда. Сначала это были вопросы, касающиеся труда в социалистическом обществе: удовлетворенность работой (В.А. Ядов, А.А. Киссель, № 1, 1974), мотивационные ориентации групп специалистов (А.Г. Вельш, № 3, 1975), отношение к труду во взаимосвязи с социальными факторами (Н.И. Алексеев, № 3, 1975), влияние условий труда на сотрудничество и взаимопомощь в производственном коллективе (В.Д. Патрушев, В.А. Шабашев, № 4, 1975), на удовлетворенность трудом (Ю.К. Иванов, В.Д. Патрушев, № 3, 1976), на его эффективность (№ 2, 1980), проблемы с дисциплиной труда (Ю.Л. Сокольников, № 1, 1976), текучестью кадров на предприятиях (№ 2, 1979), факторы стабилизации кадров на строительстве БАМа (№ 1, 1980). Впервые рубрика по социологическим проблемам труда и трудовых коллективов была собрана в № 2, 1978 г. Публиковались статьи и по социально-демографическим группам: факторы трудовой активности пенсионеров (Е.Д. Шапиро, № 1, 1976), обсуждались проблемы формирования сознательного отношения к труду и развитие способностей к труду у молодежи (рубрика в № 4, 1978).

В 1980-е гг. многие темы нашли продолжение на страницах журнала, например, трудовая дисциплина рабочих (С.Д. Резник, Ю.И. Липовский, № 1, 1981; Б.Н. Колодиз, № 2, 1984) или проблема перемещения и закрепления рабочих кадров и их текучесть. Можно заметить, что тематика прикладных исследований в сфере трудовых отношений несколько расширилась. Обсуждались темы стимулирования работников на основе соревновательных принципов (Б.Г. Тукумцев, № 1, 1981; В.М. Якушев, № 3, 1982), бригадной организации труда (рубрика в № 3, 1984), влияние динамики труда на мобильность трудовых ресурсов, эффективность труда и отношение к нему разных социальных групп, трудовая активность, производительность и др. Рассматривались проблемы и теоретико-методологического характера: вопросы эффективности труда и отношения к нему (О.И. Шкаратан, № 1, 1982; В.Б. Голофаст и др., № 4, 1983), удовлетворенность работой (В.С. Магун, № 4, 1983), влияние стимулирования труда и расширение его творческих возможностей (П.Г. Бунич, № 2, 1981), принципы коммунистического воспитания трудящихся (Ж.Т. Тощенко, № 2, 1982), структура трудового потенциала и др.

Журнал неоднократно проводил исследования среди читателей и реагировал на их предложения, в том числе вводя новые рубрики и организуя материалы в помощь заводским социологам. С началом перестройки несколько меняется проблематика исследований (см., напр., № 3, 1988). Журнал с 1987 г. начал выходить шесть раз в год, увеличив число материалов и по социологии труда. В целом публикация материалов в советское время соответствовала актуальной производственной тематике и социальному заказу.

В 1990-е гг. ситуация существенным образом меняется в связи с изменением политического курса, появляются новые аспекты анализа трудовых отношений и рынка. Вводится рубрика «Экономическая социология» (№ 2, 1992), которая совмещается с рубрикой по социологии труда, если присутствуют статьи этого профиля.

Климова С.Г. Труд исчез из актуальной повестки не только журнала «Социологические исследования», но и из внутренней политики России одновременно с рыночными реформами. Точная дата – 2 января 1992 г.: президентский указ об отпуске цен, свободной торговле, приватизации собственности. Запрос к новой, «современной» социологии труда, основанной на рыночной идеологии трудовых отношений, выглядел так: социология труда в прежнем виде не нужна, потому что: а) «рынок всё сбалансирован», в том числе спрос и предложение на рынке труда и цену труда; б) концепт «трудовой коллектив» архаичен, не соответствует «современным» трудовым отношениям; в) отсталые работники, следующие устаревшим организационным правилам и технологиям, на устаревшем оборудовании

производства должны исчезнуть, а с ними должен исчезнуть и социальный проект «человеческие отношения на производстве». «Современные» (актуальные) концепты: индивидуальная достижительность и конкуренция, следствием которых станет более интенсивный и качественный труд; современные трудовые отношения будут эффективными, если их строить на западных стандартах организации труда и управленческих технологиях. Соответственно, полезны: «небольшая безработица», «гибкая» кадровая политика, заключающаяся в том, чтобы увольнять лишних работников в периоды спада и набирать тогда, когда продукция предприятия востребована. Организационные следствия – ликвидируются (выводятся «за штат») социальные службы: отделы НОТ (социологические лаборатории, отделы) вместе с полилиниками, столовыми, пансионатами, учебными мастерскими, чтобы обращаться к ним, если их услуги окажутся полезны тогда, когда «регулирующих возможностей» рынка окажется недостаточно; идет «сворачивание» деятельности первичных профсоюзных организаций. Я отдельно не анализировала статистику статей на темы труда за 1990-е гг., но и в этот период в журнале было довольно много материалов о положении наемных работников в России. Их авторы либо были известными учеными, либо приобрели авторитет среди профессионалов благодаря своим публикациям, сохранившим методическую культуру социологии труда, сформировавшуюся к этому времени, и гуманистический этос, связанный с правами наемных работников. Приведу имена некоторых коллег, публиковавших в 1990-е – начале 2000-х в СоцИсе статьи по теме труда: П.В. Бизюков и В.А. Бизюкова [1995: 40–73], В.А. Борисов [1996] и И.М. Козина [Борисов, Козина, 1994], Б.Г. Тукумцев и Н.В. Авдошина [Авдошина, Тукумцев, 2000: 141–143]. Журнал оставлял тему труда в актуальной повестке, но может быть, в меньшем объеме, чем прежде.

Исчезновение социологических служб на предприятиях и в отраслевых институтах не ликвидировало социологию труда. Она продолжала развиваться, ибо жизнь давала бесценный материал для анализа событий, связанных с социально-экономическими трансформациями в сфере труда. Активно продолжали работать наши коллеги, монографические исследования и статьи которых сейчас дают уникальные сведения о социальных процессах на производстве и образцы методических разработок. Очень важно назвать хотя бы некоторые имена и работы, потому что они занимались своим делом, несмотря на кажущуюся непопулярность темы: Е.Я. Варшавская [Предприятие..., 1997: 87], В.И. Кабалина [там же: 6–29], И.М. Козина [там же: 30–59], Г.А. Монусова [там же: 287–410], И.Н. Тартаковская [там же: 60–144]. Наши коллеги, конечно, понимали научное и историческое значение своих исследований. В 1998 г., по инициативе В.А. Ядова, вышла обзорная статья А.И. Кравченко и В.В. Щербины, посвященная работам социологов-трудовиков [Кравченко, Щербина, 1998: 211–239]. Не так давно опубликована обстоятельная статья Ж.Т. Тощенко, посвященная анализу работ этих и других социологов, продолжавших заниматься тематикой социологии труда в 1990-е гг. и позже [Тощенко, 2016b: 68–72].

Бочаров В.Ю. На мой взгляд, советская социология труда фактически являлась «супердисциплиной», включая в предмет изучения экономические, управленческие и психологические аспекты трудовой деятельности. В постсоветское время начинаются попытки переопределить предмет социологии труда, в ходе которых выделился ряд самостоятельных социологических дисциплин среднего уровня (социология управления, социология организаций, экономическая социология и т.д.). Рыночные преобразования, происходившие в стране в 1990-е гг., актуализировали исследования, где на первый план выходила природа конфликтных отношений, конкуренции, эффективности управленческих практик. Нельзя сказать, что трудовые отношения не изучались и труд исчезал из актуальной повестки, он присутствовал в исследованиях завуалированно, уступая место исследованиям экономического поведения субъектов рыночной экономики.

Темницкий А.Л. Согласно, что труд как объект исследований в 1990-е гг. не исчез из актуальной повестки социологов. Снижение примерно на треть объема публикаций, посвященных исследованию социальных проблем в сфере труда, произошло за счет резкого падения интереса к таким традиционным для советского периода темам, как

организация труда, его содержание, условия и оплата, дисциплина труда и рабочего времени, стабильность и текучесть кадров; трудовой коллектив и адаптация к рабочему месту и др. Напротив, доля публикаций, связанных с теоретической рефлексией ученых по поводу места и значения труда в обществе, главным образом, связанной с изменениями в отношениях по поводу собственности, а также изменений (кризиса) социологии труда, которая в советское время была базовой по отношению к остальным, существенно возросла [Темницкий, Бессокирная, 2024 (в печати)].

Рост исследовательского интереса к трудовым отношениям стал результатом трансформации этого понятия под влиянием изменений в социальной реальности. Динамизм произошедших в 1990-е гг. изменений в сфере отношений собственности, занятости при оставшихся, по сути, неизменными технико-технологических, санитарно-гигиенических и других вещных факторах условий труда привел к трансформации трудовых отношений в *трудовые взаимоотношения*. Основными предметами исследований в их сфере становятся практики неправовых отношений между руководством и наемными работниками, неформальная (неустойчивая) занятость, патерналистские формы зависимости, трудовые конфликты (конфликтные ситуации).

Бессокирная Г.П. Анализ изменений в проблемно-предметном поле публикаций по социологии труда в журнале «Социологические исследования» за 50 лет показал, что в 1974–1991 гг. в среднем ежегодно публиковалось семь статей по социологии труда, в 1992–1999 гг., 2000–2013 гг. и 2014–2023 гг. по пять статей [там же]. Следовательно, в Соц-Исе труд не исчезал из актуальной повестки. В этом, безусловно, большая заслуга Жана Терентьевича Тощенко, который в течение многих лет (с 1995 до 2018 г.) был главным редактором журнала. К тому же в рубрике «Научная жизнь» регулярно публикуется информация о мероприятиях, на которых обсуждались те или иные проблемы труда и трудовых отношений, – причины их актуальности в новой социальной реальности. Представлена информация обо всех Форумах труда, которые с 2017 г. ежегодно проводятся в Санкт-Петербурге (см.: № 9, 2017; № 8, 2018; № 6, 2019; № 5, 2020; № 7, 2021; № 9, 2022; № 7, 2023; № 5, 2024). В последние годы организаторами ряда мероприятий на Форуме труда являются члены исследовательского комитета «Социология труда» РОС: В.Ю. Бочаров, Р.В. Карапетян (СПбГУ), С.Г. Климова, А.В. Попов, З.Х.-М. Саралиева (ННГУ), И.Л. Сизова (СПбГУ), А.Л. Темницкий, Ж.Т. Тощенко (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН). В журнале даны обзоры работы секции по социологии труда, которая была наиболее многочисленной на конференции «Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций» (28–30 ноября 2020 г.), организованной ФНИСЦ РАН к 90-летию В.А. Ядова [Демиденко, 2020]; секции «Молодежь и труд в изменяющейся социальной реальности» [Демиденко, 2021], сессии «Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях деконверсии сферы труда» [Бочаров, Климова, 2023]. Была опубликована информация о работе Всероссийской научно-практической конференции «Качество занятости наемных работников и самозанятых в России», организованной Лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН (Уфа) совместно с Научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ) при поддержке ИК РОС «Социология труда» и Башкортостанского отделения РОС [Баймурзина и др., 2023].

Представляют несомненный интерес обзоры круглых столов, организованных ГАУГН по проекту «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе» (см.: № 4, 2018; № 4, 2019; № 2, 2020). Привлекла внимание информация о двух научно-практических конференциях «Человек в информационном обществе», организованных Социально-гуманитарным институтом (СГИ Самарский ун-т). На первой из них активно работала секция «Цифровые технологии в социальных науках: новые вызовы и новые возможности» с участием членов ИК «Социология труда» РОС и Центра исследований социально-трудовой сферы СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН (СПб.) (см.: № 11, 2021). На второй конференции также

активно участвовали члены ИК «Социология труда» РОС и сотрудники Центра исследований социально-трудовой сферы им. Б.Г. Тукумцева (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) (см.: № 8, 2023).

Стребков Д.О. Сфера труда и занятости играет важную роль в жизни современного человека. Профессиональная самоидентификация занимает центральное место в системе социальных статусов, в соответствии с которыми определяется место человека в обществе. Социологические исследования рынка труда становятся особенно важными в периоды глобальных, радикальных изменений. Такой период был, например, в 1990-е гг., когда после распада СССР череда социально-экономических кризисов привела к резкому росту безработицы среди россиян. Многим пришлось сменить сферу деятельности, часто с понижением и уровня жизни, и социального статуса (например, бывшие инженеры выходили торговать на вещевых рынках или занимались частным извозом). С другой стороны, появились новые профессии и занятия, которые требовали особых навыков и умений – брокеры, трейдеры, коммерсанты. Существенно расширился сегмент неформальной занятости. Когда в 2000-е гг. ситуация на рынке труда стабилизировалась, многие темы исследований постепенно теряли актуальность.

Впоследствии цифровизация современной жизни привела к существенным трансформациям того, как люди устраиваются на работу, организуют свой труд, какие ставят перед собой карьерные цели. Новый всплеск интереса исследователей рынка труда связан, на мой взгляд, с радикальными технологическими изменениями в его организации после середины 2010-х гг. Главным является усиление влияния трудовых онлайн-платформ, занявших большой сегмент рынка услуг как «цифровых» профессий (программисты, веб-дизайнеры, копирайтеры), так и традиционных (таксисты, доставщики, ремонтники, дизайнеры и т.п.). Возникли научные дебаты о так называемой платформенной экономике (гиг-экономике). Начался постепенный переток наемных работников в самозанятость. Перед работниками встали новые вызовы, например, умение самостоятельно организовать и контролировать свою трудовую деятельность, эффективно управлять временем, расставлять приоритеты, владеть навыками самопрезентации, ведения переговоров, тайм-менеджмента.

Новый толчок изменениям на рынке труда дала пандемия COVID-19, когда в кратчайший срок миллионы работников были вынужденно переведены в удаленный режим. Для многих он впоследствии стал обыденным и рутинным, а гибкие формы занятости получили широкое распространение. На этом фоне возрастает внимание социологов к нестандартным, нестабильным и прекарным формам занятости. Это ставит перед исследователями новые актуальные вопросы, например, о соотношении рабочего и личного времени, рабочего и личного пространства, возможности людей работать в режиме 24/7 и находиться при этом там, где им удобно, соблюдая баланс между рабочей и личной жизнью.

Попов А.В. Если оставить за рамками дискуссии вопросы, связанные с развитием общественных наук в целом, поскольку в любой стране были не самые удачные периоды для изучения социума, можно обнаружить, насколько сильно менялся интерес к социологии труда. В конце прошлого века Ида Симпсон писала о смещении фокуса в сторону экономических проблем и трансформации работника из социального актора в пассивный объект [Simpson, 1989]. Действительно, становление социологии труда произошло во время бурной индустриализации, когда требовалось «встроить» народные массы в новую систему хозяйствования. Были сформированы базовые представления о трудовых отношениях в промышленности (так называемая стандартная модель занятости); на первый план вновь вышел капитал. Мне кажется, многое повторяется сейчас. Мы видим очередную подстройку мира труда к реалиям современной экономической жизни во всем многообразии ее проявлений. Главное отличие в том, что роль человеческого капитала в информационной экономике заметно возросла, да и сам труд претерпевает серьезные изменения [Сидорина, 2018]. Все это порождает широкое обсуждение особенностей и перспектив развития трудовых отношений.

2. Что наиболее важное вы отметили бы в эволюции идей в социологии труда за последние полвека в отечественной и мировой мысли? Какие идеи прошлого забыты, но перспективны для развития в новых условиях? Что кажется сиюминутным и преходящим?

Бочаров В.Ю. В советской социологии труда наиболее важные идеи были высказаны учеными трех направлений (школ): 1) ленинградская школа (В.А. Ядов, А.Н. Алексеев, В.С. Магун, А.Г. Здравомыслов, В.В. Водзинская, Л.Д. Докторова, Г.И. Саганенко, А.А. Киссель и др.); 2) московская школа (Г.В. Осипов, В.Г. Подмарков, М.Н. Руткевич, Ж.Т. Тощенко, Н.Ф. Наумова, Л.А. Гордон, И.И. Чангли, А.И. Пригожин, В.Н. Шубкин и др.); 3) новосибирская школа (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.И. Герчиков, Ф.М. Бородкин и др.). Спецификой советских школ социологии труда было то, что они занимались изучением проблем труда и трудовых отношений на эмпирическом уровне.

С 1980-х гг. и по настоящее время важный вклад в координирование отечественных исследований в сфере труда и аккумуляцию научно-исследовательского потенциала делает ИК «Социология труда» Советской социологической ассоциации (ССА), с 1992 г. – Российского общества социологов (РОС). Среди его членов в разные годы можно отметить: Б.В. Ракитского, Б.Г. Тукумцева, Ж.Т. Тощенко, С.Г. Климову, З.Х.-М. Саралиеву, Я.И. Эйдельмана, А.А. Русалинову, М.А. Слюсарянского, Н.М. Андреенкову, П.В. Романова, И.М. Козину, Б.И. Максимова, Н.И. Шаталову, И.Л. Сизову и других, чьи труды повлияли на развитие современной отечественной социологии труда.

В настоящее время редко вспоминаются перспективные идеи советских ученых М.Б. Кунявского, В.Б. Моина и И.М. Поповой, которые они высказывали в совместной монографии «Сознание и трудовая деятельность (ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда)» [Кунявский и др., 1985]. В частности, о том, что ценности труда носят конкретно-исторический характер, обусловлены природой общественно-экономической формации, конкретным разделением труда, положением в обществе разных социальных групп. Важна их идея о рассогласовании между вербализованными трудовыми ценностями, установками, ориентациями и фактическим трудовым поведением – это указывает на необходимость анализа суждений респондента как системы социальных фактов в онтологическом, а не в гносеологическом значении. Среди отечественных концепций постсоветского времени незаслуженно мало внимания уделяется этнографическому подходу к анализу труда и трудовых отношений П.В. Романова [2000], а также теории трудового потенциала Н.И. Шаталовой [1998].

Темницкий А.Л. Социология труда не относится к фундаментальным отраслям научного знания, которые вначале разрабатывают собственные теории, выдвигают новые идеи, а потом проверяют их на практике. Особенностью развития отечественной социологии труда является отсутствие идей, опережающих теорию и практику. При этом на всем протяжении последних пятидесяти лет она адекватно отвечала на вызовы и запросы времени. В советский период (1974–1991) тематика и содержание исследований соотносились с установками коммунистической партии. В период либеральных реформ (1992–1999) исследователи в области социологии труда адекватно отражали процессы, связанные с отношениями по поводу собственности и обострением трудовых конфликтов. В период стабилизации общества и экономического роста (2000–2013) об адекватности в реакциях социологов на произошедшие в стране изменения свидетельствует резкое снижение внимания к теме трудовых конфликтов и усиление – к успешным группам экономических акторов (предпринимателям, директорам, профессионалам и менеджерам). Вступление России с 2014 г. в новый глобальный кризис, сопровождающийся в сфере труда снижением социальной защищенности работников, вызвало заметный всплеск интереса исследователей к проблемам занятости (неустойчивой, нестабильной, неформальной), которая в целом получила название прекарной.

К сиюминутному в исследовательской практике следует отнести все то, что носит характер моды, либо связано с открытием новых и новых социальных проблем и болезней,

без выработки инструментов их лечения. В этой связи обращение к прекариату можно рассматривать и как новую исследовательскую моду, и как продолжение многолетнего тренда (начиная с 1992 г.) на выявление новых социальных болезней общества без рекомендаций по их лечению. Так ли это, покажет время.

Козина И.М. Предметная область трудовых или, в соответствии с распространенной в российской традиции терминологией – социально-трудовых отношений, до сих пор не определена концептуально. Существует хоть и не бесчисленное, но множество определений, при этом они не выстраиваются в какой-либо ясный континуум. Наиболее широк взгляд на трудовые отношения как на «все отношения, которые связаны с трудовой деятельностью людей и возникают в обществе во всех сферах его жизнедеятельности и на всех уровнях» [Социология труда, 2006: 365]. В этом смысле предметная область включает не только отношения между участниками многообразных трудовых процессов, но и отношение общества к труду (труд как общественное явление) и отношение людей к своему труду. Такой подход, на мой взгляд, скорее характеризует предметное поле, объединенное категорией «социально-трудовая сфера», понятием близким к «трудовым отношениям», но не идентичным ему. Социально-трудовая сфера представляет собой пространство, в котором осуществляются и воспроизводятся трудовые отношения при посредстве совокупности соответствующих социальных институтов и норм.

Более узкие определения конкретизируют содержание понятия до отношений между работниками и носителями хозяйственной власти – работодателями, соответствуя пониманию трудовых отношений в классическом варианте (*industrial/labour relations*). Основные акторы, действующие на этом поле, – работодатели и менеджеры, реализующие разные методы управления персоналом; работники, объединяющиеся в профсоюзы и защищающие свои интересы через механизмы коллективных переговоров или иными способами; государство, реализующее социальную политику, в частности, трудовое законодательство и социальное страхование. Значение здесь имеет не только система связей и взаимодействий между субъектами отношений, но и способ их существования. Характер этих взаимодействий разными авторами тоже определяется по-разному: акцент делается либо на сходстве интересов, взаимозависимости и взаимодействии субъектов отношений в процессе труда, нацеленных на регулирование трудовой жизни, либо на конфликте, когда в качестве существенного отличительного признака вводится наличие особых, а значит и противоположных интересов субъектов [Шаленко, 2001].

Важно, что ведущим началом, определившим развитие науки о трудовых отношениях, в том числе теории и методологии исследований, явился социальный запрос, связанный с необходимостью разрешения противоречий между теми или иными групповыми или классовыми интересами и с задачей поддержания социальной стабильности. Взаимосвязь между запросом практики и эволюцией предметного поля, определившая основные черты трудовых отношений как научного направления, характерна для всех этапов его существования и для его «национальных версий» [Kaufman, 1993].

Развитие отечественных исследований подчиняется по сути той же логике: это ответ на предъявленный социальный заказ, каковым бы ни было его содержание: выдвижение тех или иных тем и их «заккрытие», возможно, в еще большей степени, чем в западной науке, связаны с политической и экономической историей страны. До начала рыночных реформ исследования трудовых отношений не формировались как отдельное научное направление, поскольку были несовместимы с постановкой вопроса об «отношениях». Работы, затрагивавшие отдельные аспекты, укладывались в рамки «экономики и социологии труда» [Социология в России, 1998: 69]. Поворот к проблематике трудовых отношений связан с началом процесса реформирования экономики. Исходное предметное поле науки о трудовых отношениях, практически исчерпавшее себя к концу XX в. в западных странах, для России стало новым и актуальным. В фокусе внимания отечественной науки оказались проблемы рабочей солидарности и протестной активности, почву для которых давало забастовочное движение начала и середины 1990-х гг., трансформации

профсоюзов и становления новой модели регулирования трудовых отношений в рыночной среде, и другие классические сюжеты. С наступлением периода восстановительного роста и исчезновением угрозы анархии в социально-экономической сфере интерес к проблемам трудовых отношений (как и у других стран) пошел на убыль.

Состояние научной дисциплины нередко характеризуется как «кризисное», выход просматривается через смену угла зрения, существенное расширение тематики и переориентацию на всесторонний анализ проблем труда и занятости и их взаимосвязи [Piore, 2008, Kalleberg, 2009]. Методологическая основа трудовых отношений при этом остается неизменной: социальные отношения складываются в рамках трудовых процессов под воздействием сопутствующих противоречий, конфликтов, т.е. в результате взаимодействия участников трудового процесса. Можно предложить ряд актуальных для отечественной социологии исследовательских проблем, которые относятся к традиционным и к новым темам трудовых отношений как научной дисциплины.

Прежде всего, остается открытым вопрос о российской модели (моделях) трудовых отношений. Большинство посвященных этому работ имеет выраженный нормативный характер. Разумеется, такой подход правомерен, поскольку сама система трудовых отношений по своей природе вполне нормативна, т.е. способна воспринимать управляющие воздействия. Вопрос не только в том, как она должна быть устроена и как должна действовать, но и как реально действует и в каком направлении развивается. В частности, допускает ли российский вариант трудового регулирования возможности партнерских отношений между властью, бизнесом и трудом или жесткая конфронтация – единственное средство отстаивания интересов работников? Несбалансированность выстроенной в России модели социального партнерства, которая отмечается почти всеми включенными в эту проблематику исследователями, обусловлена тем, что во взаимодействии основных субъектов трудовых отношений государство по-прежнему играет «первую скрипку». Чтобы способствовать «стабильности», оно защищает базовые гарантии и запрещает коллективные протесты, для повышения эффективности учитывает требования гибкости рынка труда [Ashwin, Kozina, 2020]. В этой системе устаревшие профсоюзы с менталитетом «придатка государства» и при отсутствии опыта борьбы, а также желания его приобретать, стоят ближе к власти и администрации, чем к работникам, поэтому как представители их интересов не отвечают своему предназначению. В таких условиях важное значение приобретает анализ процессов на уровне компаний и предприятий. Нужно признать, что за редким исключением мы сегодня мало знаем о том, как там устроены трудовые отношения. Практик успешного диалога или противостояния преобладающей позиции работодателя в вопросах трудовой организации, видимо, явно мало, но они все же есть. Уверенность в этом основана на чистом оптимизме.

Актуальной тематикой остается «качество трудовых отношений». Этот комплекс проблем включает методологические разработки по широкому кругу аспектов труда, в том числе необходимых для сопоставительного анализа [Quality..., 2004]. Концепции качества трудовых отношений перекликаются с концепцией достойного труда, разработанной в рамках МОТ, которая через свои конвенции и экспертов устанавливает международные стандарты трудовых отношений. В последние годы критерии «достойной работы» существенно расширились. Если прежде трудовые отношения оценивались в основном с точки зрения экономических и правовых аспектов положения работников (рисков прекаризации), то в настоящее время они рассматриваются и с точки зрения социальных и психологических проблем на рабочем месте (рисков для психического здоровья и работоспособности), возникающих на фоне внедрения новых технологических и бизнес-процессов в организациях. Это актуализирует тематику исследований, связанных с проблемами рабочего стресса, баланса между работой и личной жизнью и пр.

Отдельная тема связана с анализом специфики взаимодействий в процессе труда на новых непривычных пока рабочих местах, которые возникают на фоне повсеместной цифровизации экономической и социальной жизни. Яркий пример – так называемая

платформенная занятость, где системы оплаты, поощрений и наказаний встроены в алгоритмический контроль и являются неотъемлемой частью технологической инфраструктуры управления. Условия, налагаемые платформами, довольно четко определяют рабочую силу платформы как «зависимых подрядчиков» [Шевчук, 2020]. Исследования на эту тему обычно фокусируются на их уязвимом положении, поскольку в силу своего статуса они, как правило, исключены из системы трудовых гарантий. Не менее важным фокусом анализа, на мой взгляд, является собственно изучение специфики взаимодействия человека с алгоритмом в трудовом процессе. Здесь возникает немало новых коллизий: с одной стороны, обойти алгоритм не стыдно и часто не сложно, с другой – ему нельзя, например, пожаловаться, он не способен «входить в положение» работника. Как работники с этим справляются и воспринимают такую специфическую форму организации труда?

Одним из острых остается вопрос об оптимальном уровне и допустимых границах защищенности в сфере труда: следует ли отказаться от универсалистского подхода, ставящего знак равенства между precarious и любой «нестандартной» занятостью или стоит признать формирование разных запросов в сфере труда и занятости, дифференцированных по социальным и профессиональным группам.

Исследования трудовых отношений всегда были чувствительны к неравенству. Современные подходы к анализу положения на рынке труда уязвимых или признанных таковыми групп не сводимы к проблеме дискриминации, в том числе они должны быть направлены на обоснование актуальных «трудовых контрактов» с учетом специфики запросов этих групп в сфере занятости. Так, в рамках традиционной темы гендерного равенства в трудовой сфере, на фоне призывов к женщинам рожать детей на пользу стране важно в первую очередь думать об условиях труда работающих матерей, чтобы они могли строить карьеру, создавать семью, рожать детей, заботиться о себе.

Использование трудового потенциала старшего поколения с учетом потребностей этой расширяющейся группы предполагает обращение к феномену переходной (bridge) занятости, когда перед выходом на пенсию люди несколько лет работают, как правило, на своем рабочем месте с меньшей загрузкой [Feldman, Kim, 2000]. В отличие от большинства западных стран, российский рынок не предлагает таким работникам специальных гибких и частичных схем занятости, способствующих постепенному снижению трудовой активности и плавному переходу к пенсии, вытесняя их в сегмент неквалифицированного, низкооплачиваемого труда.

Мы не знаем, как поведут себя работодатели, профсоюзы и государство в условиях грядущего хронического дефицита кадров. Поэтому общей актуальной задачей является поворот «лицом к работающим людям» во всем их разнообразии, изучение их запросов и формирование на основании этого обоснованных предложений по выбору приоритетов во взаимодействии основных акторов трудовых отношений.

Климова С.Г. Забытыми, но перспективными для развития в новых условиях я считаю идеи системного подхода, основатели которой – сотрудники Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭ и ОПП СО АН СССР), основанного в 1957 г. (А.Г. Аганбегян, К.А. Багриновский, А.Р. Бахтизин, А.Г. Гранберг, Т.И. Заславская, В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко). Базовая идея системного подхода – убежденность в принципиальной объективности социальной жизни и, соответственно, ее познаваемости. Эта идея представляет собой альтернативу доминирующим по-прежнему идеям антипозитивистов. Сейчас, как и в те годы, интерес только к характеристикам личности действующих субъектов не может помочь ответить на вызовы, стоящие перед страной. Возможной альтернативой могли бы стать идеи агент-ориентированного моделирования, сформировавшиеся в коллективе новосибирских ученых. Основная идея: в прогнозах социального и экономического развития нужно учитывать и сложное поведение агентов, и сложные характеристики среды, в которой эти агенты действуют. В трудах основателей системного подхода изложены основные его положения применительно к социальным

процессам в производительной сфере общества. Обзор основных идей и трудов этих ученых дан в статье И.А. Климова [2019: 142–162].

Участники прошедшего в феврале 2024 г. VIII Форума труда в Санкт-Петербурге говорили о том, что модные сейчас теоретические (концептуальные) построения, служащие основой существенной части эмпирических исследований трудовых отношений и практических разработок, не отвечают вызовам времени. Это, например, базовая идея догоняющей модернизации или прикладные идеи, связанные с навязыванием работникам идей персональной конкуренции с коллегами.

Вместе с тем, если говорить не только о забытых идеях, но и о забытых практиках, следует напомнить большой и не до конца реализованный корпус новаторских методических разработок, сделанных советскими социологами, работавшими на крупных предприятиях или в отраслевых институтах. Например: А.К. Зайцев – Калужский электромеханический завод (1970–1972) и КамАЗ (1977–1984) – методика анализа производственных конфликтов; В.И. Герчиков – «Сиблитмаш», а затем десять лет (с 1971 по 1981 г.) – Центр научной организации труда и управления (НОТиУ) при Пермском телефонном заводе – типологическая модель трудовой мотивации; Б.И. Максимов – Кировский завод, Санкт-Петербург, – один из первых аналитиков проблемных ситуаций на предприятиях; Ю.Л. Неймер – объединение «Союзэлектротяжмаш» в 1977–1981 гг. – разработка методики создания постоянно обновляющейся автоматизированной системы социальной информации для нужд управления предприятиями и отраслью в целом.

Попов А.В. Подчеркну тренд на дальнейшую гуманизацию труда. Вопросы использования социальных резервов труда неразрывно связаны с качеством рабочих мест и занятости в целом, которое, в свою очередь, приобретает все более объемный вид. В последние десятилетия отчетливо видно обогащение проблематики работающих бедных за счет включения самых разных аспектов трудовой жизни. И, несмотря на индивидуализацию трудовых отношений и ослабление роли профсоюзов [Локтюхина, Черных, 2021], важными видятся практики коллективизма и кооперации, которые во многом ушли из академического дискурса. Даже в новых условиях хозяйствования они могут быть весьма действенны. В этом плане несколько преждевременны «разговоры» о мире без труда, к которому мы приближаемся.

3. Какие концепции труда вы разделяете? Что для вас означает труд как социологическая категория? Какова для вас роль труда как исходного понятия?

Бочаров В.Ю. Точка зрения В.А. Ядова, что труд – «фундаментальный вид жизнедеятельности человека и основа возникновения и функционирования общества» [Ядов, 2006: 332–333], поддерживается практически всеми современными отечественными исследователями. И хотя общепринятого определения категории «труд» в современной научной литературе до сих пор нет, признание труда основополагающей человеческой деятельностью – конвенционально. Близкие трактовки труда как осмысленной, социально-приемлемой деятельности, направленной на создание материальных и нематериальных продуктов и услуг, необходимых для удовлетворения потребностей человека, дают Ю.Е. Волков [2009], Е.Ф. Молевич [2001] и Ж.Т. Тощенко [Тощенко, Цветкова, 2012]. Признается, что понятие «труд» изменялось, дополнялось, расширяло сферу своего воздействия. С переходом к постиндустриальному обществу предмет труда становится все более «символическим и менее материальным» [Макарова, 2007: 48] и включает в себя практически все сферы преобразовательной деятельности человека.

Мне как исследователю наиболее близка концепция Е.Ф. Молевича, в которой анализируется содержательная (распадающаяся на типовидную и родовую) и формальная структуры труда [Молевич, 2001], а также концепция социологии жизни Ж.Т. Тощенко, в рамках которой труд может рассматриваться как структурообразующее понятие содержания жизненного мира человека [Тощенко, 2016а].

Темницкий А.Л. На мой взгляд, нельзя рассматривать в качестве адекватных современным реалиям российского общества, экономике сопротивления и самодостаточности концепции «конца труда», «смерти труда», «бессмысленной», «бредовой» работы, так же как и концепцию перехода к постиндустриальному обществу, замещения труда творческой, креативной деятельностью, сервисными услугами. Исключение производительного труда из системы социальных ценностей угрожает национальной безопасности России. Труд как социологическую категорию актуально представлять сквозь призму двух концепций: достойного труда и формирования субъектности работника в сфере труда. Первая раскрывает содержание положения работника, его условий труда, преимущественно в рамках организации. Базовыми являются положения концепции достойного труда, предложенной МОТ в 1999 г. Концепция субъектности работника, прежде всего индивидуальной, может быть применена как в исследованиях труда в организации (проблемы самостоятельности в работе, повышение профессиональной компетентности, участие в управлении по вопросам, связанным с выполняемой работой), так и вне организации (проблемы уверенности в занятости в случае увольнения, самозанятости, удаленной занятости, фриланса и т.п.). Ее актуальность возрастает применительно к молодым работникам [Темницкий, 2020].

Попов А.В. Как экономисту мне бывает сложно уйти от утилитарного восприятия труда. Однако даже в этом случае он представляет собой основу понимания состояния и вектора развития индивидов, хозяйствующих субъектов, всего общества. Пожалуй, в этом и заключается ключевая роль труда как исходного понятия, которое может быть использовано для раскрытия многообразных проявлений социальной активности населения, будь то самозанятость или безвозмездная деятельность в интересах третьих лиц.

Среди большого количества классических и современных концепций труда, грани которых часто весьма размыты, проще говорить о неприятии тех или иных идей. Одним из таких «камней преткновения» является классовая теория, получившая второе дыхание благодаря популяризации феномена прекариата. Обсуждаемые положения, на мой взгляд, слабо вписываются в текущие реалии [Попов, 2020: 156–157], что характерно для эмпирических работ. В собственных исследованиях я стараюсь прибегать к воззрениям, которые позволяют посмотреть на труд как источник социального прогресса. В этом случае ракурс пространственного развития становится особенно симптоматичным.

4. Вопросы трудовой мотивации – одни из самых востребованных и в науке, и в практике. Как вы считаете, что кардинальным образом изменилось в мотивационном измерении труда?

Климова С.Г. Вопросы трудовой мотивации, на мой взгляд, весьма популярны, но существенный недостаток академических и прикладных работ, посвященных этой теме, в том, что эти разработки не отвечают внятно на вопрос, каков практический смысл полученных ответов на вопросы о мотивах трудовой деятельности? Как говорит классик российской социологии: «Что вы посоветуете директору?» Уволить этих работников и взять других, с «хорошей» мотивацией (каких и где; что будет следствием такого решения?). Или платить хорошую зарплату, обеспечить хорошие условия труда и карьерные перспективы? – Это всем надо, вы не сделаете открытия и не уберете объективные ограничения. Если говорить о прикладных исследованиях мотивации, то востребованы методические разработки, плотно привязанные к контексту. Для практик оперативного управления предприятием или отраслью хозяйства нужны практические, эмпирически очевидные и более или менее регулярно предоставляемые сведения.

Академические разработки, посвященные теме мотивации, нуждаются, на мой взгляд, в более внятных ответах о связи мотивов и фактов поведения. Предъявление данных о мотивах поведения, оценок, мнений само по себе мало что дает, если не фиксировать связи мотивов (обоснований), например, с просмотром телепрограмм; популярностью «лидеров общественного мнения» (блогеров); поведенческими актами или готовностью

к ним, характеристиками социального окружения и т.п. Предметом профессионального интереса социолога должна быть и личность работника; и процессы, в которые он включен; и контекст существования личности и процессов.

Темницкий А.Л. Мотивация труда изучается в рамках разных отраслей научного знания: экономической социологии и экономики труда, психологии труда и организационной психологии, социологии организаций и управления. Специфика социологического подхода к исследованию мотивации в том, что *трудовая деятельность как главный предмет социологии труда рассматривается сквозь призму ценностей общества и личности, особенностей ее организации и осуществления, возможностей повышения эффективности с учетом социальных проблем труда, предпосылок и ограничений для реализации человеческого потенциала работников разных социально-профессиональных групп.* Отличительную предметную область социологических исследований мотивации труда образуют такие факторы, как роль социальной справедливости, отношений по поводу собственности на средства производства, коллективистские и индивидуалистические, патерналистские и партнерские ориентации на труд и трудовые взаимоотношения, социокультурные предпосылки и ограничения для повышения производительности труда и личных достижений.

Радикальные изменения в подходах к измерению мотивации были вызваны либеральными реформами в экономике, начиная с 1992 г. С этого времени важнейшими предметами исследований стали изменения в мотивации труда в условиях необходимости адаптации работников и предприятий к рыночным условиям хозяйствования и жизни, изменения в мотивации трудового поведения различных профессиональных групп под влиянием рынка, изменений в трудовой культуре как факторе мотивации.

Во втором десятилетии XXI в., которое характеризуют выход из ситуации мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и вступление в новый глобальный кризис, в ситуацию неопределенности труда и занятости, гибкости в поведении работников, происходит смещение акцентов исследований мотивации: замечен переход от традиционных для социологии труда объектов исследования (отдельных предприятий) к рынку труда и проблемам занятости. На первое место вышли проблемы изменений в мотивации труда в условиях неустойчивой (прекарной) занятости. Мотивация труда все чаще стала рассматриваться через выявление ресурсного потенциала работника как потенциального и реального субъекта трудовой деятельности, его человеческого потенциала и профессиональных компетенций.

В методике измерения мотивации труда посредством проведения количественных опросов заметных изменений не произошло. По-прежнему все богатство методик измерения мотивации может быть сведено к двум основным: спрашивают либо напрямую (вопросы «в лоб»), либо определяют ее по косвенным вопросам. К уязвимым местам в измерении прежде всего следует отнести проблемы, связанные с обеспечением индикаторной функции используемых вопросов. Насколько мы можем быть уверены в том, что, обращаясь к респонденту с вопросами о важности для него тех или иных сторон работы, ее конкретных характеристик на рабочем месте, его готовности работать лучше, удовлетворенности результатами труда, мы измеряем проявления мотивации, а не представления о желаемой работе, субъективные оценки сложившейся ситуации, ценностную структуру массового сознания в целом?

Стребков Д.О. Трудовая мотивация может радикальным образом трансформироваться либо в результате значительных социально-экономических изменений (что было, например, зафиксировано в работах В. Магуна относительно 1990-х гг., когда происходил переход к рыночной экономике), либо в результате смены поколений. Сейчас на рынок труда выходит новое поколение, которое принято называть зумерами (поколение Z), и от того, какие трудовые ценности оно принесет с собой, будет в значительной степени зависеть общий вектор изменений.

Пока есть основания полагать, что люди, родившиеся в XXI в., в эпоху развития и массового применения цифровых технологий, будут существенно отличаться по трудовым ценностям и мотивациям от предыдущих поколений. Они проявляют большую гибкость и открытость к изменениям: склонны чаще менять рабочие места и в целом род деятельности, увольняются быстро и без сожалений. У исследователей при описании этой группы даже возник специальный термин – «страх упущенных выгод» (FOMO – fear of missing out). Этот страх подталкивает их не останавливаться на достигнутом, а постоянно пробовать виды деятельности, формы занятости, направления развития карьеры и т.п. Соответственно, им тяжело сосредоточиться на монотонной рутинной работе, они хотят, чтобы работа была творческой, интересной, приносила прежде всего удовольствие и не требовала больших усилий. Впрочем, разные авторы высказывают часто прямо противоположные суждения о трудовых ценностях подрастающего поколения (индивидуалисты они или коллективисты, материалисты или идеалисты и т.д.). Значит, здесь открывается широкое поле социологических исследований.

Существует общий тренд, важный для всех поколений, который внесла в нашу жизнь пандемия COVID-19 – повышение значимости вариативности выбора рабочего места и рабочего графика. Всё больше и больше людей начинают ценить гибкий график работы, возможность работать удаленно и стремиться к гармоничному балансу между работой и личной жизнью.

Наши исследования фрилансеров показали, что трудовые ценности отдельных групп граждан могут существенно отличаться от ценностей населения в целом. И при изменении социально-профессиональной структуры (например, росте числа самозанятых или IT-специалистов) ценности этих «специфических» групп будут вносить все больший вклад в общие установки и представления российских граждан о том, какими характеристиками должна обладать идеальная работа.

Бессокирная Г.П. Анализ отечественной научной литературы по мотивации труда за периоды 1960–1980-е, 1990-е и 2000–2010-е гг. показал, что в измерении мотивации труда существенных и тем более кардинальных изменений не произошло [Бессокирная, 2020]. Ситуация не поменялась и в последние четыре года. По-прежнему актуальны теоретико-методические проблемы измерения мотивации труда, изучение которой было начато в классическом исследовании «Человек и его работа» [Здравомыслов, Ядов, 2003]. Исследования мотивации труда нуждаются в ясном осознании связи между теорией и методикой измерения мотивации труда в эмпирических исследованиях. Важно, какие именно представления о мотивации труда используются «на входе» и как они преобразуются в методике сбора и анализа данных и в последующей социологической интерпретации полученной информации. Прежде всего, в четкой теоретической и операциональной интерпретации нуждаются понятия *трудовые ценности* и *мотивы труда*. Для их теоретической интерпретации правомерно использовать диспозиционную теорию В.А. Ядова. На предприятиях (в организациях) актуальным предметом измерения являются мотивы труда (ситуативные установки на нижнем уровне диспозиций), которые обычно измеряют путем выяснения мнений работников о важности (значимости) для них тех или иных элементов производственной ситуации. По этой информации вполне правомерно определять структуру мотивов труда и ее динамику, выделять в ней мотивационное «ядро». Возможно, конечно, «укрупнять» мотивы и выделять группы работников по типам мотивации. Но необходимо понимать, что изучение мотивов труда – только одна из задач изучения мотивации труда, необходимая, но явно не достаточная.

Главная задача изучения мотивации труда на предприятиях (в организациях) – поиск управляемых факторов (элементов производственной ситуации), воздействие на которые изменит в желаемом направлении трудовое поведение работников, повысит эффективность их труда. Мотивация труда – важнейшая составляющая процесса управления человеческими ресурсами. Для выяснения управляемых факторов необходимо определить не только мотивы труда (притязания к работе здесь и сейчас) работников, но и их оценки

реальной производственной ситуации, а также показатели сбалансированности между притязаниями и оценками возможностей, которые предоставляет нынешняя работа. Необходимо содержательный анализ взаимосвязей между показателями сбалансированности и характером идентификации работников с предприятием (организацией) [Татарова и др., 2021]. Для измерения характера идентификации работников с предприятием (организацией) предложена модель, включающая три компонента: удовлетворенность работой, корпоративная солидарность и результативность труда. Удовлетворенность работой целесообразно измерять с помощью методики «логического квадрата», которая была предложена А.Г. Здравомысловым в исследовании «Человек и его работа». Она дает более осторожную оценку данного показателя по сравнению с использованием прямого вопроса. В будущем возможно усложнение предложенной модели путем добавления еще одной компоненты, включающей нерегламентированные в настоящее время показатели трудового поведения (повышение квалификации, участие в управлении производством и др.).

Управление мотивацией труда – это управление элементами производственной ситуации с целью повышения сбалансированности между оценками возможностей, которые предоставляет нынешняя работа, и мотивами труда (притязаниями к работе здесь и сейчас). Только при создании на рабочих местах условий удовлетворения многообразных потребностей и интересов, которые нашли отражение в ценностных представлениях работников об их трудовой деятельности, возможен рост мотивационной значимости факторов труда, необходимых для развития рыночной экономики.

Бочаров В.Ю. В настоящее время учеными признается необходимость разработки новых концепций и типологий мотивации труда, учитывающих реалии новой организации труда постиндустриального общества, опирающегося на «культурализованный труд». Неотъемлемой частью такого труда является «внутренняя мотивация» (основанная на мотивах, связанных с самой трудовой деятельностью), которая перекрывает в настоящее время «классическую», характерную для индустриального общества внешнюю мотивацию к труду как средству достижения цели (дохода, стабильности и статуса) [Реквиц, 2022]. В рамках формирования «внутренней мотивации» работника в современной социологии труда ведется речь о необходимости идентификации работника со своей организацией через состояние «включенности», которое определяется как степень субъективной predisposedности работника рассматривать проблемы организации, в которой он трудится, как лично значимые для него и как его готовность способствовать успеху деятельности своей организации [Тукумцев, 2023].

Попов А.В. В 2026 г. исполнится 30 лет с момента запуска мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, в рамках которого осуществляются регулярные замеры трудовой мотивации. Накопленный за прошедшее время опыт наряду с исследованиями отечественных и зарубежных ученых подтолкнул нас к необходимости более детального погружения в специфику трудовой деятельности. Это не означает отказ от привычного анализа ценностных ориентаций, например, для выявления терминальности/инструментальности в отношении людей к труду [Темницкий, 2017]. Напротив, социологический инструментарий измерения трудовой мотивации во многом остался прежним. Однако занятость населения приобретает более разнообразные черты и формы (самозанятость, гибкий график и удаленный режим работы, платформенная занятость, отходничество, краудсорсинг и др.), что нельзя не принимать во внимание [Кученкова, 2021]. Отсюда актуальность поиска взаимосвязей между характером трудовых отношений и мотивацией. Здесь – необъятный простор для исследований. Другой вопрос – насколько нам помогут в этом массовые опросы населения. Увы, я полностью разделяю мнение коллег, что мы далеки от понимания того, как устроен труд на современных российских предприятиях [Хумарян и др., 2020].

Баймурзина Г.Р. Мотивация к труду, как правило, изучается на относительно крупных или средних предприятиях для повышения эффективности труда, его производительности, повышения лояльности персонала и уменьшения текучести кадров. Вместе

с тем в настоящее время значительная доля населения имеет нестандартную занятость вне крупных предприятий и организаций. Перед социологами стоит задача измерения мотивации трудоспособного населения к занятости вообще и к определенным ее видам в частности. Одним из вызовов сегодня является необходимость учета многообразия форм трудовой деятельности и источников дохода. Это может быть работа по найму на предприятии или у физических лиц, вахтовый труд, коллективное хозяйство в сельской местности, предпринимательство или самозанятость, фриланс, платформенный труд, волонтерский труд и др. – в каждом случае мотивационные факторы будут различаться.

Известно, что на установки, мотивы и стимулы к труду влияют экономические условия проживания, социальная среда и окружение человека, его индивидуальные характеристики и особенности. При этом и в рамках одного предприятия в настоящее время руководителю зачастую приходится управлять вовлеченностью разных типов работников – штатными сотрудниками (офисными или удаленными), привлеченными внешними подрядчиками, фрилансерами и др.

Важное изменение в мотивационном измерении труда произошло с расширением возможностей не жизнь подстраивать под работу, а подбирать работу под желаемый образ жизни (так, например, действуют образованная молодежь, цифровые кочевники). Этому способствовала возросшая гибкость режимов труда, которая по-новому высветила проблемы физического и пространственного разграничения работы и личной жизни, многих заставила переосмыслить роль, которую работа должна играть в их жизни. Баланс между работой и личной жизнью стал сегодня одним из самых важных элементов качества занятости. При этом ключевым фактором успеха компании является высокое качество человеческого капитала, креативность и вовлеченность.

Как бы отвечая на вызов привлечь и удержать высококлассных специалистов, некоторые крупные работодатели создают максимально комфортные условия для своих работников, начиная с удобных кресел и мониторов, игровых комнат и заканчивая возможностью без отрыва от производства удовлетворить практически все бытовые и гигиенические потребности (возможность поспать, поесть, принять душ, постирать вещи, сходить в тренажерный зал и т.д.), отказываются от многих условностей (дресс-код, жесткий график работы и др.), вводят культуру автономности в выборе того, где и когда работать, включаться или нет в конкретные проекты [Онучин, 2024: 410–411]. В то же время сохраняются привычные стандартные модели занятости (например, в небольших моногородах, в бюджетном секторе экономики), расширяются временная и разовая занятость, появляются новые возможности для свободной занятости. Поэтому теории мотивации к труду и занятости в современной экономике должны охватывать и предвосхищать разные ситуации как относительно персонала организаций, так и других категорий трудоспособного и работающего населения. При этом исследования показывают, что интерес и вовлеченность в работу, творчество и созидание, возможность самореализоваться в процессе труда неизменно остаются частью мотивационного ядра как в 1970-е гг. (см., напр., [Чангли, 1973: 527]), так и в настоящее время.

5. Каковы методические и методологические трудности и проблемы изучения трудовых отношений сегодня в целом? Какие ловушки существуют?

Стребков Д. О. С одной стороны, действительно, изучать трудовую жизнь людей так, как это делали социологи XX в., приходя к ним непосредственно на рабочие места – в цеха, на заводы и фабрики, беседуя с рабочими и бригадирами, уже невозможно. Труд автоматизируется, рабочих становится все меньше, предприятия стали в большинстве частными, закрытыми, туда так просто не попадешь. Многие данные могут быть недоступны из-за конфиденциальности или ограничений доступа к информации. Другой тренд – то, что в сфере услуг труд становится распределенным: во многих организациях работники могут находиться территориально в разных частях города, даже всего мира. Взаимодействие между ними происходит преимущественно дистанционно. Это новая

реальность, к которой нужно привыкать и которая будет распространяться на самые разные сферы деятельности. Людей трудно застать на работе, трудно попасть к ним домой, чтобы провести интервью. Вероятно, поэтому в течение последнего десятилетия мы наблюдаем значительный сдвиг от использования квартирных опросов к телефонному и онлайн-анкетированию.

С другой стороны, новые технологии открывают новые возможности исследователям. Многие из них не ограничиваются традиционными опросными методами, а активно используют нереактивные данные, полученные без непосредственного участия респондентов. Люди оставляют цифровые следы, в том числе такие, на основе которых можно детально анализировать их трудовую деятельность. К таким очевидным следам можно отнести публикации в социальных сетях, комментарии на форумах, в блогах и телеграм-каналах, размещение анкет на общедоступных сайтах о поиске работы или, наоборот, размещение там предложений от организаций о работе (вакансиях), данные о перемещении людей и т.п. Большой объем открытой информации уже доступен для скачивания и анализа, чем исследователи активно пользуются.

К новым методологическим вызовам можно отнести то, что, благодаря использованию Интернета и мобильных средств связи, постепенно все сильнее трансформируются представления людей о рабочем месте и рабочем времени. Такие распространенные явления, как множественная занятость, занятость в домашних условиях, необходимость всегда быть на связи с коллегами, подчиненными и контрагентами приводят к размыванию границ между рабочим и домашним временем. Изучать трудовую жизнь человека в отрыве от личной повседневной жизни становится сложнее, нужно делать это в комплексе. Здесь социологам, вероятно, помогут исследования бюджетов времени и использование специальных компьютерных программ и мобильных трекеров, которые будут мониторить активность респондентов.

Темницкий А.Л. Предполагается, что продолжающийся кризис трудовой мотивации (абсолютное преобладание инструментальных ценностей и «вымывание» терминальных) не связан с самим трудом, трансформацией его ценностной природы и содержания. Несмотря на весь радикализм либеральных реформ, в большей мере изменился не сам труд, и даже не отношение к нему, а социально-статусные отношения, «правила игры» на рынке труда и трудовых отношений. Поэтому основная проблема видится не в том, как точнее измерить мотивацию, ценностные ориентации, трудовое поведение и отношения, а в том, чтобы понять их смысловую и генетическую природу, взаимосвязь со старыми и новыми социокультурными традициями и стереотипами поведения работников. Действенным методологическим подходом к изучению трудовых отношений может стать предварительная расстановка изучаемой предметной области с учетом того, что в ней сегодня может рассматриваться как значимое для работника, а что остается в прошлом, что можно отнести к советскому, а что к постсоветскому (рыночному), что к традициям, а что к инновациям. В основу такого подхода закладывается методология дуальных социокультурных оппозиций, согласно которой акцент не делается на чем-то одном, скажем, рыночных образцах трудовой культуры и поведения, объявляя негодными, архаичными те, которые ему противоречат (традиции коллективизма и патернализма). При разработке исследований важно отобрать социальные факты, которые по праву можно отнести к тому или иному времени, к традиционному или инновационному, и рассматривать их во взаимосвязи [Темницкий, 2021].

Бочаров В.Ю. Трудности связаны прежде всего с существованием множества взаимопересекающихся и противоречащих друг другу подходов внутри направлений социологического реализма, номинализма и конструктивизма, по-разному трактующих их содержание и факторы, на них влияющие [Бочаров, 2022]. К источникам методологических ловушек при изучении трудовых отношений можно отнести характерные для любых социологических исследований (даже не использующих математические методы многомерной классификации)

«ограниченность исследовательских решений, избыточность методических проблем сбора, измерения и анализа данных» [Типологический анализ..., 2023: 129].

Попов А.В. По моему мнению, основные вызовы в этой области связаны со сложностью приведения всего многообразия трудовых отношений к общему знаменателю. Даже привычное деление занятости на стандартную и нестандартную задает лишь общие рамки, причем весьма широкие, внутри которых может быть все что угодно. Добавьте к этому вариативность национальных и отраслевых контекстов, различия академических дискурсов и традиций, междисциплинарность и эмпирическую направленность исследований – и получите очень пеструю картинку. Лично для меня ярким примером является феномен прекаризации, изучая который мы продолжаем говорить на разных языках. В этой связи существуют риски дальнейшего размывания понятийного аппарата, что будет препятствовать не только выработке эффективных управленческих решений, но и пониманию общественных процессов в целом.

6. Какие вызовы ожидают общество в условиях перехода к 6-му технологическому укладу? На что социологам следует обратить особое внимание?

Стребков Д.О. Переход к шестому технологическому укладу, связанный с цифровизацией, автоматизацией и роботизацией, неизбежно ведет к существенным трансформациям на рынке труда, многие из которых мы можем наблюдать сейчас. Развитие технологий искусственного интеллекта, особенно моделей, позволяющих генерировать тексты и изображения, приводит к автоматизации все большего числа производственных процессов, появлению новых профессий и радикальной смене существующих, требуя переквалификации работников. Им приходится осваивать совершенно новые навыки и умения, связанные с обслуживанием и управлением автоматизированных систем, например, написание промптов или распознавание сгенерированного контента.

Многие рутинные виды работы (написание программных кодов, транскрибирование аудиозаписей, перевод и редактирование текста, обработка данных, создание презентаций) уже успешно выполняются программами-роботами. Более того, даже в профессиях и специальностях, где традиционно требовались широкая эрудиция, интеллект, креативность, на смену человеку часто приходит искусственный разум. Было бы слишком опрометчиво сказать, что некоторые профессии (бухгалтеров, финансистов, переводчиков и т.д.) в скором будущем ждет забвение, однако предпосылки радикальной трансформации профессиональной структуры общества, безусловно, есть. Перед социологами встает задача изучения социальных последствий, к которым приводит развитие этих технологий. Конечно, многие могут потерять рабочие места, возникает риск формирования новых оснований для социального неравенства, поскольку одни профессиональные группы могут оказаться более уязвимыми перед изменениями на рынке труда, нежели другие.

Отвечая на технологические вызовы, радикально должна измениться и сфера высшего образования с точки зрения того, как и чему следует обучать студентов. В университетах, в частности, уже ведутся дискуссии о возможности и этичности использования технологий искусственного интеллекта студентами при написании эссе, курсовых и дипломных работ, обновляются образовательные программы, создаются новые учебные курсы, преподаватели проходят профессиональную переподготовку, и многое еще впереди.

Бочаров Ю.В. Переход отечественных предприятий к 6-му технологическому укладу происходит в условиях формирования новой парадигмы суверенного экономического развития России и связан с поиском особых моделей инновационной политики в социально-трудовой сфере [Бочаров и др., 2023]. При этом имеющиеся проблемы на рынке труда, в сфере занятости и профессионального образования порождают необходимость создавать или восстанавливать утраченные производства и сферы деятельности (особенно относящиеся к ВПК). В настоящее время вызывают озабоченность многих специалистов разрыв единства системы профессионального образования и рынка труда, взрывной рост числа самозанятых работников, масштабы и негативные последствия

прекарных форм трудовых отношений, а также проблемы роста заработной платы и необходимость улучшения условий труда работников. Также следует говорить о проблеме дистанционной занятости, которая широко распространилась в последние несколько лет, но не является универсальной технологией и неприемлема для многих профессий [Бочаров, Климова, 2022].

Попов А.В. Современное российское общество, как и весь мир, входит в трансформационную эпоху, когда разрушение становится новой нормой¹. На мой взгляд, это очень точное наблюдение. Можно долго рассуждать о технологических изменениях и проблемах взаимодействия людей с искусственным интеллектом, но в действительности ключевым вызовом является нарастающая неопределенность. Скорость протекающих процессов столь высока, что сегодняшние новации завтра окажутся обыденностью или попросту устареют. В подобных условиях все большую роль играют субъективные оценки благополучия, поскольку объективные показатели не способны в полной мере отразить успешность адаптации людей к новым реалиям жизни. Обозначенные вопросы и сейчас входят в зону ответственности социологов, однако развитие цифровых технологий требует разработки подходов для работы с большими массивами информации, что позволит оперативно отслеживать и прогнозировать общественные настроения.

7. Какие темы в социологии труда вы считаете самыми важными и перспективными? Какие вопросы, на ваш взгляд, журнал упускает при освещении исследований трудовой сферы?

Климова С.Г. Существенные перемены социально-политической ситуации в нашей стране требуют переосмысления всех базовых тем этой дисциплины. Как было сказано на восьмом Форуме труда в Санкт-Петербурге, «“новое открытие” социологии труда вообще и производственной социологии в частности требует учета новых реалий» – и методологических, концептуальных, и новых феноменов в сфере труда, и новых организационных, социально-экономических условий работы социолога на предприятии. В коротком тексте можно внятно сказать только о каком-то одном важном сюжете из множества других, не менее важных. С точки зрения социальной значимости проблемы я считаю самым важным феномен быстрого роста числа работников, функционирующих на рынке свободного труда; не включенных в какие-то социально-профессиональные или производственные сообщества – предприятия, творческие объединения, даже не зарегистрированные как самозанятые. Они могут иметь качественное образование или не иметь никакого; называться красиво «фрилансеры»; быть зарегистрированными на биржах удаленной работы или сами по себе находить заказы у разных работодателей, но они остаются, независимо от квалификации, поденщиками. Их удел – бесконечная перспектива разовой работы, за которую еще и приходится конкурировать. Для заказчиков фрилансеры/поденщики – внешняя рабочая сила, которую можно использовать без всяких трудовых гарантий и без отчислений в фонды социального страхования. Это прекарии в полном и завершенном значении этого понятия. Быстрый неконтролируемый рост численности этой группы создает перспективу неэффективного со всех точек зрения использования труда и социальные риски в виде различных девиаций (от подневольного труда до закрытия карьерных перспектив способным работникам). Нужны исследования и практические рекомендации, ориентированные на создание разного рода саморегулируемых организаций для разных категорий поденщиков или включения их в существующие с соответствующим стимулированием.

Темницкий А.Л. Важно прежде всего то, что связано с необходимостью решения актуальных проблем в сфере труда, а не то, что отвечает научному интересу автора, конъюнктуре или моде. Обострение проблемы дефицита рабочих кадров диктует тематику,

¹ The Future of Work: OECD Employment Outlook 2019. URL: <https://www.oecd.org/berlin/publikationen/Employment-Outlook-2019-Highlight-EN-Web.pdf> (дата обращения: 29.04.2024).

связанную с вопросами отчуждения молодежи от рабочих профессий. В прикладном плане это возвращение к традиционным вопросам советской социологии труда: профессиональной ориентации, трудового наставничества, закрепления рабочих кадров и т.п., но на другой основе, учитывающей роль цифровизации, смену трудовых поколений, новый социокультурный контекст.

Актуальными становятся темы укрепления трудовой дисциплины и эффективного использования рабочего времени на уровне организации и выявление, диагностика человеческого потенциала нового типа работника, обладающего не только высокими профессиональными компетенциями, но и готового к быстрой смене рабочих мест, к профессиональному переобучению, работника, способного комбинировать в своих стратегиях трудового поведения разные формы занятости, управлять своим рабочим временем, быть самодостаточным и уверенным в себе, в своих ресурсах.

Бочаров В.Ю. Важнейшим направлением анализа трудовых отношений является применение концепции социологии жизни (Ж.Т. Тощенко), в рамках которой трудовые отношения могут рассматриваться в качестве синтезирующего (объединяющего) понятия по отношению к ключевым компонентам жизненного мира работника (трудовое сознание, трудовое поведение и трудовая среда). В рамках ключевых компонентов жизненного мира работника следует уделять внимание анализу типа трудовой мотивации и социальному самочувствию работников, их включенности в организацию, характеру трудового поведения (склонности к новаторству), профессиональному обучению и планам, анализу причин социальной напряженности в коллективе и влиянию трудовой среды на физическое и психическое состояние человека в процессе трудовой деятельности.

Если говорить об исследованиях, которые хотелось бы видеть на страницах журнала «Социологические исследования», то наиболее актуальны в настоящее время исследования трудовых отношений, уровня и качества трудовой жизни наемных работников промышленных предприятий, населения с разным статусом занятости, самозанятых (не отождествляемых только с фрилансерами). Причем интересны могут быть исследования, в которых на основе математических методов многомерной статистики выделены факторы (факторный анализ) и кластеры занятых, проводится типологический анализ, что позволяло бы видеть специфичность жизненных миров типологических групп современных российских работников.

Попов А.В. Из перечня перспективных направлений хочется остановиться на теоретических и практических аспектах изучения цифровой занятости как глобального тренда. Конкретно для нашей страны крайне важны вопросы положения работающего населения, проживающего за пределами крупных городов, поскольку диспропорции пространственного развития накладывают серьезный отпечаток на социальные процессы в сфере труда.

Мне кажется, единственное, что упускает журнал – международный опыт, представленный ведущими зарубежными учеными. Несмотря на ограничения, подобного рода сотрудничество просто необходимо для развития отечественной социологии труда.

Бессокирная Г.П. Важным направлением в социологии труда были и остаются исследования отношения к труду, мотивации труда, трудовых ценностей, трудового поведения и удовлетворенности работой. Данное направление оказалось стабильным по числу обращений к нему в СоцИсе в течение 50 лет. В настоящее время перспективными становятся темы, которые были на периферии проблемно-предметной области исследований в социологии труда, доля обращений к которым ни по одному из выделенных нами периодов не превышала 7%. Это субъектность работников, проявления самостоятельности и вовлеченности в дела организации; проблемы социально-экономического положения трудящихся и защищенности труда, трудовой культуры, дефицита и воспроизводства рабочих кадров [Темницкий, Бессокирная, 2024 (в печати)].

Анализ российского рынка труда показал, что российской экономике предстоит еще долго действовать в стрессовых условиях острой нехватки трудовых ресурсов, что грозит стать главным тормозом на пути ее устойчивого роста. В настоящее время рекордно

высокий уровень вакансий сочетается с резко ускорившимся оборотом рабочей силы [Капелюшников, 2024]. Наиболее актуализированным направлением социологии труда, по-видимому, является движение рабочей силы. «Новой» станет «старая» проблема текучести кадров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдошина Н.В., Тукумцев Б.Г. Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 141–143.
- Баймурзина Г.Р., Валиахметов Р.М., Бочаров В.Ю. Качество занятости наемных работников и самозанятых в России // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 153–156. DOI: 10.31857/S013216250024459-7.
- Бессокирная Г.П. Мотивация труда рабочих: практика и теоретико-методические проблемы изучения на российских промышленных предприятиях // Социально-трудовые исследования. 2020. № 3. С. 132–147. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-132-147.
- Бизюков П.В., Бизюкова В.А. Изменение социальных отношений на шахте им. Братченко // Крупные промышленные предприятия: перестройка управления и трудовых исследований (монографические исследования 1992–1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабалиной. Вып. III Социально-трудовые исследования. М.: ИМЭМО РАН, 1995. С. 40–73.
- Борисов В.А. Шахта Хальмер-Ю: уроки закрытия // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 1996. № 2. С. 130–157.
- Борисов В.А., Козина И.М. Об изменении статуса рабочих на предприятии // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 16–29.
- Бочаров В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 41–52. DOI: 10.31857/S013216250019650-8.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г. Готова ли российская социология труда реагировать на новые вызовы? (аналитический обзор двух научных конференций) // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 178–191. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г. Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 151–154. DOI: 10.31857/S013216250026593-5.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г., Сизова И.Л. Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях деконверсии сферы труда // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 3. DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.5.
- Волков Ю.Е. К выработке современного представления о сущности труда // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 27–35.
- Демиденко С.Ю. Молодежь и труд в изменяющемся мире // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 156–158. DOI: 10.31857/S013216250015741-8.
- Демиденко С.Ю. Человек и его работа (обзор секции по социологии труда) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 158–160. DOI: 10.31857/S013216250009115-9.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Кабалина В.И. Трансформация предприятий: исследовательские подходы и результаты // Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Ред. В.И. Кабалина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 6–29.
- Капелюшников Р.И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры): препринт WP3/2024/02. М.: ВШЭ, 2024.
- Козина И.М. Особенности применения стратегии case study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Ред. В.И. Кабалина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 30–59.
- Кравченко А.И., Щербина В.В. Социология труда и производства // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 211–239.
- Кунявский М.Б., Моин В.Б., Попова И.М. Сознание и трудовая деятельность (ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда). Киев – Одесса: Высшая школа, 1985.
- Кученкова А.В. Вид занятости как детерминанта субъективного благополучия: проблемы сопоставимости результатов исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 9(2). С. 66–81. DOI: 10.19181/snsnp.2021.9.2.8105.

- Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Индивидуализация трудовых отношений: тенденции развития и вопросы регулирования // Социально-трудовые исследования. 2021. № 45(4). С. 51–61. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61.
- Макарова М.Н. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 45–52.
- Молевич Е.Ф. Труд как объект и предмет исследований общей социологии // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 38–41.
- Онучин А. Трудовые будни: От выживания к вовлеченности. М.: Альпина ПРО, 2024.
- Попов А.В. От precarious занятости к прекариату // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 155–160. DOI: 10.31857/S013216250009300-3.
- Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Ред. В.И. Кабалина. М.: РОССПЭН, 1997.
- Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. М.; Б.: Директмедиа Паблишинг, 2022.
- Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Саратов. ун-т, 2000.
- Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетей, 2018.
- Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
- Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3.
- Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6.
- Темницкий А.Л. Формирование индивидуальной субъектности в сфере труда у молодых работников современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 182–200.
- Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Изменения в проблемно-предметном поле социологии труда в контексте вызовов времени // Социологические исследования. 2024. № 7 (в печати).
- Темницкий А.Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России // Социологический журнал. 2017. № 23(3). С. 144–162. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5368.
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016а.
- Тощенко Ж.Т. Феномен заводской социологии: уроки и возможные перспективы // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2016b. С. 68–72.
- Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. Учебник для вузов. М.: ЦСП и М, 2012.
- Тукумцев Б.Г. Избранные статьи: сборник статей / Под ред. В.Ю. Бочарова. Самара: Самар. ун-т, 2023.
- Хумарян Д.Г., Жихаревич Д.М., Коновалов И.А. К новым исследованиям труда: вместо предисловия // Социология власти. 2020. № 32(1). С. 8–29. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-8-29.
- Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973.
- Шаленко В.Н. Концептуальные подходы к изучению трудовых конфликтов // Современная конфликтология в контексте культуры мира. М., 2001. С. 299–314.
- Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54.
- Ядов В.А. Труд // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006. С. 332–333.
- Ashwin S., Kozina I. Employment regulation in national contexts: Russia. In: Comparative Employment Relations in the Global Economy. Routledge, 2020. P. 427–449.
- Feldman D., Kim S. Bridge employment during retirement: A field study of individual and organizational experiences with post-retirement employment // Human Resource Planning, 2000. No. 23. P. 14–25.
- Kalleberg A. Rethinking the Sociology of Work, Workers and the Workplace. Labour & Industry, 2009. No. 19(3). P. 29–48.
- Kaufman B.E. The Origins and Evolution of the Field of Industrial Relations in the United States. Ithaca, N. Y.: ILR Press, 1993.
- Piore M. Revitalizing Industrial Relations. In: New Directions in the Study of Work and Employment. Whalen Ch. (ed.) Edward Elgar Publishing, 2008. P. 163–172.

Quality in Industrial Relations: Comparative Indicators. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004.

Simpson I.H. The Sociology of Work: Where Have the Workers Gone? // *Social Forces*. 1989. Vol. 67(3). P. 563–581.

Статья поступила: 06.05.24. Принята к публикации: 27.06.24.

Подготовила С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

WORK IN A CHANGING WORLD: TRANSFORMATIONS IN THE LABOR SPHERE AND THE FOCUS OF NEW RESEARCH (round table)

Participants: Guzel R. BAIMURZINA, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory for Regional Studies of Quality of Life of the Centre of Russian Regions Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Ufa, Russia (guzrim@mail.ru); Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Cultural Studies of the Samara University, Samara, Russia; Associate Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (vlad.bocharov@gmail.com); Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies" (demidsu@yandex.ru); KLIMOVA Svetlana G., Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sgklimova@mail.ru); Andrei V. POPOV, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia (ai.popov@yahoo.com); Denis O. STREBKOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., HSE University, Moscow, Russia (strebkov@hse.ru); Alexander L. TEMNITSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department of the MGIMO University; Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).

Abstract. On the eve of the anniversary of the journal, issues of studying labor and labor relations in our country are discussed, including their coverage in the journal. Specialists in the field of labor sociology give varying assessments not only of the previous period of the discipline's development, but also evaluate its prospects, discussing the undeservedly forgotten names of predecessors and their ideas. The peculiarity of the national sociology of labor development is noted, which, despite the lack of independent theories as well as ideas ahead of practice, over the past fifty years has always adequately responded to the challenges and demands of its time, fulfilling social orders. Methodological questions are raised about the difficulties of studying social and labor relations, lack of conceptual elaboration of the conceptual apparatus, and the measurements difficulties in the labor sphere are discussed. Important aspects of prospective research in this direction are discussed.

Keywords: sociology of labor, labor, social and labor relations, labor motivation, methodology, labor market.

REFERENCES

- Avdoshina N.V., Tukumtsev B.G. (2000) Social and labor relations: state and development trends in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 141–143. (In Russ.)
- Baimurzina G.R., Valiakhmetov R.M., Bocharov V. Yu. (2023) The Quality of Employment of Hired and Self-Employed Workers in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 153–156. DOI: 10.31857/S013216250024459-7. (In Russ.)
- Bessokirnaya G.P. (2020) Employee motivation at Russian industrial enterprises: practice, theoretical and methodological research problems. *Social'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor research]. No. 3: 132–147. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-132-147. (In Russ.)
- Bizyukov P.V., Bizyukova V.A. (1995) Changing social relations at the mine named after Bratchenko. In: *Large industrial enterprises: restructuring of management and labor research* (monographic studies 1992–1995)] / Ed. by Kabalina. Vol. III Social and labor research. Moscow: IMEMO RAN: 40–73. (In Russ.)

- Bocharov V. Yu. (2022) Changing Approaches to the Studying Labor Relations in Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 41–52. DOI: 10.31857/S013216250019650-8. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Klimova S.G. (2022) Is Russian Sociology of Labor Ready to Respond to New Challenges? (Analytical Review of Two Scientific Conferences). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 28. No. 2: 178–191. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Klimova S.G. (2023) Innovative Resources and Trajectories of Russian Employees in Modern Conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 151–154. DOI: 10.31857/S013216250026593-5. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Klimova S.G., Sizova I.L. (2023) Innovative Resources and Trajectories of Russian Workers in Modern Conditions of Labor Deconversion. *Socialnoe prostranstvo* [Social area]. Vol. 9. No. 3. DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.5. (In Russ.)
- Borisov V.A. (1996) Halmer-Yu mine: lessons from closure. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO. All-Russian Economic Journal] No. 2: 130–157. (In Russ.)
- Borisov V.A., Kozina I.M. (1994) On changing the status of workers at the enterprise *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 16–29. (In Russ.)
- Changly I.I. (1973) *Labour. Sociological Aspects of the Theory and Methodology of Research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Demidenko S. Yu. (2020) Man and His Work (about the Section on Labor Sociology) *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 158–160. DOI: 10.31857/S013216250009115-9. (In Russ.)
- Demidenko S. Yu. (2021) Youth and Work in a Changing World. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 156–158. DOI: 10.31857/S013216250015741-8. (In Russ.)
- Feldman D., Kim S. (2000) Bridge employment during retirement: A field study of individual and organizational experiences with post-retirement employment. *Human Resource Planning*. No. 23: 14–25.
- Kabalina V.I. (1997) Transformation of enterprises: research approaches and results. In: *Enterprise and market: dynamics of management and labor relations in the transition period*. Ed. by V.I. Kabalina. Moscow: ROSSPEN: 6–29. (In Russ.)
- Kalleberg A. (2009) Rethinking the Sociology of Work, Workers and the Workplace. *Labour & Industry*. No. 19(3): 29–48.
- Kapeliushnikov R. (2024) *Vacancy escalation in the Russian labor market (dynamics, structure, triggers)*: Working paper WP3/2024/02. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Kaufman B.E. (1993) *The Origins and Evolution of the Field of Industrial Relations in the United States*. Ithaca, New York: ILR Press.
- Khumaryan D.G., Zhikharevich D.M., Konovalov I.A. (2020) Towards New Studies of Labor: Instead of an Introduction. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32(1): 8–29. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-8-29. (In Russ.)
- Klimov I.A. (2019) Practices of cooperation between mathematicians and sociologists in the USSR During the 1960–1980s. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 4: 142–162. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6823. (In Russ.)
- Kozina I.M. (1997) Features of applying the case study strategy when studying industrial relations at industrial enterprises in Russia. In: *Enterprise and market: dynamics of management and labor relations in the transition period*. Ed. by V.I. Kabalina. Moscow: ROSSPEN: 30–59. (In Russ.)
- Kravchenko A., Shcherbina V. (1998) Sociology of labor and production. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: IS RAN: 211–239. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2021) Type of Employment as a Determinant of Subjective Well-Being: Problems of Comparability of Research Results. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9(2): 66–81. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8105. (In Russ.)
- Kunyavsky M.B., Moin V.B., Popova I.M. (1985) *Consciousness and labor activity (value aspects of consciousness, verbal and actual behavior in the field of labor)*. Kiev-Odessa: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. (2021) Individualization of Labor Relations: Trends, Problems and Solutions. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research]. Vol. 45(4): 51–61. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61. (In Russ.)
- Makarova M.N. (2007) «The End of labor»: the myth and reality of postindustrialism. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Vol. 8. No. 1: 45–52. (In Russ.)
- Molevitch E.F. (2001) Labor as object and topic for general sociology research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 38–41. (In Russ.)
- Onuchin A. (2024) *Workdays: From Survival to Engagement*. Moscow: Alpina PRO. (In Russ.)
- Piore M. (2008) Revitalizing Industrial Relations. In: *New Directions in the Study of Work and Employment*. Whalen Ch. (ed.) Edward Elgar Publishing: 163–172.

- Popov A.V. (2020) From Precarious Employment to the Precariat. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. (6): 155–160. DOI: 10.31857/S013216250009300-3. (In Russ.)
- Quality in Industrial Relations: Comparative Indicators*. (2004) Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Requitz A. (2022) *Society of Singularities. On the structural changes of the Modern era* / transl. by T.Y. Adamenko, I.G. Sokolovskaya. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing. (In Russ.)
- Romanov P.V. (2000) *Formal organizations and informal relations: a case study of management practices in modern Russia*. Saratov: Saratovskiy un-t. (In Russ.)
- Shalenko V.N. (2001) Conceptual approaches to the study of labor conflicts. In: *Modern conflictology in the context of a culture of peace*. Moscow: 299–314.
- Shevchuk A.V. (2020) From factory to platform: autonomy and control in the digital economy. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32. No. 1: 30–54.
- Sidorina T. Yu. (2018) *Life Without Labor or Labor for Salvation?* St. Petersburg: Aleteyya. (In Russ.)
- Simpson I.H. (1989) The Sociology of Work: Where Have the Workers Gone? *Social Forces*. Vol. 67(3): 563–581.
- Sociology in Russia*. (1998) Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: IS RAN.
- Tatarova G.G., Bessokinaya G.P., Kuchenkova A.V. (2021) subjective well-being at work: research practices of dociological measurements. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 175–184. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2017) The Correlation Between Terminal and Tool Labor Orientations Among Russia's Employed Population (A comparative Analysis). *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 23(3): 144–162. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5368. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2021) Traditions and innovations in the labor culture of Russian workers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L., Bessokinaya G.P. (2024) Changes in the problem and subject field of labor sociology against the backdrop of the time challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. (In print) (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2020) Formation of Individual Subjectivity in Labor among Young Workers in the Modern Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 182–200. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1660. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016a) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016b) The phenomenon of factory sociology: lessons and possible prospects. In: *Helping professions: scientific justification and innovative technologies*. Ed. by Z. Saralieva. Nizhny Novgorod: NNGU: 68–72. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Tsvetkova G.A. (2012) *Sociology of labor*. Textbook for universities. Moscow: TSP i M. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (2023) *Selected articles: a collection of articles*. Ed. by V. Yu. Bocharov. Samara: Samar. un-t. (In Russ.)
- Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. (2023) Ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Volkov Yu.E. (2009) Towards the development of a modern understanding of the essence of labor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 27–35. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2006) Labor. In: *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*. St. Petersburg: Nauka: 332–333. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) *Man and his work in the USSR and after*. Textbook for universities. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: ASPEKT PRESS. (In Russ.)

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies", Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

Экономическая социология. Социология труда

© 2024 г.

П.М. КОЗЫРЕВА, А.Э. НИЗАМОВА, А.И. СМЕРНОВ

ДИНАМИКА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики» (pkozyreva@isras.ru); НИЗАМОВА Алфия Энварьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; главный эксперт Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики» (anizamova@hse.ru); СМЕРНОВ Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (smir_al@bk.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлен анализ изменений в продолжительности рабочего времени в постсоветский России (1994–2021). Показано, что если в 1990-х гг. каждый третий работник трудился, не превышая установленную продолжительность рабочего времени, то сегодня только каждый пятый, а остальные вынуждены постоянно перерабатывать. Вместе с тем при росте показателей продолжительности оплачиваемой работы отмечено заметное сокращение времени на передвижение на работу и обратно, а также доли этих затрат в общем объеме рабочего времени. Выявлена заметная дифференциация работников по уровню трудовой нагрузки, что, в свою очередь, становится одной из веских причин роста дифференциации в размере заработной платы. Анализируя ситуацию, сложившуюся в экономике, авторы прогнозируют сохранение высоких показателей продолжительности рабочего времени в ближайшей перспективе, что повышает угрозу эмоционального истощения и физической усталости работников.

Ключевые слова: динамика • мониторинг • оплачиваемая работа • рабочее время • социальная адаптация • экономический кризис

DOI: 10.31857/S0132162524050021

Предпосылки и эмпирическая база исследования. Одним из направлений изучения тенденций и особенностей динамики распределения фонда времени на различные виды деятельности на протяжении постсоветского периода выступает исследование изменения затрат времени работающим населением на оплачиваемую работу и связанные с ней виды деятельности. Так, в ходе изучения социальных проблем труда и досуга рабочих после перехода к рыночной экономике выявлено сокращение времени основной работы, главным образом у мужчин, а также продолжительности передвижения от дома

В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

до работы и обратно у рабочих, мужчин и женщин [Патрушев, 2006]. В исследовании, проведенном в 2014 г. на восьми промышленных предприятиях в пяти областных центрах, выявлена существенная региональная дифференциация величины рабочего времени рабочих, как мужчин, так и женщин, а также незначительная дифференциация затрат времени на виды деятельности, связанные с оплачиваемым трудом [Караханова, Большакова, 2016].

Анализ особенностей повседневного использования времени работающим городским населением за 1965–2004 гг. выявил, что после перехода к рыночной экономике городские мужчины и женщины стали работать меньше, но после 1998 г. среди женщин отмечен рост продолжительности рабочего времени, тогда как экономическая активность мужчин продолжала падать [Караханова, 2006]. На основе данных исследований, охватывающих 1986–2004 гг., проанализированы тенденции использования времени на оплачиваемую работу и связанные с ней виды деятельности отдельными группами городских жителей. На фоне увеличения общей трудовой нагрузки в городах у всех мужчин и уменьшения у всех женщин выявлено сокращение рабочего времени (оплачиваемый труд и время, связанное с работой) у тех и у других; более заметное влияние на использование времени брачного статуса у мужчин, чем у женщин; сокращение рабочего времени у специалистов, причем в большей степени у мужчин [Повседневная деятельность..., 2010].

Исследование использования бюджетов времени сельским населением показало, что динамика продолжительности рабочего времени сельчан характеризуется определенными колебаниями. Если в первой половине 1990-х гг. отмечено значительное сокращение рабочего времени на селе, то в дальнейшем это падение прекратилось, но наблюдались различающиеся по амплитуде колебания продолжительности оплачиваемого труда и времени, связанного с работой, у сельчан обоего пола [Артемов, Новохацкая, 2011]. Сравнительный анализ использования бюджетов времени городским и сельским населением выявил хотя и сократившуюся, но значительно более высокую трудовую нагрузку сельских жителей [Патрушев, 2005].

В целом, как показал сравнительный анализ данных широкомасштабного выборочного пилотажного обследования, предпринятого органами федеральной статистики накануне Всероссийской переписи населения 2010 г., и данных советского периода, население стало работать меньше и резко снизился уровень занятости [Кузьмин, 2013: 39]. В то же время анализ динамики использования времени работающими горожанами в 1986, 2007–2008, 2019–2020 гг. выявил связь адаптационного поведения в повседневной деятельности с циклично-волновой трансформацией внешней по отношению к домохозяйству среды [Большакова, Караханова, 2022].

В социально-экономической литературе зафиксирован долгосрочный мировой тренд сокращения рабочего времени (количества часов, отработанных в среднем в расчете на одного занятого) в условиях экономического роста и повышения общественной производительности труда [Золотов, 2020]. Но в разных странах эта закономерность имеет свою специфику. В экономиках развитых западных стран средняя продолжительность рабочего времени заметно уменьшилась в 1960–1970-е гг., после чего ее снижение замедлилось. В России продолжительность оплачиваемого труда заметно снизилась в первые годы реформ, но стабилизировалась в середине 1990-х гг. При этом увеличилась дифференциация работников по данному показателю [Вишневская и др., 2001]. В дальнейшем показатель продолжительности рабочего времени, после небольшого роста в начале 2000-х гг., был подвержен определенным колебаниям, демонстрируя зависимость от меняющихся условий [Бобков, Вередюк, 2019; Зайкова, 2020].

Отмечается также, что особенностью «русской модели рынка труда» на протяжении всего постсоветского периода является то, что в кризисные годы амортизация негативных экономических шоков идет в ней не столько по линии падения занятости и роста безработицы, сколько по линии сжатия продолжительности рабочего времени – одного из главных каналов подстройки к негативным экономическим шокам, что происходит главным образом за счет распространения различных форм неполной занятости [Капелюшников, 2023: 45–46].

С учетом определенной противоречивости данных предыдущих исследований, целью данной работы является анализ изменений, характеризующих перемены в продолжительности рабочего времени за постсоветский период, которые привлекают внимание

не только специалистов, но и представителей государственных ведомств и других заинтересованных лиц. Внимание акцентируется на сдвигах, которые нередко маскируются различными по амплитуде колебаниями анализируемых показателей. Рассматриваются изменения продолжительности оплачиваемой работы, а также основного вида деятельности, связанного с работой – затрат времени на передвижение к месту работы и обратно. Фиксировалась продолжительность работы в течение последних семи дней, предшествующих опросу, на предприятии, в организации, включая работу по совместительству, надомную работу, предпринимательскую и фермерскую деятельность.

Эмпирическую базу исследования составили данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹. Большинство интересующих нас вопросов включались в обследование только в 1994–1996, 1998 гг. (5–8-я волны), а затем, после большого перерыва, в 2021 г. (30-я волна), что в определенной мере ограничивает возможности анализа. Но, с другой стороны, сравнение таких двух временных срезов позволяет яснее представить глубину изменений в продолжительности рабочего времени, которые произошли по сравнению с периодом, когда экономика России переживала радикальные и чрезвычайно болезненные реформы. В данном случае конец 2021 г. выглядит наиболее удачным периодом для проведения сравнительного анализа, поскольку это время определенного затишья между шоковыми событиями, вызванными пандемией коронавируса, и началом специальной военной операции. Объектом исследования являлись работающие россияне в возрасте 18 лет и старше.

Занятость и продолжительность работы. Продолжительность рабочего времени тесно связана с занятостью, непосредственно зависит от ее характера и вида (формы, типа) [Вишневская и др., 2001: 61–62]. Эта связь становится еще заметнее и теснее с появлением новых (нестандартных) форм занятости, усиливающих дифференциацию затрат времени на оплачиваемый труд и связанные с ним виды деятельности. В то же время одинаковое количество часов может быть реализовано при разных режимах рабочего времени [Бобков, Вередюк, 2019: 109–110].

Анализ данных RLMS-HSE представляет хотя и пеструю, но достаточно стабильную картину распределения занятых в зависимости от количества дней, отработанных на основной работе в течение месяца, предшествующего опросу (рис.). Большинство занятых работали в месяц свыше 20 дней, но доля таких работников за 2006–2021 гг. сократилась с 63,4 до 58%. При этом занятость значительной части респондентов нельзя назвать высокой: примерно каждый пятый трудился на основной работе в месяц не более 15 дней и еще каждый пятый – от 16 до 20 дней. Доля респондентов, которые с учетом пятидневной рабочей недели работали в месяц около 20–22 дней, увеличилась с 43,2 до 48%, тогда как доля лиц с самой большой нагрузкой, отработавших в месяц более 25 дней, сократилась с 14,4 до 9,6%.

Мужчины чаще превосходят женщин по количеству рабочих дней. По данным за 2021 г., доля респондентов, отработавших в течение последнего месяца не более 15 дней, достигла среди мужчин 21,5%, среди женщин – 22%, тогда как доля отработавших свыше 25 дней составила соответственно 11,7 и 7,6%. Среди сельчан доля отработавших в течение последнего месяца больше 25 дней была гораздо выше, чем среди горожан (17,2 против 7%). Чем выше уровень образования, тем ритмичнее и размереннее темп работы. По мере его повышения от неполного среднего до высшего падает как доля тех, кто работал не более 15 дней (с 26,5 до 15,9%), так и тех, кто трудился свыше 25 дней (с 15,8 до 6,9%). Влияние возраста в данном случае проявляется в том, что после достижения 60-летнего рубежа повышается до 30% доля работающих в месяц не более 15 дней и падает до 5,9% доля тех, кто трудится свыше 25 дней.

Многим работникам приходится трудиться в субботу, воскресенье или праздничные дни, что существенно увеличивает их общую трудовую нагрузку (табл. 1). При этом

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>).

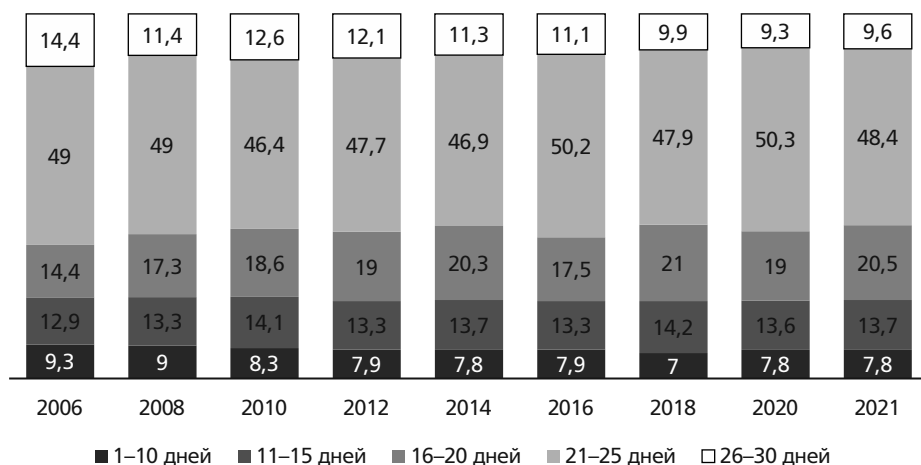

Рис. Распределение респондентов в зависимости от количества дней, отработанных ими в течение последних 30 дней, 2006–2021 гг. (в %)

Таблица 1

Распространенность работы в вечернее и ночное время, выходные и праздничные дни, 2021 г. (в %)

Группы занятых	Никогда	Несколько раз в год	Несколько раз в месяц/один раз в месяц	Несколько раз в неделю/несколько раз в месяц	Практически все дни
<i>Как часто вам приходится работать поздно вечером или ночью?</i>					
Все работающие	65,8	10,2	12,8	10,4	0,8
в том числе:					
мужчины	54,3	13,7	17,5	13,3	1,2
женщины	77,2	6,7	8,0	7,7	0,4
<i>Как часто вам приходится работать в субботу, воскресенье или праздничные дни?</i>					
Все работающие	32,6	17,4	4,7	40,0	5,3
в том числе:					
мужчины	24,7	19,6	5,1	44,2	6,4
женщины	40,1	15,4	4,2	36,1	4,2

хорошо заметна гендерная асимметрия в сторону большей трудовой нагрузки у мужчин за счет работы в выходные и праздничные дни, а также в вечернее и ночное время.

Ответом на многие современные вызовы в сфере труда стало развитие новых форм занятости населения, которые обеспечивают наиболее оптимальное в сложившихся условиях взаимодействие работодателя и работника. К таким формам можно отнести многочисленные разновидности дистанционной занятости, получившие в последние годы широкое распространение. Одним из факторов, ускоривших этот процесс, стала пандемия COVID-19, которая внесла существенные коррективы в функционирование российского рынка труда. Сегодня, несмотря на всю неоднозначность влияния на рынок труда, дистанционная занятость рассматривается как одна из наиболее перспективных форм трудовых отношений, проявившая свой потенциал в условиях пандемии [Колесникова, Стребков, 2020: 65]. Но пока, несмотря даже на существенный рост в период эпидемии, уровень дистанционной занятости остается очень низким [Капелюшников, 2023: 39–41].

В 2021 г. 82,4% респондентов отдавали предпочтение обычному, не дистанционно-му режиму работы, 13,1% хотели бы сочетать обычный и дистанционный режимы и лишь 4,6% желали работать только дистанционно. И в действительности подавляющее большинство работников (86,1%), занятых на основной работе, традиционно проводили основную часть рабочего времени на постоянном рабочем месте, внутри или вне помещения. Что касается остальных работников, то 9,2% обычно трудились без постоянного рабочего места, в разъездах или перемещениях в пределах определенной территории, 1,9% – на выезде с проживанием, вахтовым методом, 0,8% – дома (надомная работа), но не онлайн, и только около 2% работали в основном дистанционно из дома или из другого места. Женщины гораздо чаще мужчин проводили основную часть рабочего времени на постоянном рабочем месте (93,9 против 78,2%), тогда как мужчины намного чаще трудились без постоянного места работы, в разъездах (16,2 против 2,2%) и на выезде с проживанием (3,5 против 0,3%).

Часть занятых помимо основной работы имеют еще одну оплачиваемую работу. Доля таких респондентов выросла с 4,6% в 1994 г. до 5,2% в 2001 г., но к концу 2021 г. она сократилась более чем вдвое – до 2,9%. Кроме того, определенная часть занятого населения иногда, время от времени выполняет еще какую-нибудь работу за плату (занимаются репетиторством, помогают с ремонтом квартиры, автомобиля, ухаживают за больными и т.п.). В 2021 г. среди занятых доля таких респондентов составила 4,2%.

Данные мониторинга свидетельствуют о существенной дифференциации трудовой нагрузки по группам занятых, обусловленной различиями в характере занятости, особенностями труда на конкретных предприятиях. Анализ, выполненный В.Н. Бобковым и О.В. Вередюк, опираясь на данные RLMS-HSE, показал, что при сохраняющейся неоднородности региональных тенденций условно-стандартная модель (40 часов в неделю по 8 часов в день в течение пяти дней) продолжает распространяться, но еще не стала преобладающим «режимом часов работы». Факторами, повышающими вероятность занятости на условиях этой модели, являются наличие трудового договора, работа в компаниях с государственным участием, занятость в органах управления [Бобков, Вередюк, 2019].

Тенденции изменения продолжительности рабочего времени. Анализ данных Росстата выявляет тесную связь колебаний в продолжительности рабочего времени с фазами кризисных процессов и колебаниями в ВВП. Согласно расчетам, опирающимся на эти данные, показатель среднего количества отработанных за год часов на одного работника (рассчитывается по административным данным для сектора крупных и средних предприятий) уменьшился с 1810 часов в 1989 г. до 1500 часов в 1996 г. (т.е. на 17%), после чего постепенно увеличился до 1730 часов в 2006 г. [Заработная плата..., 2007: 41–42]. В дальнейшем этот показатель колебался вокруг отметки 1750 часов. При этом выделялись два пика – в 2007 г. и 2019 г., когда он вплотную приближался к отметке 1770 часов, а также три провала, приходящиеся на годы кризисов: 2008, 2015 и 2020 гг. Сходную картину рисует и динамика средней продолжительности рабочей недели. Ее колебания происходили вокруг отметки 38 часов без явно выраженного долгосрочного тренда [Капелюшников, 2023: 42–45].

Вместе с тем, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), эти показатели в России оказываются выше, превосходя показатели многих ведущих стран мира. Так, в 2020 г. в странах, данные по которым собирает ОЭСР, среднее рабочее время в расчете на одного занятого в год составило 1687 часов, тогда как в России – 1874 часа [OECD..., 2023]. В настоящее время россияне работают на 1–3 месяца в году больше, чем в США, Великобритании, Франции, Германии и некоторых других западных странах [Карачаровский, Гурулева, 2023:36].

Согласно данным RLMS-HSE² (табл. 2), средняя продолжительность оплачиваемого труда в неделю на одного российского работника в 2021 г. составила 43,4 часа, что было немного больше, чем в 1990-х гг. (критерий Краскела – Уоллиса $H(4) = 82,791$; $p < 0,001$). Если исходить из того, что в 2021 г. было 45 рабочих недель (за вычетом отпуска и праздничных

²Здесь и далее затраты времени на оплачиваемый труд и связанное с ним передвижение до места работы и обратно рассчитаны по тем опрошенным, относительно которых было известно, что в течение последних 7 дней они участвовали в этих видах повседневной деятельности. Таковых в базе данных пяти волн (1994–1998, 2021) в сумме насчитывалось 19 289 респондентов при анализе продолжительности времени работы и 19 081 – при рассмотрении времени на передвижения в связи с работой.

Таблица 2

Динамика продолжительности оплачиваемого труда и передвижения на работу и обратно в неделю (на человека в часах за 7 дней недели)*

Вид деятельности	1994	1996	1998	2021
Оплачиваемая работа	42,0 (40,0)	42,8 (40,0)	40,9 (40,0)	43,4 (40,0)
в том числе:				
мужчины	44,7 (40,0)	45,9 (41,0)	43,4 (40,0)	45,7 (42,0)
женщины	38,9 (40,0)	39,6 (40,0)	38,4 (40,0)	41,1 (40,0)
Передвижение на работу и обратно**	5,2 (4,0)	4,9 (3,5)	4,6 (3,3)	4,1 (2,7)
в том числе:				
мужчины	5,6 (5,0)	5,2 (4,0)	4,9 (3,5)	4,3 (3,0)
женщины	4,7 (3,5)	4,7 (3,5)	4,4 (3,0)	3,9 (2,5)
В целом	47,5 (45,5)	47,8 (45,5)	45,6 (45,0)	47,5 (46,0)
в том числе:				
мужчины	50,5 (49,0)	51,0 (48,7)	48,2 (47,0)	49,9 (48,5)
женщины	44,0 (43,3)	44,4 (44,0)	42,8 (43,3)	45,2 (45,0)

Примечания. *Средняя (медиана). **Приведены данные по ответившим без учета тех, кто не ездил на работу, но работал.

дней), то среднее рабочее время в расчете на одного занятого в год составит 1953 часа. Хорошо заметно резкое снижение средней продолжительности труда в неделю в 1998 г., когда страна испытала один из самых тяжелых экономических кризисов. Мужчины постоянно превосходили женщин по данному показателю, но к концу 2021 г. это преобладание заметно сократилось. В целом за 1994–2021 гг. это снижение составило около 20%.

Из табл. 3 видно, что в 2021 г. по сравнению с 1990-ми гг. стало гораздо меньше тех, кто работал менее 40 часов в неделю. Это снижение произошло практически полностью за счет увеличения количества работающих от 40 до 55 часов. Выявленные сдвиги в равной степени затронули и мужчин, и женщин. В целом в 2021 г. почти 80% занятых трудились на оплачиваемой работе более 40 часов в неделю, т.е. превышая установленную нормальную продолжительность рабочего времени. Среди мужчин таких было 85,5%, тогда как среди женщин – 70,2%. У каждого пятого мужчины и каждой восьмой женщины оплачиваемое рабочее время составляло в неделю более 55 часов, которые в подавляющем большинстве случаев «набегали» за счет работы в вечернее и ночное время и/или выходные и праздничные дни. Такие различия в продолжительности работы

Таблица 3

Распределение занятых в зависимости от продолжительности оплачиваемого труда в неделю по полу по годам* (в %)

Часы в неделю	1994			1998			2021		
	в целом**	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Менее 40	32,2	23,3	42,4	33,6	25,8	41,5	22,1	14,5	29,8
От 40 до 45	33,0	34,5	31,4	33,0	34,1	31,8	37,6	37,7	37,6
От 45 до 55	18,3	20,7	15,5	19,3	20,8	17,8	23,5	27,3	19,7
55 и более	16,5	21,5	10,7	14,2	19,3	9,0	16,7	20,5	12,9

Примечания. *По полу: 1994 г.: χ^2 Пирсона = 204,114, значимо на уровне 0,001; 1998 г.: χ^2 Пирсона = 124,275, значимо на уровне 0,001; 2021 г.: χ^2 Пирсона = 189,839, значимо на уровне 0,001. **В целом по годам: χ^2 Пирсона = 171,165, значимо на уровне 0,001.

определенным образом свидетельствуют о существенной дифференциации работников по размеру заработной платы.

Результатом постоянных переработок может стать так называемое эмоциональное выгорание, представляющее собой, по определению Всемирной организации здравоохранения, состояние, возникающее в результате хронического стресса на рабочем месте, который не удается успешно преодолеть. Такое состояние, характеризующееся физическим и психическим истощением, возникает в ответ на эмоциональное перенапряжение при выполнении профессиональных обязанностей. Благодатной почвой для эмоционального выгорания является ситуация, характеризующаяся длительно сохраняющимся напряжением труда с постоянными переработками. Кроме того, «критический уровень нагрузок на работе» является причиной распространения такого феномена, как «ловушка» экономической мотивации – индивидуальной неготовности работников к повышению производительности труда даже при условии повышения заработной платы [Карачаровский, Гурулева, 2023].

Но, несмотря на все это, большинство работников вполне довольны своей нынешней работой. По данным RLMS-HSE, за 2002–2021 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом выросла с 50,6 до 73%, тогда как доля совсем или скорее недовольных сократилась с 32 до 6%. При этом за 2009–2021 гг. доля работников, в большей или меньшей степени удовлетворенных продолжительностью рабочего дня, практически не изменилась, составив около 69%. В то же время доля в той или иной мере неудовлетворенных сократилась с 11,5 до 8%.

Похоже, что часто проблема эмоционального выгорания или не осознается в полной мере, или игнорируется российскими работниками. Как показывает практика, многие из них сами с желанием соглашаются на работу с продолжительностью рабочего времени сверх установленной. Причины могут быть самыми разными: от стремления полнее реализовать себя в профессиональном плане, проявления корпоративной солидарности до желания получить прибавку к заработку, перейти на более высокую и оплачиваемую должность. В таких случаях режим переработок не только не снижает, но может и повышать удовлетворенность продолжительностью рабочего дня, условиями труда и работой в целом.

Анализ выявил значимую, но крайне слабую обратную связь возраста с продолжительностью оплачиваемого труда. Более заметным оказалось влияние уровня образования, которое проявляется в том, что более образованные работники тратят меньше времени на работу, чем менее образованные (табл. 4). Если в 1990-х гг. это влияние практически не ощущалось, то в 2021 г. наблюдалось последовательное сокращение среднего показателя продолжительности работы по мере повышения уровня образования: с 45,8 часа среди респондентов с образованием ниже среднего до 41,6 часа среди респондентов с высшим образованием. Причем эта тенденция была характерна только для мужчин: соответствующее снижение составило с 48,4 до 43,9 часа. Независимо от уровня образования мужчины тратят на оплачиваемую работу больше времени, чем женщины.

Таблица 4

Продолжительность оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от уровня образования (на человека в часах за 7 дней недели)*

Уровень образования	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Ниже среднего	42,3	43,7	40,0	39,9	40,2	39,4	45,8	48,4	41,1
Общее среднее	42,4	44,4	39,0	41,7	43,6	38,7	45,1	46,5	43,0
Среднее специальное	41,2	44,7	39,3	40,3	43,3	38,6	43,3	45,7	41,2
Высшее	42,1	46,6	37,6	40,6	44,6	37,4	41,6	43,9	40,0

Примечание. *В целом по годам значения медианы и моды равны 40,0 час., за исключением 2021 г., когда медиана составила 44,0 час. для уровня образования «ниже среднего» и 42,0 час. по тем, у кого образование «общее среднее». Что касается различий по полу, то только у мужчин медиана была выше 40 час: в 1994 г. в отношении респондентов с законченным высшим образованием и в 2021 г. в отношении лиц с образованием ниже среднего (48,0 час.), общим средним (45,0 час.) и средним специальным (42,0 час.).

Таблица 5

Динамика продолжительности оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от профессионального статуса (на человека в часах за 7 дней недели)*

Профессионально-должностные группы	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Руководители	47,5	49,7	43,2	46,7	49,2	42,6	44,6	47,2	41,6
Специалисты высшего уровня квалификации	38,4	43,6	36,1	37,9	41,8	36,3	39,1	40,3	38,5
Специалисты среднего уровня квалификации	41,5	45,6	39,7	40,7	44,1	39,2	42,9	45,8	41,5
Служащие	40,0	37,5	40,2	36,6	42,1	35,9	45,2	47,9	44,1
Работники сферы обслуживания	46,4	49,8	44,4	45,7	49,4	43,3	46,4	52,1	43,4
Квалифицированные рабочие ручного труда	41,9	42,4	38,9	41,0	41,1	40,2	44,6	44,6	44,2
Операторы машин и механизмов	44,6	45,4	40,0	43,1	43,5	41,6	46,7	47,0	44,1
Неквалифицированные рабочие	40,4	47,6	36,7	37,7	43,3	34,8	39,9	42,4	37,6

Примечания. *В целом по годам значения моды равны 40,0 час. в каждой из представленных профессиональных групп, за исключением работников сферы обслуживания (48,0 час.). Медиана превышала 40,0 час. у работников сферы обслуживания (1994 г. и 1998 г. – 45,0 час., 2021 г. – 48,0 час.), у руководителей (1994 г. – 43,0 час., 1998 г. – 42,0 час.) и операторов машин и механизмов (1994 г. – 41,0 час., 2021 г. – 45,0 час.).

Но если в 1990-х гг. эта дистанция по мере повышения уровня образования увеличивалась, то теперь сокращается.

Несмотря на тесную связь профессионального статуса с уровнем образования, меньше других проводят времени на работе специалисты высшего уровня квалификации и неквалифицированные рабочие, тогда как больше других – работники сферы обслуживания и квалифицированные рабочие, занятые обслуживанием машин и механизмов (табл. 5). Много времени отводят работе также руководители, но средняя продолжительность труда в неделю у них снизилась на 6,3% – с 47,5 часа в 1994 г. до 44,6 часа в 2021 г. Одновременно существенно выросла продолжительность работы служащих – с 40 часов в 1994 г. до 45,2 часа в 2021 г., т.е. на 13%. Больше времени стали тратить на выполнение своих профессиональных обязанностей также специалисты среднего уровня квалификации и квалифицированные рабочие ручного труда. Характерная для мужчин более длительная продолжительность рабочего времени прослеживается практически во всех профессиональных группах.

У сельчан трудовая нагрузка выше, чем у горожан. В 2021 г. продолжительность оплачиваемого труда в неделю в расчете на одного занятого горожанина составила 43,2 часа, тогда как в расчете на одного сельчанина – 44,2 часа. Это превышение обеспечивалось полностью за счет мужчин. При этом и горожане, и сельчане стали работать больше, чем в 1990-х гг. Представляет интерес тот факт, что если в 1990-х гг. сельчане трудились не больше, чем жители региональных центров, то в настоящее время превалирование сельчан стало очевидным (табл. 6). Среди горожан больше других трудятся жители небольших поселений, в которых проживает от 10 до 100 тыс. человек (44,5 часа), тогда как меньше других – жители мегаполисов, Москвы и Санкт-Петербурга (41,8 часа).

Рассматривая изложенные выше данные, необходимо иметь в виду, что работа на селе носит четко выраженный сезонный характер. Если принять во внимание, что опросы RLMS-HSE проводятся в конце года, когда трудовая жизнь на селе затихает, то можно предположить, что в действительности трудовая нагрузка у труженников села оказывается еще больше, чем у горожан.

Таблица 6

Динамика продолжительности оплачиваемого труда в неделю работников в зависимости от типа населенного пункта (на человека в часах за 7 дней недели)*

Тип населенного пункта	1994			1998			2021		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Региональный центр	42,2	45,1	39,2	41,6	43,9	39,3	42,8	44,7	41,0
Другой город	41,5	43,7	38,9	40,1	42,2	38,1	43,9	45,7	42,1
Поселок городского типа	41,1	43,7	38,3	43,9	47,5	40,6	43,3	46,0	41,0
Село	42,5	45,6	38,6	39,3	42,5	35,5	44,2	47,9	40,0

Примечания. *В целом по годам значения моды равны 40,0 час. в каждом из типов населенных пунктов. При этом только у женщин, проживающих в сельской местности, значение моды составляло во все годы наблюдений 35,0 час. Медиана составила в отношении сельчан 42,0 час. в 2021 г., оставаясь на уровне 40,0 час. в другие годы. Превышала 40,0 час. у мужчин в 1994 г. в ПГТ (42,0 час) и на селе (45,0 час), там же в 1998 г. (42,0 час); в 2021 г. ПГТ – 42,0 час., село – 48,0 час.

Таблица 7

Распределение занятых в зависимости от затрат времени на передвижение от дома до работы и обратно в неделю по полу по годам (в %)*

Часы в неделю	1994			1998			2021		
	в целом**	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
Менее 2	23,6	21,0	26,6	25,5	23,9	27,2	31,6	29,4	33,9
От 2 до 4	24,9	23,9	26,1	27,4	26,5	28,3	29,6	29,0	30,2
От 4 до 6	16,0	16,0	16,1	16,3	15,6	16,9	15,9	16,6	15,2
От 6 до 8	14,7	16,1	13,1	14,3	15,5	13,2	9,6	11,0	8,2
8 и более	20,7	23,0	18,1	16,4	18,5	14,4	13,3	14,1	12,5

Примечания. *По полу: 1994 г.: χ^2 Пирсона = 31,466, значимо на уровне 0,001; 1998 г.: χ^2 Пирсона = 15,920, значимо на уровне 0,001; 2021 г.: χ^2 Пирсона = 18,898, значимо на уровне 0,001. **В целом по годам: χ^2 Пирсона = 229,877, значимо на уровне 0,001.

Помимо выполнения непосредственных профессиональных обязанностей, немало времени занимает неоплачиваемая деятельность, связанная с работой, основную часть которого составляет время на передвижение к месту работы и обратно. По данным RLMS-HSE, доля работников, которые не расходовали время на передвижение к месту работы и обратно, но затратили время на работу в течение последних 7 дней (занимались надомной работой, работали дистанционно и др.), остается сравнительно небольшой. Но если в 1990-е гг. она не превышала 1,9%, то к концу 2021 г. выросла до 3,1%.

Что касается тех, кто продолжал «ходить» на работу, то они стали тратить на эти перемещения меньше времени. Если вернуться к табл. 2, то можно увидеть, что за 1994–2021 гг. средняя продолжительность передвижений на работу и обратно на одного человека в неделю сократилась с 5,2 до 4,1 часа, в том числе у мужчин – с 5,6 до 4,3 часа, у женщин – с 4,7 до 3,9 часа. В 1994 г. затраты времени на такие передвижения составляли 11% общего рабочего времени, тогда как в 2021 г. – только 8,6%. Эти позитивные изменения, на наш взгляд, во многом связаны с повышением доступности и качества транспортных услуг для населения. Речь идет прежде всего о развитии общественного транспорта и уровня обеспеченности населения личным автотранспортом, увеличением протяженности и повышением качества автомобильных дорог общего пользования.

Как следует из данных табл. 7, за 1994–2021 гг. заметно сократилась доля работников, которые тратили в неделю на дорогу свыше 6 часов (с 35,4 до 22,9%), в том числе расходуя свыше 15 часов (с 2,5 до 1,7%) и от 10 до 15 часов (с 7 до 3,5%). Одновременно увеличилась доля тех, кто тратил на это не более 4 часов (с 48,5 до 61,2%). Свыше шести часов на передвижения к месту работы и обратно чаще расходовали мужчины, тогда как

менее четырех часов – женщины. Это может говорить о том, что женщины чаще выбирают работу поближе к дому, даже если это негативно отражается на заработной плате.

Очевидно, чем крупнее населенный пункт, тем больше времени тратят его жители, чтобы добраться на работу и обратно. В 2021 г. средняя продолжительность этих передвижений на одного человека в неделю составила в региональных центрах 4,6 часа, тогда как в других городах – 3,9 часа, в поселках городского типа – 3,4 часа, в сельской местности – 3,2 часа. В мегаполисах этот показатель достигал 6 часов (6,4 часа у мужчин и 5,5 часа у женщин). За 1994–2021 гг. затраты времени на дорогу от дома до работы и обратно сократились как у горожан (с 5,6 до 4,3 часа), так и у сельчан (с 4 до 3,2 часа), причем практически в равной мере как у мужчин, так и у женщин.

В целом средняя суммарная длительность оплачиваемого труда и передвижений на работу и обратно в 2021 г. составила 47,5 часа (мужчины – 49,9 часа; женщины – 45,2 часа). Причем на протяжении всего рассматриваемого периода данный показатель оставался стабильным. И можно предположить, что, учитывая возросшую потребность современного российского рынка труда в работниках при сократившейся до минимума безработице, а также проблематичность значительного повышения производительности труда в ситуации постоянного нарастания санкционного давления западных стран, этот показатель в ближайшей перспективе, скорее всего, не будет снижаться. В нынешних условиях часто рост трудовой нагрузки происходит вследствие перехода предприятий в условиях дефицита кадров на работу в несколько смен или на шестидневную рабочую неделю. Нередко руководители перегруженных заказами предприятий предлагают своим сотрудникам работать за дополнительную плату сверхурочно, в выходные и праздничные дни. Такая высокая вовлеченность снижает время на восстановление и повышает риски нарастания эмоционального истощения и усталости, повышения неудовлетворенности работой и жизнью в целом.

Выводы. Анализ показал, что подавляющее большинство российских работников систематически перерабатывают, что сокращает время на восстановление после рабочего дня и негативно сказывается на их социальном самочувствии. Каждый четвертый вынужден несколько раз в месяц или несколько раз в неделю задерживаться на работе после окончания рабочего дня, почти каждому второму приходится хотя бы один или несколько раз в месяц выходить на работу в выходные или праздничные дни. Почти 80% работников российских предприятий и организаций постоянно перерабатывают, превышая установленную нормальную продолжительность рабочего времени, тогда как в 1990-х гг. таких было только две трети. Вместе с тем на фоне снижения показателей оплачиваемой работы в кризисные годы и быстрого повышения в более благоприятные наблюдалось последовательное сокращение времени на передвижение на работу и обратно, а также доли этих временных затрат в общем объеме рабочего времени. У мужчин продолжительность оплачиваемой работы и передвижения к месту работы и обратно намного выше, чем у женщин, но эта гендерная дистанция понемногу сокращается. Чем меньше возраст и ниже уровень образования работников, тем больше времени они тратят на оплачиваемую работу и тем больше среди них тех, кто задерживается на работе после окончания рабочего дня. Больше других задерживаются на работе руководители, работники сферы обслуживания и квалифицированные рабочие, занятые обслуживанием машин и механизмов, тогда как меньше других – специалисты высшего уровня квалификации и неквалифицированные рабочие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов В.А., Новохацкая О.В. Использование времени и социальное самочувствие: опыт экспериментального анализа // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 24–31.
- Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т 12. № 5. С. 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7
- Большакова О.А., Караханова Т.М. Повседневная деятельность городских жителей: адаптационное структурирование, время ресурса и справедливость в возможностях // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 525–550. DOI: 10.19181/ezheg.2022.20
- Вишневская Н.Т., Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Динамика рабочего времени: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 61–72. DOI:10.20542/0131-2227-2001-2-61-72

- Зайкова И.А. Динамика продолжительности рабочего времени в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 272–276.
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Золотов А.В. Об исследованиях закономерного характера, факторов, эффектов и перспектив динамики рабочего времени в современной экономике // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 155–168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14
- Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. М.: ВШЭ, 2023.
- Карاخанова Т.М. Повседневная деятельность горожан в показателях бюджета времени (1965–2004 гг.) // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 41–51.
- Карاخанова Т.М., Большакова О.А. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (18). С. 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413
- Карачаровский В.В., Гурулева М.Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 34–46. DOI 10.31857/5013216250027365-4
- Колесникова О.А., Стребков А.А. Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4 (41). С. 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67
- Кузьмин А.И. Влияние демографических факторов на бюджет времени работающего и незанятого населения России // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 38–46.
- Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34–43.
- Патрушев В.Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). М.: ИС РАН, 2006.
- Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т.М. Карахановой. М.: ИС РАН, 2010.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. М.: Росстат, 2022.
- OECD. Hours worked (indicator), 2023. DOI: 10.1787/47be1c78-en (дата обращения: 01.10.2023).

Поступила: 13.12.23. Финальный вариант: 04.04.24. Принята к печати: 12.04.24.

WORK DAY DURATION DYNAMICS IN THE POST-SOVIET ERA

KOZYREVA P.M.***, NIZAMOVA A.***, SMIRNOV A.I.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **HSE University, Russia

Polina M. KOZYREVA, Dr. Sci. (Sociol.), First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University (pkozyreva@isras.ru); Alfiya Nizamova, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Main Expert, Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University (anizamova@hse.ru); Alexander I. SMIRNOV, Dr. Sci. (Sociol.), Senior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (smir_al@bk.ru). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Basic Research Program of HSE University.

Abstract. Based on data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), analysis is conducted of the basic tendencies that outline changes in the duration of the work day in post-Soviet Russia (1994–2021). It was revealed that if in the 1990s every third worker stayed within the established limit for working hours, in 2021 only every fifth, while everyone else was constantly forced to work extra hours. At the same time, with an increase in the duration of paid work, there was a noticeable reduction in the time spent traveling to and from work, as well as the share of these costs in the total amount of working time. A noticeable differentiation of workers by level of workload has been revealed, which in turn becomes one of the compelling reasons for the growth of differentiation in wages. Analyzing the current situation in the economy, the authors predict the preservation of high rates of working hours in the near future, which increases the threat of emotional exhaustion and physical fatigue of workers.

Keywords: dynamics, monitoring, paid labor, work hours, social adaptation, economic crisis.

REFERENCES

- Artemov V.A., Novokhatskaya O.V. (2011) Use of time and social well-being: experience of experimental analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 24–31. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2019) Working hours in Russia: employment models and choice factors. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12. No. 5: 109–123. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.7. (In Russ.)
- Bolshakova O.A., Karakhanova T.M. (2022) Daily activities of urban population: adaptive structuring of time resources and equity in opportunities. In: *Reforming Russia: yearbook*: Vol. 20. Ed. by M.K. Gorshkov; FNIS RAS. Moscow: Novy khronograf: 525–550. DOI: 10.19181/ezheg.2022.20. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds) (2007) *Wages in Russia: evolution and differentiation*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2023) *The Russian labor market: a statistical portrait on the background of crises*. Working paper WP3/2023/02 / Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Guruleva M.N. (2023) Motivation trap on Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4. (In Russ.)
- Karakhanova T.M. (ed.) (2010) *Daily activity of urban residents in the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008)*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Karakhanova T.M. (2006) Everyday activities of citizens in terms of time budget (1965–2004). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 41–51. (In Russ.)
- Karakhanova T.M., Bolshakova O.A. (2016) Workers' time budget as a reflection of their real behavior in everyday life (1965–2014). *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 3 (18): 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413. (In Russ.)
- Kolesnikov O.A., Strebkov A.A. (2020) Advanced distance employment as a trend: problems, solutions, prospects. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social and labor research]. No 4 (41): 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67. (In Russ.)
- Kuzmin A.I. (2013) Effects of demographic factors on budget temporary employment and unemployment of population of Russia. *Vestnik UGUES. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Ser.: Ekonomika*. [Bulletin of UGUES. Science, education, economics. Ser.: Economy]. No. 4 (6): 38–46. (In Russ.)
- Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys)*. (2022). Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- OECD. (2023). *Hours worked (indicator)*. DOI: 10.1787/47be1c78-en (accessed 01.10.2023).
- Patrushev V.D. (2006) *Labor and leisure of workers (time budget, values and motives)*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Patrushev V.D. (2005) Dynamics of the use of time budgets by the urban and rural population. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 34–43. (In Russ.)
- Vishnevskaya N.T., Gimpelson V.E., Monusova G.A. (2001) Dynamics of working time: comparative analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 2: 61–72. DOI:10.20542/0131-2227-2001-2-61-72. (In Russ.)
- Zaykova I.A. (2020) Dynamics of duration of working hours in the Russian Federation. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. No. 6: 272–276. (In Russ.)
- Zolotov A.V. (2020) On studies of the natural nature, factors, effects and prospects of working time dynamics in the modern economy. *Narodonaseleniye* [Population]. Vol. 23. No. 3: 155–168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14. (In Russ.)

Received: 13.12.23. Final version: 04.04.24. Accepted: 12.04.24.

А.В. КАРАВАЙ

БЛАГОПОЛУЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (karavayav@yandex.ru).

Аннотация. Целью исследования было получение ответа на вопрос о том, как разные виды занятости связаны с удовлетворенностью россиян их работой. На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2022 г. показано, что такая связь прослеживается, но имеет свою специфику в разных профессиональных группах. При этом объективно являющаяся наиболее благополучным видом занятости и шире всего распространенная среди россиян стандартная полная официальная занятость субъективно не является таковой для представителей большинства профессиональных групп. Субъективно ею являются прежде всего различные виды занятости с ненаемным характером труда. В сфере наемной занятости наиболее высокие оценки удовлетворенности своей работой дают квалифицированные работники (руководители, профессионалы и полупрофессионалы), имеющие постоянную неофициальную занятость, а среди лиц физического или рутинного нефизического труда – имеющие неполную или стандартную официальную занятость. Сверхзанятость, даже при официальном ее характере, имеет обычно вынужденный характер, сопровождается пониженными для соответствующей профессиональной группы показателями почасовой оплаты труда и снижает показатели удовлетворенности своей работой. Что же касается неформальной занятости, прежде всего постоянной, то если для руководителей и профессионалов она является добровольным выбором и сопровождается высокой удовлетворенностью своей работой, то для рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания она имеет вынужденный характер и влечет за собой неудовлетворенность своей трудовой деятельностью.

Ключевые слова: виды занятости • удовлетворенность работой • нестандартная занятость • переработки • неформальная занятость • неполная занятость • самозанятые • субъективное благополучие

DOI: 10.31857/S0132162524050034

Введение. Занятость остается одной из самых важных сфер жизни индивидов, ведь в процессе труда они не только обеспечивают себе экономическую безопасность, но и решают другие важные задачи, связанные с потребностью самореализации, необходимостью социальных контактов, коммуникации и т.д. Поэтому для многих работников важны не только уровень заработной платы, но и психологический комфорт на работе: по результатам исследования портала SuperJob.ru¹ уровень оплаты труда называли одним из основных факторов при выборе работы 62% соискателей, но 35% говорили также о значимости для них адекватности начальства, 33% – об устойчивости компании, 29% – о комфортной психологической атмосфере на работе. Таким образом, не все и не всегда рассматривают работу лишь как источник заработка, а ее благополучность и желанность оцениваются работниками с точки зрения разных критериев.

С другой стороны, работодатели, которые создают рабочие места и предъявляют требования к работникам, руководствуются обычно прагматическими экономическими соображениями, связанными с получением прибыли и снижением издержек, в том числе фонда оплаты труда. Несмотря на сравнительно жесткое российское трудовое

¹ См. подробнее: URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114496/chem-vyshe-zarplata/> (дата обращения: 03.04.2024).

законодательство, работодатели находят лазейки для того, чтобы иметь возможность в кризисные времена сокращать расходы на зарплаты своих работников, причем не только в случае неформальных трудовых взаимоотношений, но и при наличии у работника официального постоянного трудового контракта. Помимо прямого снижения уровня оплаты труда, в ход нередко идут «игры со временем», предполагающие изменение стоимости часа труда работника. В этом случае работников переводят на неполный рабочий день или, наоборот, увеличивают нагрузку на них, без пропорционального увеличения их среднемесячной заработной платы. Все это давно устоявшиеся практики, использовавшиеся и в том числе в кризис 2014–2015 гг. [Тихонова, Каравай, 2016] или в период локдауна во время пандемии COVID-19.

Специфика нынешнего этапа развития российского рынка труда связана с дефицитом рабочей силы, что обусловлено не только фундаментальными демографическими причинами, но и структурной перестройкой экономики вследствие высокого уровня международной напряженности и необходимости обеспечения технологической независимости страны. В этих условиях можно ожидать, что из «рынка работодателя», диктующего свои условия занятости, возникнет «рынок работника», на котором у работающего населения страны появится больше возможностей отстаивать свои интересы. Но на какой вид занятости будет в первую очередь предъявляться запрос россиян в этом случае? В своем исследовании рассмотрим не только объективные, но и субъективные признаки благополучности занятости применительно к разным ее видам в различных профессиональных группах. Исследовательская задача состояла в том, чтобы выяснить, какие типы трудовых взаимоотношений являются сегодня для разных профессиональных групп работающих россиян благополучными с объективной и субъективной точек зрения. Используемая нами классификация видов занятости основывалась на концентрации признаков нестандартности (понимаемых как отличия от предусмотренных законодательством ее характеристик) в оформлении трудовых взаимоотношений работников и работодателей. Результаты такого анализа позволили показать реальные возможности представителей разных профессиональных групп в доступе к благополучной в их собственном восприятии занятости.

Эмпирической базой нашего исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ)². В основном были использованы результаты опроса, проведенного в конце 2022 г. Общий объем репрезентативной выборки составил 9665 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, в том числе 5158 работающих. Для иллюстрации динамики использовались массивы РМЭЗ более ранних периодов (с объемом репрезентативной выборки свыше 5000 работающих респондентов старше 18 лет).

Теоретические рамки и методология исследования. Исследования показывают, что не всегда существует прямая зависимость между объективными показателями качества рабочих мест (уровнем заработной платы, исполнением трудового законодательства) и тем, как сами работники оценивают свою работу, насколько они ей удовлетворены [Kalleberg, 2000; Clark, 2015; Монусова, 2019; Зудина, 2024]. Например, индивид при выборе места работы может в первую очередь ориентироваться на удобный график, а не на уровень заработка или наличие постоянного трудового контракта. Это противоречие отражает два разных подхода к оценке благополучия занятости [Knox et al., 2015; Nikolova, Cnossen, 2020]. Первый из них – объективный: работа должна предоставлять индивидам материальную возможность удовлетворять их потребности и обеспечивать достижение целей [Brown et al., 2012; Budd, Spencer, 2015]. Этот подход чаще сводится к оценке качества рабочих мест и включает оценку заработной платы, степени автономности труда, устойчивости занятости, безопасности условий труда [Budd, Spencer, 2015]. Субъективный подход предполагает, что индивидам виднее, какая занятость обеспечивает их благополучие [Graham et al., 2018], и в этом случае наиболее часто

² Сайты обследования RLMS–HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 30.03.2024).

используемым показателем является субъективная оценка удовлетворенности различными аспектами работы [Green, 2010; Clark, 2015]. Нередко в исследованиях благополучия занятости объективные и субъективные показатели комбинируются [Green et al., 2010]. В анализе рассмотрим благополучие занятости следуя субъективному подходу, учитывая, что субъективная удовлетворенность работой, являющаяся индикатором общего благополучия занятости, напрямую зависит от ее нестандартности, чаще всего связанной с неформальным и/или временным характером занятости [Монусова, 2019; Кученкова, 2021].

Под стандартной занятостью, обычно рассматриваемой исследователями как наиболее благополучная ее форма, подразумевается занятость работающих по найму с бессрочным трудовым контрактом, оформленным в письменной форме, выполняющих свои обязанности полный рабочий день. Такие работники обычно имеют фиксированное рабочее место на предприятии или в организации под контролем руководителя [Kalleberg, 2000; Гимпельсон, Капелюшников, 2006; Peckham et al., 2019; Тощенко, 2020]. Принято считать, что такого рода стандартная занятость будет встречаться все реже, и в перспективе будет затрагивать только относительно небольшую часть работающих [Mandl, 2017; Haines et al., 2018]. При этом не соответствующая указанным выше критериям нестандартная трудовая деятельность нередко оценивается российским экспертным сообществом как менее благополучная, чем стандартная, поскольку «нестандартность» занятости обычно связана в России с несоблюдением трудового законодательства [Тихонова, 2014; Тощенко, 2020; Кученкова, 2021; Каравай, 2022]. Широкое обсуждение получили также те признаки нестандартности занятости, которые связаны с ее precariousностью. Наши исследования также показывают, и это особенно актуально в текущих условиях дефицита предложения рабочей силы, что стоит включать в этот ряд и уровень трудовых нагрузок, поскольку переработки далеко не всегда являются добровольными, пропорционально оплачиваемыми, однако характерны для многих работающих россиян [Каравай, 2022]. При этом стоит помнить, что для наемных работников, с одной стороны, и самозанятых или предпринимателей – с другой (при всех различиях последних между собой), характерны риски и проблемы, возникающие в процессе трудовой деятельности, а переработки у них имеют разный характер – как правило, вынужденный у первых и добровольный у вторых.

С учетом вышесказанного в ходе нашего анализа для определения вида занятости мы использовали критерии, связанные с наемным/ненаемным характером труда, формой найма, наличием письменно зафиксированного оформления на работу, продолжительностью (сроком) трудового контракта и длительностью рабочего дня. Нестандартность занятости может включать и другие критерии, в частности, гибкость использования рабочего времени или, как в случае платформенной занятости, постановку рабочих задач и контроль за их выполнением алгоритмами, а не руководителем. Однако в российских условиях до недавнего времени они были сравнительно мало распространены. Как следствие, индикаторы этих характеристик сложно найти в массовых опросах. Так, базы опросов РМЭЗ не содержат вопросов об особенностях рабочего процесса (кроме длительности рабочего дня), и в качестве характеристик занятости были доступны лишь следующие используемые нами переменные:

1. Занятость на предприятии или в организации по найму/самозанятость.
2. Официальное письменно зафиксированное оформление занятости: в трудовой книжке или договоре.
3. Владение предприятием или его частью.
4. Постоянный или временный характер занятости.
5. Длительность рабочего дня: неполный (менее 7 часов в день), стандартный (7–8 часов³); сверхнормативный (свыше 8 часов)⁴.

³ Согласно ТК РФ, инвалиды I и II групп должны работать не более 35 часов в неделю. Стандартная продолжительность рабочего дня у педагогов, врачей и т.д. составляет менее 40 часов.

⁴ При расчете длительности рабочего дня нами учитывалось количество часов, потраченных на основную работу, включая работу дома, а в случае отсутствия основной – количество времени, затраченного на разовые приработки.

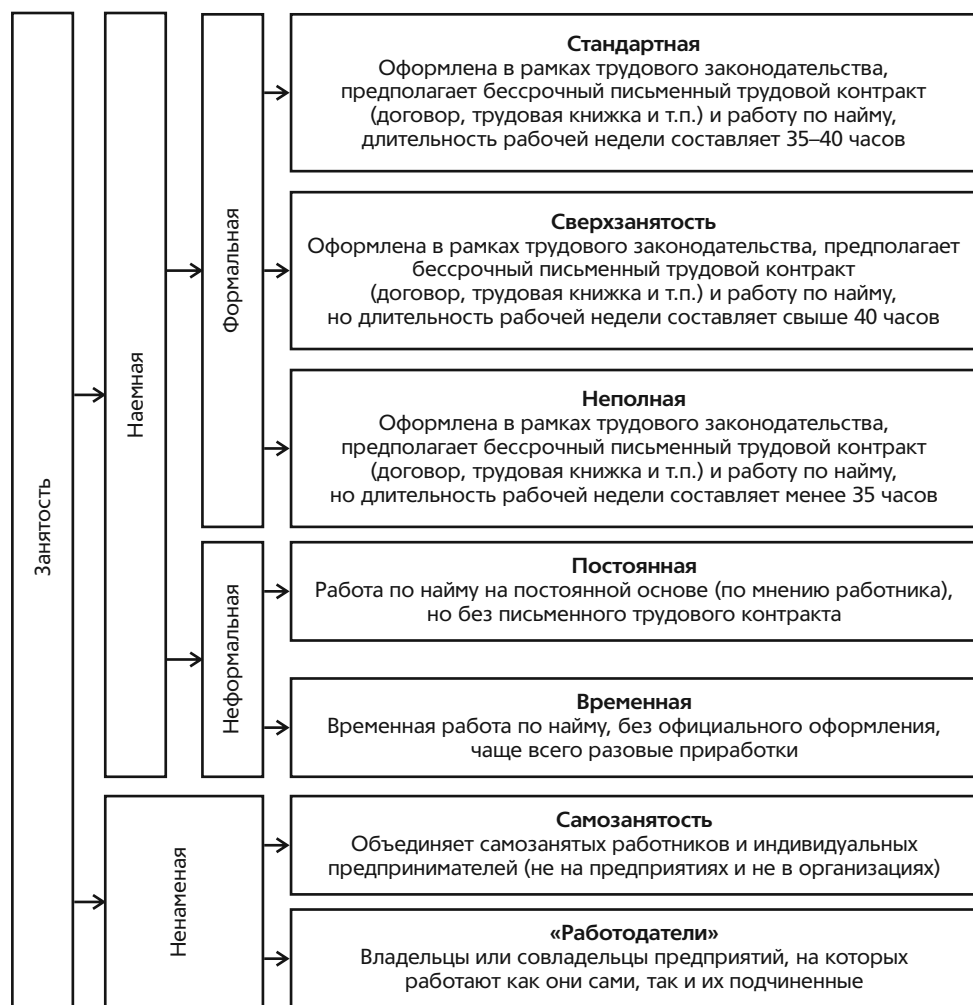

Рис. 1. Виды занятости россиян, основанные на степени концентрации их отличий от «стандартной занятости»

Проведенная ранее [Каравай, 2022] кластеризация работающих россиян на основании этих пяти признаков занятости позволила выделить семь групп работников, характеризующихся разными видами занятости (рис. 1).

Первый кластер объединил работающих на условиях стандартной занятости, второй и третий – работающих с официальной сверхзанятостью и официальной неполной занятостью соответственно. Для остальных работников длительность рабочего дня не являлась дифференцирующим признаком. В четвертый кластер вошли работники с неофициальной постоянной занятостью, в пятый – лица с неофициальной временной занятостью, в шестой – самозанятые и индивидуальные предприниматели, в седьмой – работники, которые заняты на предприятиях, владельцами или совладельцами которого они являются. Таким образом, мы получили виды занятости, различающиеся по совокупности признаков их «нестандартности». В ходе анализа было также установлено, что для наемных работников нестандартный характер занятости зачастую означает отсутствие письменного трудового контракта и систематическое превышение нормативов длительности рабочей недели.

Распространенность различных видов занятости и степень их благополучности. По данным РМЭЗ, доля работников со стандартной занятостью составляла с 2003 по 2020 г. менее половины работающих россиян (рис. 2). Несмотря на значительные перемены в экономике и обществе, произошедшие в последние годы, существенных изменений в распространенности тех или иных видов занятости к концу 2022 г. не произошло, хотя доля работников со стандартной занятостью за 2022 г. немного увеличилась (с 39,5% в 2021 г. до 43,9% в 2022 г.) за счет сокращения официальной неполной и неофициальной временной занятости. Более того, с 2013 г., вопреки теоретическим прогнозам, распространенность стандартной занятости растет, что может являться следствием трудодефицитности российского рынка труда.

На втором месте по распространенности находится сверхзанятость. В среднем работающие россияне, по их оценкам, проводили на рабочем месте в 2022 г. 8,06 часа в день, из них 75% – не более 9 часов. Свыше этого предела работали не только сверхзанятые, но и некоторые работники с неформальным или ненаемным характером занятости, однако в этих группах такая практика была распространена заметно реже. В целом около трети российских работников (34,7%) работали в 2022 г. свыше 8 часов в день, то есть переработки являлись для них нормой.

Если рассматривать доходы работников с различными видами занятости как еще один важный (наряду с трудовыми нагрузками и степенью социальных гарантий, вытекающих

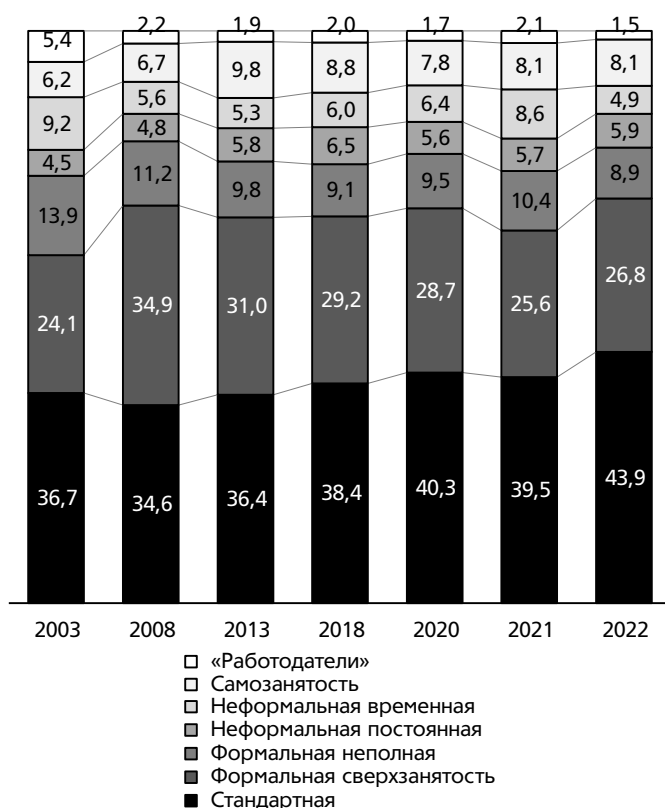

Рис. 2. Динамика распространенности различных видов занятости, РМЭЗ, 2003–2022 гг., в %

Примечание. В нарушение логики пятилетних интервалов между представленными временными точками, учитывая сложность происходивших в это время событий, включены также показатели за 2020, 2021 и 2022 гг.

Таблица 1

Уровень оплаты труда работников с различными видами занятости, РМЭЗ, 2022 г.

Характер занятости	Виды занятости	Медианные показатели		
		среднемесячная заработная плата, руб.	средняя почасовая оплата труда, руб.	средняя почасовая оплата труда относительно поселенческой медианы, %
Формальная	Стандартная	30000,00	187,50	105,0
	Сверхзанятость	32300,00	157,61	89,0
	Неполная	21100,00	227,27	134,0
Неформальная	Постоянная	25000,00	147,33	80,0
	Непостоянная	15000,00	250,01	150,0
Ненаемная	Самозанятость	30000,00	152,27	89,0
	«Работодатели»	45500,00	213,12	141,0
Работающие в целом		30000,00	178,12	100,0

Примечания. Фоном выделены показатели, превышающие показатели по россиянам в целом. Разницу между различными типами населенных пунктов отчасти удалось нивелировать за счет использования в сравнении показателя уровня средних почасовых заработных плат по отношению к медианному в поселениях того типа, где проживали респонденты.

из типа трудового контракта) признак благополучия занятости, то в качестве базы для сравнения целесообразнее взять уровень заработка работников со стандартной занятостью (табл. 1). При этом сразу бросается в глаза высокий уровень заработков владельцев тех предприятий, где они заняты. Понятно, что их особое положение позволяет перераспределять в свою пользу доходы компании. Ситуация в других группах занятого населения выглядит по-разному.

В абсолютном выражении медианная заработная плата работников с формальной сверхзанятостью в среднем выше по сравнению с большей частью работающих россиян. Однако выигрыш от их переработок иллюзорен. Так, в 2022 г. он составлял менее 8%, при том, что разница в продолжительности их рабочего дня со средним ее показателем по работающим достигала 29,2%. В группах с другими видами занятости, где доля работающих более 40 часов в неделю, также была относительно выше, чем в среднем по работающим, медианные показатели среднемесячной заработной платы также были в среднем ниже среднерыночных (за исключением группы «работодателей»).

Еще более явно неблагополучное положение работников со сверхнормативной занятостью показывает уровень их средних почасовых заработков – во всех группах, где есть такие работники, за исключением «работодателей», час труда в среднем стоит ниже, чем у работающих в целом. Даже при наличии официальной занятости час труда работников со сверхзанятостью стоит в среднем меньше на 15,9% в абсолютном выражении. Да и в целом на локальных рынках труда их почасовые заработки ниже медианных показателей, характерных для их типов поселений.

Отчасти такое уязвимое положение работников со сверхзанятостью объяснимо с точки зрения их профессионального состава – представители разных профессиональных групп имеют различный уровень оплаты труда, а в этой группе повышенная доля работников сферы торговли или бытовых услуг и операторов машин и механизмов (чаще всего это водители различных видов транспорта). При этом доля профессионалов

Таблица 2

Профессиональная структура групп работников с разными видами занятости, РМЭЗ, 2022 г., в %

Профессиональные позиции	Формальная			Неформальная		Ненаемная		Работающие в целом
	стандартная	сверхзанятость	неполная	постоянная	непостоянная	самозанятость	«работодатели»	
Руководители	9,6	9,7	4,7	2,3	0,0	4,4	39,7	8,3
Профессионалы	28,0	14,4	32,8	1,9	8,3	8,6	30,9	20,8
Полупрофессионалы	19,9	17,2	17,1	6,4	10,1	13,8	2,9	16,9
Служащие	5,0	4,7	5,7	3,4	0,0	3,9	1,5	4,5
Рядовые работники торговли и б/о	10,9	21,2	10,7	35,0	30,3	32,6	19,1	18,0
Квалифицированные рабочие ручного труда	11,3	11,7	7,9	20,4	22,9	18,5	5,9	12,7
Операторы машин и механизмов	9,9	15,1	5,2	14,0	9,6	12,4	0,0	11,1
Разнорабочие	5,4	6,0	15,9	16,6	18,8	5,8	0,0	7,7

Примечание. Жирным шрифтом выделены значения, меньше средних по работающим в целом на 3 и более п.п., фоном – превышающие на 3 и более п.п.

в данной группе в 2 раза ниже, чем среди работников со стандартной официальной занятостью (табл. 2).

Взаимосвязь квалификации и вида занятости становится еще более наглядной, если посмотреть на их соотношение с другой стороны (табл. 3). Нормой для руководителей, профессионалов, полупрофессионалов и служащих является стандартная занятость, недоступная для большинства работников физического и низкоквалифицированного нефизического характера труда. Характерной особенностью рядовых работников торговли и бытового обслуживания, а также рабочих, является многообразие характерных для них видов занятости. Такая ситуация с видами занятости по профессиональным группам свидетельствует не только о том, что трудовое законодательство действует в России весьма избирательно в зависимости от сегмента рынка труда, на котором находятся работники, но и о том, что в каждой профессиональной группе есть варианты выбора того или иного вида занятости, хотя вероятность доступа к конкретным видам занятости существенно различается.

Возвращаясь к вопросу о том, какие виды занятости можно считать наиболее благополучными по характерным для них доходам, подчеркнем, однако, что при всех весьма значимых различиях в профессиональной структуре групп с разными видами занятости неблагополучие по этому признаку характерно для сверхзанятых, для тех, кто имеет постоянную неформальную занятость, и для самозанятых в каждой из профессиональных групп (табл. 4). Интересно и то, что в двух наиболее гетерогенных как по качеству рабочих мест, так и человеческого капитала [Тихонова, Каравай, 2017; Человеческий капитал..., 2023] группах (полупрофессионалов и служащих) чаще встречается повышенный уровень среднечасовой заработной платы при нестандартной занятости. Причины такой ситуации заслуживают в будущем отдельного анализа.

Самые низкооплачиваемые рабочие места, независимо от их профессиональной позиции, занимают работники с неформальной постоянной занятостью: в конце

Таблица 3

**Распространенность различных видов занятости
в разных профессиональных группах, РМЭЗ, 2022 г., %**

Виды занятости		Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы	Служащие	Рядовые работники торговли и б/о	Квалифицированные рабочие ручного труда	Операторы машин и механизмов	Разнорабочие
Формальная	Стандартная	50,7	59,3	51,6	48,8	26,8	39,0	38,9	30,5
	Сверхзанятость	31,1	18,6	27,3	28,1	31,8	24,7	36,3	20,7
	Неполная	5,1	14,1	9,1	11,3	5,3	5,6	4,2	18,4
Неформальная	Постоянная	1,6	0,5	2,2	4,4	11,6	9,5	7,4	12,6
	Непостоянная	0,0	2,0	2,9	0,0	8,2	8,8	4,2	11,8
Ненаемная	Самозанятость	4,3	3,3	6,6	6,9	14,7	11,7	9,0	6,0
	«Работодатели»	7,2	2,2	0,3	0,5	1,6	0,7	0,0	0,0

Примечание. Жирным шрифтом выделены значения, меньше средних по работающим в целом на 3 и более п.п., фоном – превышающие на 3 и более п.п.

2022 г. половина работников с неформальной постоянной занятостью получала не более 147,33 руб./час (при 178,13 руб./час среди работающих в целом), что составляло менее 80% от медианного уровня зарплат в их типах поселений. Что же касается непостоянной неофициальной занятости, то ее уязвимость в первую очередь связана с ее разовым или временным характером, поскольку за час своего труда эти работники во всех профессиональных группах зарабатывали в среднем больше, чем работающие в целом в их типах поселений. В абсолютном же выражении среднемесячные заработки этой категории работников (напомним, что у них нет основной работы, только разовые приработки) в 2022 г. составляли лишь половину от медианы заработной платы работающих россиян.

Таким образом, своего рода полюсами в классификации благополучности видов занятости по уровню обеспечиваемых ею доходов даже при учете профессиональных статусов работников составляют, с одной стороны (если не рассматривать владельцев или совладельцев предприятий и организаций, на которых они работают), представители стандартной занятости, а с другой – представители постоянной неофициальной занятости. При этом представители неполной официальной занятости тяготеют скорее к благополучному полюсу, а сверхзанятые (даже при официальном характере их занятости), самозанятые или живущие только на разовые приработки представители постоянной неформальной занятости – скорее к неблагоприятному, хотя соотношение различных минусов занятости у них различно. Учитывая сам характер этих рисков (от нарушения баланса жизни и труда до не гарантированности заработков или стажа для пенсии), примерно так же эти виды занятости распределяются и по степени их объективной благополучности в целом.

Рассмотрим далее, как эта ситуация отражается на субъективной удовлетворенности различными аспектами своей трудовой деятельности у представителей разных видов занятости. Для этого нами был использован Индекс удовлетворенности, представляющий

Таблица 4

Соотношение медианных почасовых заработных плат при нестандартных видах занятости с показателем, характерным для стандартной занятости, в различных профессиональных группах, РМЭЗ, 2022 г., в %

Профессиональные позиции	Формальная		Неформальная		Ненаемная		Работающие в целом
	сверхзанятость	неполная	постоянная	непостоянная	самозанятость	«работодатели»	
Руководители	-15,0	64,8	-4,2	–	-18,5	19,1	-4,9
Профессионалы	-16,0	28,5	-16,4	80,0	-23,1	1,5	0,0
Полупрофессионалы	-5,3	14,7	-10,9	61,0	7,6	186,5	2,4
Служащие	4,2	53,9	13,6	–	14,3	-25,9	11,1
Рядовые работники торговли и б/о	-21,1	34,9	-17,4	95,5	-25,4	16,5	-8,6
Квалифицированные рабочие ручного труда	-2,8	53,0	-18,2	71,1	-11,1	-31,0	0,0
Операторы машин и механизмов	-16,0	32,5	-3,1	27,2	-20,2	–	-4,6
Разнорабочие	2,6	-5,5	-14,3	46,7	4,2	–	1,9

Примечания. В таблице указано, на сколько в процентном выражении медиана средних почасовых заработков в каждой ячейке отличается от соответствующего показателя для стандартной занятости (не представленной поэтому в таблице) в данной профессиональной группе. Сравнение идет по строке. Значения, превосходящие статистическую погрешность, выделены: жирным шрифтом (положительные значения), фоном (отрицательные значения).

собой разницу между долей положительных и отрицательных ответов, нормированную на долю ответивших в каждой из рассматриваемых групп⁵ (табл. 5).

Как видно из табл. 5, за исключением «работодателей», являющихся сравнительно небольшой и очень специфичной группой занятых, по всем рассматриваемым аспектам трудовой деятельности наиболее часто положительные оценки давали работники со стандартной занятостью. Более того – только у них и «работодателей» Интегральный Индекс удовлетворенности превышал средние показатели для имеющих постоянную занятость работников, т.е. объективное благополучие этих видов занятости отражалось и в самооценках своей работы представителями данных видов занятости. Отражалось в них и максимальное объективное неблагополучие имеющих постоянную неофициальную занятость, у которых показатели Индекса удовлетворенности своей работой и всех его составляющих были минимальны.

⁵ Индексы субъективной оценки различных аспектов занятости рассчитывались по стандартной для такого рода задач методике: $I = (Rn1 + 0,5 \cdot Rn2 - Ro1 - 0,5 \cdot Ro2) / (Rn1 + Rn2 + Ro1 + Ro2)$, где I – индекс, Rn1 и Rn2 – доля положительных ответов («полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен» соответственно), Ro1 и Ro2 – доля отрицательных ответов («полностью не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» соответственно). Значения индексов выше нуля свидетельствуют о том, что доля положительных ответов больше, а значит, выше удовлетворенность, и наоборот – отрицательные значения индексов говорят о неудовлетворенности работников тем или иным аспектом занятости. Интегральный Индекс удовлетворенности работой представляет собой сумму 4 рассчитанных индексов удовлетворенности различными аспектами занятости.

Таблица 5

Индексы удовлетворенности различными аспектами занятости и Интегральный Индекс удовлетворенности ею в группах с разными видами занятости, РМЭЗ, 2022 г.

Индексы удовлетворенности	Формальная			Неформальная	Ненаемная		Работающие в целом
	стандартная	сверхзанятость	неполная	постоянная	самозанятость	«работодатели»	
Работой в целом	0,57	0,55	0,53	0,50	0,58	0,74	0,56
Условиями труда	0,57	0,51	0,57	0,48	0,54	0,74	0,54
Оплатой Вашего труда	0,15	0,09	0,01	–0,01	0,09	0,49	0,12
Возможностями для профессионального роста	0,40	0,32	0,29	0,11	0,31	0,64	0,35
Интегральный (сумма 4 показателей)	1,68	1,46	1,4	1,08	1,52	2,61	1,57

Примечания. Непостоянная неформальная занятость в таблице не приведена ввиду отсутствия рабочего места с определенными характеристиками. Фоном выделены повышенные в сравнении с показателями по работающим в целом значениями.

Таблица 6

Средние показатели Интегрального Индекса удовлетворенности различными аспектами своей занятости в разных профессиональных группах, РМЭЗ, 2022 г.

Профессиональные позиции		Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы	Служащие	Рядовые работники торговли и б/о	Квалифицированные рабочие ручного труда	Операторы машин и механизмов	Разнорабочие	По строке в целом
Формальная	стандартная	2,11	1,96	1,70	1,51	1,42	1,15	1,69	1,04	1,68
	сверхзанятость	1,81	1,80	1,49	1,55	1,21	1,41	1,50	0,80	1,46
	неполная	2,23	1,66	1,34	1,80	1,34	1,50	1,58	0,38	1,40
Неформальная постоянная		2,77	2,38	1,78	1,62	1,21	0,57	0,96	0,67	1,08
Ненаемная	самозанятость	2,02	2,93	2,07	1,04	1,39	1,16	0,94	0,80	1,52
	«работодатели»	2,83	2,70	3,00	–	2,03	1,83	–	–	2,61
По столбцу в целом		2,13	1,95	1,69	1,41	1,33	1,24	1,44	0,75	1,57

Примечание. Фоном в таблице выделены три максимальных значения в строке, жирным шрифтом – три минимальных.

В то же время на эти оценки сильно влияют два обстоятельства. Это, во-первых, разный профессиональный состав представителей рассматриваемых видов занятости, поскольку в разных профессиональных группах удовлетворенность своей работой существенно различается (табл. 6), а, во-вторых, то, что труд не по найму уже самим фактом «работы на себя» сглаживает минусы многих видов деятельности.

Рабочие разной квалификации, для которых, как отмечалось ранее, высоки риски неформальной занятости, но которые смогли занять позиции, предполагающие соблюдение основных требований ТК РФ, сравнительно чаще удовлетворены своей работой. В то же время профессионалам и полупрофессионалам неформальная занятость, напротив, приносит удовлетворение чаще, чем официальная.

Такая связь удовлетворенности формальными и неформальными видами занятости у работников с разной квалификацией и характером труда, скорее всего, связана с добровольностью или вынужденностью выбора такого типа занятости. По крайней мере, в массиве РМЭЗ 2022 г. в объединенной группе руководителей и профессионалов с неформальной занятостью почти все (90,9%) утверждали, что решение об отказе от официального оформления было принято либо ими самими, либо совместно с работодателем (при 60,6% среди всех работников с неформальной занятостью). Учитывая, что почасовая оплата их труда в среднем примерно на 40% выше, чем в группе со стандартной занятостью, их готовность к таким договоренностям понятна.

Что касается работников со сверхзанятостью, причина их большей неудовлетворенности различными аспектами своей работы (по сравнению со средними показателями для работающих россиян), скорее всего, связана для руководителей, высоко- и среднеквалифицированных специалистов со слабостью их переговорных позиций в отношениях с работодателями, проявляющейся не только в отсутствии у них выбора в отношении переработок, но и в сравнительно меньшей стоимости часа их труда по сравнению с работниками на тех же профессиональных позициях, имеющими стандартную занятость. Не случайно и руководители, и профессионалы с формальной сверхзанятостью заметно реже удовлетворены оплатой своего труда. Этот вывод подтверждается и тем, что 67,2% сверхзанятых профессионалов переживали в конце 2022 г., что могут потерять работу, тогда как среди имеющих стандартную занятость таких было 54,5%. Таким образом, под давлением высоких, по крайней мере, по их субъективным оценкам, рисков потери текущей занятости даже высококвалифицированным работникам приходится соглашаться и на переработки, и на сравнительно низкую для их профессиональных групп оплату. Это еще раз подтверждает, что данный вид занятости нельзя относить к разряду благополучных.

Выводы. На российском рынке труда сложилась довольно устойчивая структура распространенности различных видов занятости, в рамках которой стандартная занятость в ее классическом определении хотя и является наиболее массовой, но не доминирует, охватывая менее половины всех работающих. Если говорить о благополучности различных форм и видов занятости, то сложившаяся сейчас в России ситуация выглядит парадоксальной по ряду причин.

Формальная занятость далеко не всегда и не для всех категорий работников объективно является благополучной, в том числе по уровню зарплат. Более того, она и субъективно не всегда воспринимается ими как таковая. Это связано прежде всего с вынужденным выбором такого ее вида, как сверхзанятость, не окупающим себя с точки зрения монетарных отдач за дополнительные часы работы и создающим значительные перегрузки. В большинстве профессиональных групп имеющие сверхзанятость осознают неблагополучность своей занятости. Они реже остальных высказывают удовлетворенность своей работой и заработной платой, чем представители стандартной занятости из тех же профессиональных групп. Исключениями являются лишь квалифицированные рабочие ручного труда, которые в среднем получают за час труда лишь немногим меньше, чем такие же рабочие со стандартной занятостью, так как их переработки

обычно оплачиваются, а также служащие, у которых час труда при сверхзанятости оплачивается даже выше, чем при стандартной занятости.

Формальная неполная занятость также не для всех категорий работников объективно благополучна. Это связано с тем, что, несмотря на ее официальное оформление, она обеспечивает относительно низкий уровень зарплат даже при более высокой в среднем почасовой оплате труда, нежели у работников со стандартной занятостью на схожих профессиональных позициях. Однако бóльшие размеры почасовой оплаты труда имеющих неполную занятость не во всех профессиональных группах повышают удовлетворенность представителей этого вида занятости своей работой – видимо, для многих из них сокращенная продолжительность их рабочей недели имеет вынужденный характер и поэтому воспринимается негативно. Исключение составляют руководители, служащие и квалифицированные рабочие – их удовлетворенность работой при неполной рабочей неделе в среднем выше, чем у работников со стандартной занятостью на схожих профессиональных позициях. В то же время у профессионалов или полупрофессионалов, почасовая оплата труда которых при неполной занятости также выше, чем при стандартной, удовлетворенность своей работой в случае неполной занятости относительно ниже.

С другой стороны, неформальная занятость далеко не всегда и не для всех профессиональных групп может рассматриваться как неблагополучная. Так, для наиболее квалифицированной части рабочей силы (руководителей и профессионалов) постоянная неформальная занятость обычно является сознательным выбором и удовлетворяет их целям, обеспечивая в том числе весьма ощутимый выигрыш в зарплате. Однако в большинстве случаев неформальная занятость, особенно постоянная, является не просто вынужденной, но и выступает наиболее неблагополучным ее видом. Это проявляется в уровне оплаты труда имеющих этот вид занятости, отсутствии у них гарантий соблюдения трудовых прав, специфике их социально-экономических прав на будущее (в отношении пенсионного обеспечения, права на оплату декретного отпуска и т.д.), что отражается и в степени их удовлетворенности различными аспектами своей занятости.

В целом, если не рассматривать владельцев или совладельцев предприятий и организаций, на которых они работают, то объективно наиболее благополучным видом занятости является сейчас в России стандартная занятость, а наиболее неблагополучным – постоянная неофициальная занятость. При этом представители неполной официальной занятости тяготеют скорее к благополучному ее полюсу, а сверхзанятые (даже при официальном характере их занятости), самозанятые или живущие на разовые приработки представители постоянной неформальной занятости – к неблагополучному.

Таким образом, наше исследование показало, что существующие в научном дискурсе представления о том, какие виды занятости являются наиболее благополучными, несколько расходятся с российскими реалиями. Показало оно и то, что представления о благополучных и неблагополучных видах занятости и их критериях сильно дифференцированы в разных профессиональных группах работающих россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.
- Зудина А.А. Субъективная отдача от некогнитивных навыков на российском рынке труда: на примере удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1(179). С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2493.
- Каравай А.В. Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3(48). С. 81–3. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93.
- Кученкова А.В. Вид занятости как детерминанта субъективного благополучия: проблемы сопоставимости результатов исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 66–81. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8105.

- Монусова Г.А. Тип трудового контракта и субъективное благополучие // Социологический журнал. 2019. № 3. С. 46–66.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35.
- Тоценко Ж.Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13.
- Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Brown A., Charlwood A., Spencer D.A. Not all that it might seem: why job satisfaction is worth studying despite it being a poor summary measure of job quality // Work, employment and society. 2012. Vol. 26. No. 6. P. 1007–1018.
- Budd J.W., Spencer D.A. Worker well-being and the importance of work: Bridging the gap // European Journal of Industrial Relations. 2015. Vol. 21. No. 2. P. 181–196.
- Clark A.E. What makes a good job? Job quality and job satisfaction // IZA World of Labor. 2015.
- Graham C., Laffan K., Pinto S. Well-being in metrics and policy // Science. 2018. Vol. 362. No. 6412. P. 287–288.
- Green F. Well-being, job satisfaction and labour mobility // Labour Economics. 2010. Vol. 17. No. 6. P. 897–903.
- Green F., Felstead A. et al. Job-related well-being through the Great Recession // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. P. 389–411.
- Haines III V.Y., Doray-Demers P., Martin V. Good, bad, and not so sad part-time employment // Journal of Vocational Behavior. 2018. Vol. 104. P. 128–140.
- Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work // Annual review of sociology. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 341–365.
- Knox A., Warhurst C. et al. More than a feeling: Using hotel room attendants to improve understanding of job quality // The International Journal of Human Resource Management. 2015. Vol. 26. No. 12. P. 1547–1567.
- Mandl I. Examining emerging new employment forms and potential positive and negative effects on working and employment conditions // Administration. 2017. Vol. 65. No. 4. P. 11–20.
- Nikolova M., Cnossen F. What makes work meaningful and why economists should care about it // Labour economics. 2020. Vol. 65. P. 101847.
- Peckham T., Fujishiro K. et al. Evaluating employment quality as a determinant of health in a changing labor market // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2019. No. 5(4). P. 258–281.

Статья поступила: 10.04.24. Финальная версия: 11.06.24. Принята к публикации: 18.06.24.

WELL-BEING EMPLOYMENT IN MODERN RUSSIA: WHAT IS THAT?

KARAVAY A.V.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Anastasia V. KARAVAY, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (karavayav@yandex.ru).*

Abstract. The aim of the study was to get an answer to the question of how different types of employment are related to Russians' job satisfaction. Based on the data of the Higher School of Economics for 2022, it is shown that such a relationship can be traced quite clearly but has its own specifics in different professional groups. At the same time, the standard full-time official employment, which is objectively the most prosperous type of employment and is most widespread among Russians, providing the greatest guarantees of respect for labor rights, including a certain length of the working week, subjectively is not such for representatives of most professional groups. Subjectively, it is primarily various types of employment with a non-wage nature of work. Of all types of hired employment, the highest job satisfaction ratings are found among the most qualified part of Russian workers (managers, professionals and semi-professionals) who have permanent informal employment, and among persons of physical or routine non-physical work – those who have incomplete or standard official employment. Overemployment, even with its official nature, is usually forced, accompanied by reduced hourly wage rates for the corresponding professional group and reduces job satisfaction. As for informal employment, primarily permanent, if for managers and professionals it is a voluntary choice accompanied by high job satisfaction, for workers and ordinary workers in sales and consumer services it has a forced character and entails dissatisfaction with their work.

Keywords: types of employment, job satisfaction, non-standard employment, over-employment, informal employment, under-employment, self-employment, subjective well-being.

REFERENCES

- Brown A., Charlwood A., Spencer D.A. (2012) Not all that it might seem: why job satisfaction is worth studying despite it being a poor summary measure of job quality. *Work, employment and society*. Vol. 26. No. 6: 1007–1018.
- Budd J.W., Spencer D.A. (2015) Worker well-being and the importance of work: Bridging the gap. *European Journal of Industrial Relations*. Vol. 21. No. 2: 181–196.
- Clark A.E. (2015) What makes a good job? Job quality and job satisfaction. *IZA World of Labor*.
- Gimpelson V., Kapelyushnikov R. (2006) Non-standard employment and the Russian labor market. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economy]. No. 1: 122–143. (In Russ.)
- Graham C., Laffan K., Pinto S. (2018) Well-being in metrics and policy. *Science*. Vol. 362. No. 6412: 287–288.
- Green F. (2010) Well-being, job satisfaction and labour mobility. *Labour Economics*. Vol. 17. No. 6: C. 897–903.
- Green F., Felstead A. et al. (2016) Job-related well-being through the Great Recession. *Journal of Happiness Studies*. No. 17: 389–411.
- Haines III V.Y., Doray-Demers P., Martin V. (2018) Good, bad, and not so sad part-time employment. *Journal of Vocational Behavior*. No. 104: 128–140.
- Kalleberg A.L. (2000) Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work. *Annual review of sociology*. Vol. 26. No. 1: 341–365.
- Karavay A.V. (2022) Non-standard employment in modern Russia: Types, scales, dynamics. *Social'no-trudovye issledovaniya* [Social and labor research]. No. 48(3): 81–93. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93. (In Russ.)
- Knox A., Warhurst C. et al. (2015) More than a feeling: Using hotel room attendants to improve understanding of job quality. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 26. No. 12: 1547–1567.
- Kuchenkova A.V. (2021). Type of Employment as a Determinant of Subjective Well-Being: Problems of Comparability of Research Results. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [The journal Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9. No. 2: 66–81. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8105. (In Russ.)
- Mandl I. (2017) Examining emerging new employment forms and potential positive and negative effects on working and employment conditions. *Administration*. Vol. 65. No. 4: 11–20.

- Monusova G.A. (2019) Type of Employment Contract and Subjective Well-Being. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 3: 46–66. (In Russ.)
- Nikolova M., Cnossen F. (2020) What makes work meaningful and why economists should care about it. *Labour economics*. No. 65: 101847.
- Peckham T., Fujishiro K. et al. (2019) Evaluating employment quality as a determinant of health in a changing labor market. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. No. 5(4): 258–281.
- Tikhonova N.E. (2014) *The social structure in Russia: theories and reality*. Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Latov Yu.V. (eds) (2023) *Human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors*. Moscow: FNIIS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2016) Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 10: 43–53 (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017) The Human Capital of Russian Workers: The Overall State and Its Specifics. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 26. No. 3: 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T. (2020) Precarious employment is a phenomenon of the modern economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)
- Zudina A.A. (2024) Subjective Returns to Non-cognitive Skills in the Russian Labor Market: the Case of Job Satisfaction. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2493. (In Russ.)

Received: 10.04.24. Final version: 11.06.24. Accepted: 18.06.24.

В.Ю. БОЧАРОВ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ НАУКОЕМКОМ ПРЕДПРИЯТИИ (опыт case-study)

БОЧАРОВ Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (vlad.bocharov@gmail.com).

Аннотация. Трудовые отношения рассматриваются как синтезирующее понятие жизненного мира работника современного наукоемкого промышленного предприятия. Данные поискового эмпирического исследования ключевых характеристик трудовых отношений (трудового сознания, трудового поведения и производственной среды) свидетельствуют о различиях между работниками автоматизированных и неавтоматизированных производственных участков. Среди работников первых участков заметно выше доля «конформистов», ниже уровень социального самочувствия, удовлетворенности работой и ее компонентами, вовлеченности в цифровую среду, профессиональное обучение, а также сильнее выражена готовность к конфликту на предприятии. Среди работников неавтоматизированных участков выше доли «прагматиков», ориентирующихся на материальные мотивы, хорошо адаптированных к производственной среде, удовлетворенных своей нынешней профессией и карьерными перспективами, демонстрирующих высокий уровень социального самочувствия. Такие различия, связанные с более высоким отчуждением от труда на автоматизированных участках, требуют мер по ускорению адаптации работников к новому содержанию труда в условиях четвертой промышленной революции и формированию у них состояния включенности в дела предприятия, проявления инициативы и творческого отношения к труду.

Ключевые слова: • трудовые отношения • социология труда • жизненный мир • социология жизни • наукоемкое предприятие

DOI: 10.31857/S0132162524050042

Исследовательская задача. Одним из основных трендов перехода производства к шестому технологическому укладу в условиях четвертой промышленной революции является изменение содержания трудовых функций работника. Под влиянием процессов автоматизации и роботизации он превращается в способного к перемене труда «квалифицированного универсала» [Вильховченко, 2003: 56]. Такая качественная характеристика профессиональных компетенций работника, готового к активному творческому труду, является необходимым условием для инновационного развития высокотехнологичных предприятий, требуя от их руководства новых подходов к организации труда и новых форм трудовых отношений [Яковлева, Зуйкова, 2018]. Еще в 1970-х гг. А.В. Тихоновым было доказано, что содержание труда и производственная самостоятельность рабочего являются основными и взаимосвязанными факторами формирования его/ее отношения к труду [Тихонов, 1976]. В настоящее время этот тезис не потерял актуальности и нуждается в дальнейшем изучении на примере современного наукоемкого производства. В современной России доля наукоемких предприятий, технологические характеристики которых

Публикация подготовлена в рамках НИР, выполнявшейся сотрудниками Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева в 2023 г. по программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

соответствуют шестому укладу производства, невелика – 1–2% [Одегов и др., 2018: 71]. Но она будет расти, по крайней мере, на это направлены основные усилия государства по модернизации российского производства в условиях суверенного пути развития.

В последние годы отечественные исследования трудовых отношений охватывали, как правило, организации сферы услуг, строительства, транспорта, средний или малый бизнес, бюджетную сферу и т.п., а также фокусировались на нетипичных формах этих отношений, распространившихся с начала XXI в. [Чилипенко, 2015; Тощенко, 2021; 2022]. Однако сфера промышленного производства, лишившись лидирующих позиций по численности занятых работников, остается достаточно крупной, а в условиях современных вызовов, с которыми сталкивается наша страна, становится ведущей для обеспечения экономической безопасности. Те отношения, которые существуют между наемными работниками и администрацией крупных промышленных предприятий, по-прежнему нуждаются в научном анализе. Они, с одной стороны, остаются стандартными трудовыми отношениями, которые подробно изучались в советской социологии труда [Тощенко, 1989] и в последующие десятилетия [Темницкий, 2000; Де Барделебен, Климова, Ядов, 2004], с другой – приобретают новые черты, связанные с прекаризацией занятости, характеризующаясь в терминах неопределенности [Анисимов, 2017] и даже деградации [Тощенко, 2021], а также с внедрением новых автоматизированных и цифровизированных технологий производства [Ткаченко и др., 2023].

Целью исследования является анализ содержания трудовых отношений на современном наукоемком предприятии в условиях четвертой промышленной революции с позиций социологии жизни. Для этого нужно решить несколько последовательных задач, включая представление концептуальной модели исследования и рассмотрение дифференциации содержания ключевых компонентов жизненного мира наемного работника (трудового сознания, трудового поведения и производственной среды) на автоматизированных и неавтоматизированных участках производства современного наукоемкого предприятия.

Исследование носит поисковый характер и не позволяет широко обобщать полученные эмпирические данные, ограничиваясь анализом единичного случая. Оно направлено скорее на постановку проблем и формулировку предварительных гипотез, чем на окончательные выводы и широкие практические рекомендации. Подобная исследовательская практика анализа трудовых отношений на отдельных промышленных предприятиях известна и может иметь как теоретико-методологическую, так и практическую значимость [Козина, 1995; Романов, 2000].

Социология жизни как методология анализа содержания трудовых отношений.

Разработанная Ж.Т. Тощенко конструктивистская концепция «социологии жизни» [Тощенко, 2016] явилась важным вкладом в преодолении недостатков концепций социологического реализма и номинализма. В этой концепции теория жизненного мира обогащается за счет введения в трехэлементную структуру предмета жизненного мира синтезирующего компонента – смыслового индикатора – «смысл жизни». Понятие «жизненный мир» характеризует сферу объективно обусловленного и субъективно значимого опыта людей, а также систему их коммуникаций и форм социального взаимодействия, регулируемых при помощи ценностных и символических посредников. Жизненный мир также являет собой то пространство жизнедеятельности, в котором личность может выступать как творец-преобразователь этого пространства [Тощенко, 2016].

До настоящего времени в отечественной социологии труда к трудовым отношениям в широком смысле принято относить все отношения, связанные с трудовой деятельностью, рассматривая их как продукт социально-экономической системы общества. В узком смысле к трудовым отношениям чаще всего относят отношения по поводу трудового найма, вознаграждения за труд, его условий, форм и методов разрешения трудовых конфликтов [Тукмуцев, 2006: 365–366]. Основываясь на такой интерпретации, в основном и развивались основные подходы к анализу трудовых отношений в рамках отечественной социологии труда в постсоветский период [Бочаров, 2022: 41–52]. Согласно же методологии социологии жизни, акцентом анализа трудовых отношений может стать рассмотрение в совокупном

Таблица 1

Содержательная структура основных понятий жизненного мира наемного работника

Ключевые компоненты и составляющие их содержание элементарные понятия	Синтезирующие (обобщающие) понятие	Структурообразующие понятия
1. <i>Трудовое сознание</i>: – мотивация (индивидуальное); – мнение о своем трудовом коллективе и качествах, необходимых для успешной работы (групповое); – социальное самочувствие и уровень жизни (общественное) 2. <i>Трудовое поведение</i>: – профессиональное обучение и планы (темпоральный аспект); – включенность в трудовую деятельность; – инициативность (инновативный аспект); – конфликтность (социальная напряженность) 3. <i>Производственная среда</i>: – комплекс факторов, воздействующих на физическое и психическое состояние человека в процессе трудовой деятельности	<i>Трудовые отношения</i>: все отношения, связанные с трудовой деятельностью	<i>Социально-трудовая сфера</i>: область связей и отношений, складывающихся между субъектами трудовой деятельности, формируемая действующей государственной и организационной политикой, культурными нормами, реализующаяся в повседневной трудовой жизни граждан

единстве объективных условий и субъективных факторов жизненного мира наемных работников, вступающих в эти отношения, признание важности их активной и творческой (инновационной) деятельности. При этом само понятие «трудовые отношения» может рассматриваться как синтезирующее (объединяющее, арочное) по отношению к ключевым компонентам жизненного мира работников (трудовое сознание, трудовое поведение и производственная среда), состоящих из ряда элементарных понятий в пространстве социально-трудовой сферы общества (структурообразующее понятие) (табл. 1).

Эмпирическая база и дизайн исследования. Отечественными исследователями признается, что в современных условиях попасть социологу на крупное промышленное предприятие очень сложно, тем более если речь идет о наукоёмком предприятии военно-промышленного комплекса (ВПК). И все же собранный нами эмпирический материал об одном из таких предприятий позволил получить представление о состоянии трудовых отношений, используя социологические методики, апробированные ранее в исследованиях НИИ социальных технологий Самарского университета [Тукумцев, 2023]. Для использования в настоящем исследовании они были адаптированы и в ряде случаев модифицированы.

Анонимный анкетный опрос проводился в октябре 2023 г. среди работников автоматизированных (А) и неавтоматизированных (НА) производственных участков. Такая группировка (см.: [Креватевич, 1985]) осуществлялась для подтверждения гипотезы о влиянии уровня автоматизации на доминирующий тип мотивации работника и другие характеристики его жизненного мира.

Опрос работников проходил в офлайн-формате непосредственно на территории предприятия. Выборочная совокупность носила целевой характер, являясь репрезентативной кадровой структуре данного предприятия по полу, возрасту, категории работников и группе занятых на производственных участках А и НА. Всего опрошено 86 респондентов, из них 53% занятых на участках производства А и 47% на НА¹.

¹ Выборка имела следующую структуру: по гендерным группам – 91% мужчин и 9% женщин; по возрастным группам: работники до 30 лет – 42%, 31–45 лет – 38%, 46–60 лет – 15%, 61 года и старше – 5%; по категориям работающих: рабочие 1–3 разряда – 50%, рабочие 4–6 разряда – 41%, специалисты (ИТР) – 9%.

Трудовое сознание работников. Анализ трудового сознания предполагает изучение типа доминирующей мотивации работников, их мнений о коллегах и социального самочувствия.

Мотивация. Состояние мотивации труда работников справедливо считается одним из ключевых вопросов социологии труда [Антосенков, 1988] и рассматривается как внутреннее побуждение работника к труду, основной компонент его самосознания, определяющий поведение в сфере труда и реакции на конкретные условия работы. В нашем исследовании для анализа трудовой мотивации использовался перечень из 10 компонентов (вариантов), которые предлагались респондентам для ответа на вопрос анкеты «*Ваша работа для вас – это, прежде всего, способ...*» (на основе методики [Попов, 2013: 163–164], распределение ответов респондентов см. [Бочаров и др., 2023: 105–106]).

Полученные оценки респондентов свидетельствовали о заметном доминировании материальных оснований трудовой мотивации работников. Наибольшие доли респондентов (около 2/3) полностью согласны с тем, что они работают, чтобы «*заработать денег*» и «*обеспечить стабильность своей жизни*». В то же время доминирующий в целом по массиву опрошенных мотив «заработка» среди работающих на участках А оказался выражен заметно слабее. Если на НА участках с таким мотивом полностью согласны 4/5 респондентов, то на А участках – почти вдвое меньше, около половины. Среди работников А участков по сравнению с НА оказались более востребованы мотивы «*заслужить уважение, признание со стороны начальства и коллег*» и «*заслужить любовь своих близких*».

Такие данные позволили выдвинуть гипотезу о существовании на обследованном предприятии двух групп работников, различающихся своими ведущими мотивами (условно «материальными» и «социальными»), причем такое различие зависит от их занятости на А и НА участках производства. Методы факторного и кластерного анализа подтвердили гипотезу о двух группах работников обследованного предприятия, различающихся доминирующими мотивами: материально-ориентированные – это «прагматики», а ожидающие в процессе своей работы одобрения и поддержки от начальства и своих коллег, а также понимания и оценки заслуг от своих близких, – это «конформисты». С помощью дискриминантного анализа было доказано, что уровень автоматизации производственного участка влияет на тип доминирующей мотивации работника: среди работников участков А доля «конформистов» заметно выше доли «прагматиков» (подробнее см.: [Бочаров и др., 2023: 100–113]). Дальнейший анализ ключевых компонентов жизненного мира работников предприятия проводился с учетом этой группировки работников по доминирующему типу мотивации.

Мнения о своем трудовом коллективе и качествах, необходимых для успешной работы. Групповое сознание работников анализировалось с помощью: 1) характеристик, описывающих совместную деятельность коллектива производственного подразделения (участка), и 2) оценки качеств, которые, по мнению респондентов, необходимы для успешной работы.

Все предложенные в анкете характеристики совместной деятельности («успешная совместная работа и выполнение производственных задач», «добросовестное отношение к труду», «порядок и организованность в работе и на рабочих местах», «четкость и ритмичность трудовых процессов, слаженность трудовых взаимодействий членов коллектива», «дисциплинированность работников», «отношения взаимопомощи и взаимной поддержки между работниками») получили высокие доли согласия (от 2/3 до 3/4 респондентов). Однако среди работников участков А с суждением «четкость и ритмичность трудовых процессов, слаженность трудовых взаимодействий членов коллектива» согласилась лишь половина опрошенных. Это может сигнализировать о еще незавершенном процессе адаптации к работе в условиях автоматизированного производства у другой половины.

Данные исследования позволяют судить о сформированных в рамках жизненного мира большинства респондентов позитивных представлениях о качествах, необходимых для успешной работы на инновационном предприятии. От 3/4 до более 9/10 в той или иной мере согласны, что для успешной работы на их предприятии необходимы

«заинтересованность в работе, целеустремленность», «трудопособность, трудолюбие», «дисциплина», «умение анализировать свои успехи и неудачи, делать из этого выводы», «способность находить контакт с коллегами по работе», «стрессоустойчивость, крепкие нервы», «самостоятельность, ответственность». Не факт, что работники реально проявляют все эти качества, но они понимают их значимость, а значит, готовы – при создании благоприятных условий для трудовой мотивации и проявления творческой активности – им соответствовать. В наибольшей степени все перечисленные суждения о качествах, необходимых для успешной работы, распространены среди работников традиционных (НА) участков.

Социальное самочувствие работников и уровень жизни. В социологической литературе социальное самочувствие рассматривается как один из самых сложных субъективных показателей общественного сознания и одновременно как «интегральный показатель адаптированности» [Крупец, 2003] к окружающей действительности. При этом в рамках эмпирических социологических исследований социальное самочувствие, как правило, упрощенно рассматривают в двух аспектах – как общую удовлетворенность жизнью и как результат самооценки человеком своих жизненных успехов и неудач, во многом связанных с трудовой деятельностью.

В нашем исследовании для измерения социального самочувствия в модифицированном виде использовалась методика, разработанная в НИИ социальных технологий Самарского университета, согласно которой социальное самочувствие работников может изучаться с помощью следующих показателей: 1) общая удовлетворенность жизнью (вопрос «Удовлетворены ли вы в целом тем, как складывается ваша жизнь?»); 2) уровень стойкости (или терпения) респондентов по отношению к сложившейся жизненной ситуации (вопрос «Какое из приведенных ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?»); 3) уровень ожиданий респондентов относительно своего ближайшего будущего и уверенности в «завтрашнем дне» (вопрос «Уверены ли вы в своем завтрашнем дне?»); 4) уровень уверенности респондентов в своих силах, в своей возможности влиять на происходящее (вопрос «От чего зависит то, что происходит в вашей жизни?»). По представленным показателям рассчитывались соответствующие индексы (удовлетворенности жизнью, терпения, уверенности в будущем и самостоятельности) по формуле, предложенной В.А. Ядовым [Здравомыслов, Ядов, 2003: 76]. На основе сложения этих индексов (придавая каждому из них определенный коэффициент) рассчитывалось итоговое значение индекса социального самочувствия². Основываясь на практике наших мониторинговых исследований, наиболее высокий коэффициент присваивается в нашей методике индексу удовлетворенности жизнью, который отражает целостное восприятие индивидом условий жизни, характера взаимодействия с окружающими людьми, уровня материального положения, возможностей роста и дальнейших жизненных перспектив [Бочаров, Васькина, 2017].

Полученные результаты позволяют сказать, что социальное самочувствие работников обследованного предприятия находится на достаточно высоком уровне (среднее по массиву значение индекса – 0,41), свидетельствуя о приемлемом уровне их адаптированности к жизни и трудовой среде. Следует отметить более низкий уровень социального самочувствия среди работников А участков (0,32) и группы «конформистов» (0,25). Высокий уровень социального самочувствия работников подтверждают данные о динамике их материального положения (ответов на вопрос «Ухудшилось или улучшилось материальное положение вашей семьи (или ваше, если вы живете один/одна) в 2023 году?»). Ответы свидетельствуют, что в целом по массиву опрошенных для 2/3 работников ситуация в материальном плане улучшилась. Менее всего склонны оптимистично оценивать динамику своего материального положения «конформисты», из которых об этом сообщили только половина.

² Индекс социального самочувствия изменяется в пределах от –1,0 (минимальный уровень) до +1,0 (максимальный уровень).

Трудовое поведение работников. Трудовое поведение рассматривается как сознательно реализуемый комплекс действий и поступков работника, соответствующих его профессиональным возможностям, ценностям, интересам и требованиям трудового процесса. Оно формируется постепенно в зависимости от трудовых и профессиональных установок, которые фиксируются в структуре индивидуального сознания [Шаталова, 2015], и выражается в нескольких формах – как нормативное, адаптивное, инновационное и девиантное поведение.

Профессиональное обучение и планы. Около 2/3 опрошенных работников проходили профессиональное обучение (первичное профобучение, повышение квалификации, обучение новой профессии) на рабочем месте в течение последних пяти лет. При этом более половины опрошенных повышали свои профессиональные навыки в 2021–2023 гг. Только среди работников участков А в 2021–2023 гг. профобучение проходили менее половины опрошенных. Также около 2/3 опрошенных на предприятии вполне адаптированы к своей нынешней профессии и планируют продолжать по ней работать «почти всю жизнь» или «достаточно долго». Однако среди группы «конформистов» на долгосрочную перспективу в рамках своей нынешней профессии ориентированы только менее половины респондентов.

Включенность в деятельность предприятия. Для анализа состояния включенности работников в деятельность предприятия в оригинальном виде применена методика НИИ социальных технологий Самарского университета [Тукумцев, 2023: 111–118]. Результаты свидетельствуют, что среди опрошенных работников «включенных» не оказалось. Это – типичная картина на отечественном производстве, по крайней мере, в последнее время, когда идентифицированных с целями и задачами предприятия работников либо вообще не наблюдается, либо их доля чрезвычайно незначительна. Так, по данным самарского мониторинга социально-трудовой сферы промышленности за 2013 г., включенными являлись менее 1% опрошенных [Тукумцев, 2023: 163].

Инициативность. Практическим аспектом проявления работником творческой инициативы на рабочем месте является его/ее участие в рационализаторстве (путем подачи предложений по улучшению работы оборудования, инструмента, приспособлений, по изменению в организации труда и т.п.). На обследованном предприятии наблюдается благоприятная ситуация с точки зрения информирования работника о возможности проявить творческую инициативу: почти 2/3 респондентов знают о таком механизме. Однако опрос показал, что личный опыт подачи рацпредложений имеют менее 1/10 респондентов, т.е. подавляющее большинство трудового коллектива не проявляют инициативу на рабочем месте. Данные других исследований на российских промышленных предприятиях в последние годы свидетельствуют, как правило, о более высокой доле работников, вовлеченных в инновационную деятельность на рабочем месте [Бессокирная, 2023: 14–26].

Состояние социальной напряженности и вероятность трудовых конфликтов. Социальная напряженность рассматривается как характеристика трудовых отношений, свидетельствующая о рассогласовании интересов работников и работодателей, угрожающая вероятностью открытого трудового конфликта между ними. Для определения уровня социальной напряженности на обследованном предприятии использовались вопросы анкеты, с помощью которых выяснялись: 1) вероятность открытого массового конфликта на предприятии; 2) уровень готовности персонала оставить работу, пойти на митинг, бастовать (по методике, ранее применявшейся в наших исследованиях [Бочаров, Климова, 2013]).

Данные опроса свидетельствуют в целом о низкой вероятности возникновения трудового конфликта, поскольку менее 1/5 опрошенных допускают его высокую вероятность (среди «конформистов» доля чуть выше). При этом допущение работником возможности возникновения трудового конфликта на предприятии не является показателем готовности участвовать в реальном трудовом конфликте. Наиболее склонными к реальному конфликтному поведению (т.е. готовы участвовать в конфликте) оказались «конформисты» (более 1/3) и занятые на участках А (более 1/4). В то же время среди «прагматиков» и работников участков НА о готовности принять участие в трудовом конфликте заявили только около 1/10.

Производственная среда. Заключительный компонент жизненного мира работников, производственная среда, – это условия, воздействующие на физическое и психическое состояние человека в процессе трудовой деятельности, в которых собственно и реализуются трудовое сознание и поведение. В зависимости от объекта исследования могут быть выделены различные элементарные понятия, составляющие содержание производственной среды.

Важнейшим элементарным понятием производственной среды обследованного нами предприятия является *цифровизация его пространства*, в т.ч. в повседневных рабочих коммуникациях в рамках построения концептуальной модели «цифрового завода» [Ткаченко и др., 2023]. Данные опроса свидетельствуют, что почти 2/3 опрошенных в той или иной мере отмечают рост эффективности взаимодействий между рядовыми работниками и администрацией предприятия в условиях внедрения информационных цифровых технологий. Однако каждый четвертый работник А участков производства и примерно такая же доля «конформистов» проявляют в этом вопросе скептицизм.

Если говорить о конкретных последствиях внедрения цифровых информационных технологий, то около 2/3 опрошенных работников сообщили об увеличении их ответственности в работе, о возможностях использовать в работе свои знания и навыки, а также о необходимости изучения нового и повышения своей квалификации. При этом работники А и НА участков по-разному обращают внимание на эффекты цифровизации. Среди работников НА участков 3/4 опрошенных отметили увеличение возможностей использовать свои знания и навыки в работе. Работники же А участков чаще (более 2/3) сообщают об увеличении своей ответственности в выполняемой работе.

В целом можно отметить пока еще недостаточно высокий уровень использования цифровых технологий на конкретном обследованном предприятии. Даже такая наиболее популярная технология, как использование мессенджеров для рабочих коммуникаций, используется менее половиной респондентов. Остальные технологии доступны еще меньшим долям опрошенных работников. Среди работников участков А, а также тех, кто относится к группе «конформистов», уровень вовлеченных в цифровую среду предприятия оказался заметно ниже, чем среди занятых на НА участках и относящихся к группе «прагматиков» (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг наиболее доступных респондентам и используемых при организации работы на предприятии цифровых технологий, %

Какие информационные технологии доступны и используются сегодня при организации работы на Вашем предприятии?	Участки по степени автоматизации		Группы по доминирующей мотивации		Доли ответов в целом по массиву опрошенных
	А	НА	конформисты	прагматики	
Мессенджеры для рабочих коммуникаций	28	68	38	50	47
Сайт предприятия	33	58	21	54	45
Социальные сети	28	58	21	51	42
Электронный документооборот и бухгалтерия	28	50	25	44	39
Совместная работа с документами	19	33	17	29	25

Примечание. Респондент мог выбрать любое количество вариантов ответа. В таблице приведены пять информационных технологий, наиболее востребованных среди работников, которые набрали не менее 1/4 ответов по всему массиву опрошенных.

При анализе жизненного мира трудовых отношений необходимо выяснить уровень адаптации работников к производственной среде путем измерения удовлетворенности работой в целом и ее различными сторонами. Данные опроса свидетельствуют о высоком уровне адаптации работников к производственной среде на обследованном предприятии, где почти 4/5 респондентов в той или иной мере удовлетворены своей работой (индекс удовлетворенности 0,54³). Меньше всего доля удовлетворенных своей работой среди «конформистов», но и среди них индекс удовлетворенности имеет положительное значение (0,31), а доля удовлетворенных превышает долю неудовлетворенных примерно в 5 раз.

Более всего работники удовлетворены отношениями с непосредственным руководителем (мастером, начальником участка, цеха) – около 4/5 респондентов, а также отношениями с коллегами по работе – почти 9/10 респондентов. В то же время менее всего работники удовлетворены состоянием оборудования и рабочего инструмента, а также возможностью влиять на принятие решений руководством (лишь по 1/4 респондентов). Низка и удовлетворенность работников деятельностью администрации по улучшению работы предприятия, а также возможностями заниматься творчеством на рабочем месте и вносить рационализаторские предложения (по 1/3 респондентов).

Можно отметить специфику в ответах работников А и НА участков. Так, работники участков А в меньшей степени удовлетворены отношениями с непосредственным руководителем и отношениями со своими коллегами по работе, а менее всего – состоянием оборудования и рабочего инструмента, а также возможностью влиять на принятие решений руководством (по 1/5). В то же время среди работников участков НА меньше доли работников, удовлетворенных деятельностью администрации по улучшению работы предприятия и уровнем оплаты своего труда (по 1/3).

В целом есть два наиболее критически оцениваемых работниками обследованного предприятия показателя – возможность влиять на принятие решений руководством, а также состояние оборудования и рабочего инструмента. Уровень удовлетворенности возможностями работников влиять на принятие решений руководством можно, видимо, повысить путем их информирования о производственной жизни, привлекая к совместной работе над проектами и повышая их участие в коллективно-договорном процессе. Данные опроса показывают, что около 1/3 работников не знают о том, как выполняются положения действующего на предприятии коллективного договора. Эти работники «не в курсе» (не информированы), как обстоят дела на предприятии в плане формального регулирования трудовых отношений. Второй проблемный показатель – низкая удовлетворенность состоянием оборудования и рабочего инструмента – нуждается в иных мерах, не в сфере социальной политики, а относящихся к проблемам модернизации имеющихся у предприятия основных фондов. И это требует решения, поскольку, согласно опросу, каждый пятый работник трудился в условиях нарушения требований техники безопасности, что грозит производственным травматизмом.

Заключение. В настоящее время государственная власть объективно заинтересована в том, чтобы рост человеческого потенциала промышленного производства не только соответствовал, но и опережал модернизацию его технической базы. Для этого, наряду с обновлением технической основы производства, запуском автоматизированных производственных линий и внедрением цифровых технологий, необходимо повышение мотивации и качества труда персонала. Социальные резервы для этого лежат в формировании стабильных и гармоничных трудовых отношений. Из проведенных ранее исследований известно, что форма трудовых отношений значительно влияет на уровень удовлетворенности жизнью; факт стандартного характера трудовых отношений с официально оформленным трудовым договором во многом определяет высокий уровень

³ Индекс удовлетворенности работой изменяется в пределах от -1,0 (минимальный уровень) до +1,0 (максимальный уровень). Методика его подсчета основана на придании каждому варианту ответа на вопрос об удовлетворенности определенного веса от +1,0 до -1,0.

удовлетворенности [Тощенко, 2022: 95]. Именно с такими стандартными трудовыми отношениями мы имели дело на обследованном наукоёмком предприятии: все работники официально трудоустроены, на предприятии действует коллективный договор. Но и в таких условиях наблюдается дифференциация трудовых отношений работников, связанная с тем, заняты ли они на автоматизированных или неавтоматизированных участках производства.

Проведенное поисковое исследование показало, что среди работников участков НА заметно выше доли «прагматиков», ориентирующихся на материальные мотивы и хорошо адаптированных в существующих технико-технологических и коммуникативных процессах. Они критично оценивают деятельность администрации по улучшению работы предприятия и уровень оплаты своего труда, но в большинстве ощущают свое положение на предприятии как стабильное, удовлетворены своей нынешней профессией, карьерными перспективами и демонстрируют высокий уровень социального самочувствия.

Среди работников участков А заметно выше доля «конформистов», ориентирующихся на уважение и признание своего близкого окружения. У них ниже уровень удовлетворенности работой и отношениями с начальством и своими коллегами, состоянием оборудования и рабочего инструмента, возможностью влиять на принятие решений руководством, а также вовлеченности в цифровую среду предприятия и профессиональное обучение. Неудивительно, что среди них на долгосрочную перспективу работы в рамках своей нынешней профессии ориентированы менее половины респондентов, что у них заметно сильнее выражена готовность к конфликту на предприятии и ниже уровень социального самочувствия.

Такие различия в характеристиках трудовых отношений являются следствием процесса модернизации производства и изменения содержания труда работников участков А, которым необходимо время, чтобы превратиться в «квалифицированных универсалов». Проведенное исследование позволяет акцентировать внимание менеджмента современных наукоёмких предприятий на возможностях не только ускорить процесс такой адаптации, но и принять необходимые меры по формированию у работников наукоёмких производств качеств и компетенций, требуемых в условиях нового технологического уклада производства, состояния включенности в дела предприятия, проявления творческой инициативы. В условиях автоматизированного производства работник, взаимодействуя с искусственной средой, отчуждается от коммуникаций и взаимодействия с другими членами своего коллектива. Преодолевать такое отчуждение возможно не только оптимизацией информационных потоков внутри предприятия через мессенджеры, оно должно сопровождаться личным вниманием и общением («человеческими отношениями») со стороны непосредственного руководителя. Видимо, необходима комплексная программа по адаптации персонала к новым условиям труда, которая должна включать информационные мероприятия и коллективные тренинги, направленные на стимулирование инноваций и творческой активности работников. В частности, работников необходимо информировать о конкретных примерах рационализаторства, в которых должны быть показаны как экономический эффект для предприятия, так и моральные и материальные бонусы, полученные самим работником по результатам внедрения рацпредложения. Нужно менять и подходы к организации профессионального обучения, которое должно стать непрерывным механизмом, способствующим формированию у работника не только необходимых компетенций, но и ориентации на построение карьеры в рамках нынешней профессии и предприятия, повышению слаженности взаимодействий внутри трудового коллектива, роста социального оптимизма. Не стоит забывать и о формальных нормах трудовых отношений, необходимости жестко контролировать исполнение требований техники безопасности и норм коллективных договоров. Несоблюдение таких норм вызывает у работника чувство неудовлетворенности и снижает эффективность корпоративных мотивационно-информационных мероприятий.

Результаты проведенного поискового исследования показывают, что значительные социальные резервы не используются в полной мере в условиях перехода

к современному наукоемкому производству, так что необходимы меры управленческого воздействия по совершенствованию управления социально-трудовой сферой. Для получения обоснованных данных, релевантных генеральной совокупности, необходимо продолжать полевые исследования. Тем не менее предлагаемый подход, основанный на социологии жизни, а также апробированные методики анализа компонентов жизненного мира наемного работника уже сейчас могут послужить аналитической моделью для социологов, изучающих трудовые отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
- Бессокирная Г.П. Инновационное поведение российских рабочих: опыт измерения на промышленных предприятиях // Институциональные возможности и ресурсы российских работников в поиске согласия: сб. науч. ст. Н. Новгород: НГГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 14–26.
- Бочаров В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 41–52.
- Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201–216.
- Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. и др. Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 100–113.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г. Анализ социальной напряженности на ряде российских предприятий // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Самара: Самар. ун-т, 2013. С. 115–133.
- Вильховченко Э.Д. Постиндустриальные модели труда: социоорганизационный прогресс на рубеже XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 56–65.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Ключевой вопрос социологии труда: сб. научных трудов / Под ред. Е.Г. Антосенкова. М.: НИИ труда, 1988.
- Козина И.М. Особенности стратегии case-study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Социология 4М. 1995. № 5–6. С. 65–90.
- Кревич В.В. Социальные последствия автоматизации. М.: Наука, 1985.
- Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–149.
- Одегов Ю.Г., Павлова В.В., Теленная Л.С. Технологические предпосылки трансформации сферы труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 69–75.
- От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
- Попов А.В. Типология работников как инструмент управления трудовым поведением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1(25). С. 162–175.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Саратов. ун-т, 2000.
- Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. ДеБарделебен, С.Г. Климовой, В.А. Ядова. М.: Академ. проект, 2004.
- Темницкий А.Л. Трудовые отношения на новом частном предприятии (социологический анализ данных трех исследований). М.: ИС РАН, 2000.
- Тихонов А.В. Влияние производственной самостоятельности рабочего на отношение к труду // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 31–44.
- Ткаченко И.С., Антипов Д.В. и др. Концептуальная модель цифрового завода производственного предприятия аэрокосмической отрасли // Известия Самарского научного центра РАН. 2023. Т. 25. № 3. С. 90–106.
- Тощенко Ж.Т. Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. М.: Политиздат, 1989.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тукумцев Б.Г. Избранные статьи: сборник статей / Под ред. В.Ю. Бочарова. Самара: Самар. ун-т, 2023.

- Тукумцев Б.Г. Трудовые отношения // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006. С. 365–366.
- Чилипенко Ю.Ю. Социально-трудовые отношения: теория и практика взаимодействия субъектов в сфере малого и среднего бизнеса. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015.
- Шаталова Н.И. Психофизиологические особенности трудового поведения работника // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 178–189.
- Яковлева Е.В., Зуйкова Е.П. Мотивация работников в период развития индустрии 4.0 // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 2. С. 405–418.

Статья поступила: 26.03.24. Финальная версия: 29.04.24. Принята к публикации: 02.05.24.

LABOR RELATIONS DIFFERENTIATION IN A MODERN HIGH-TECH ENTERPRISE (A CASE STUDY)

BOCHAROV V. Yu.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Russia; Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Samara, Russia; Associate Researcher Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (vlad.bocharov@gmail.com).

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the research project, carried out under the strategic academic leadership program “Priority 2030”.

Abstract. A conceptual model for the analysis of labor relations based on the methodology of the sociology of life is presented. Labor relations are considered as a synthesizing concept of the life world of an employee of a modern high-tech industrial enterprise. Empirical research data indicate differences in the state of key characteristics of labor relations (labor consciousness, labor behavior and the production environment) between employees of automated («A») and non-automated («NA») production sites. Among the employees of the «A» sites, the proportion of «conformists» is noticeably higher, there is a lower level of social well-being, job satisfaction and its components, involvement in the digital environment, vocational training and a more pronounced willingness to conflict in the enterprise. Among the employees of the «NA» sites, there is a higher proportion of «pragmatists» who are guided by material motives, well adapted to the production environment, satisfied with their current profession, career prospects and demonstrating a high level of social well-being. The conclusion is made about the reasons for this differencing and measures are proposed to accelerate the adaptation of workers to the new content of work in the conditions of the fourth industrial revolution and the formation of their involvement levels in the affairs of the enterprise, the manifestation of initiative and creative attitude to work.

Keywords: labor relations, sociology of labor, life world, sociology of life, high-tech enterprise, case study.

REFERENCES

- Anisimov R.I. (2017) Labor in the Uncertainty Epoch. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 44–52. (In Russ.)
- Bessokirnaya G.P. (2023) Innovative Behavior of Russian Workers: Experience of Measurement in Industrial Enterprises. In: *Institutional Capabilities and Resources of Russian Workers in the Search for Consent*: Coll. of Sci. Art. Nizhny Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 14–26. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu. (2022) Changing Approaches to the Studying of Labor Relations in Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 41–52. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Klimova S.G. (2013) Analysis of social tensions at several Russian organizations. In: *Labor relations: the State and Trends in Russia*. Samara: Samar. un-t: 115–133. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Vaskina Yu.V. (2017) Young Workers' from the Industrial Enterprises Social Well-being: Indicators and Factors. *Zhurnal issledovaniy socialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 2: 201–216. (In Russ.)

- Bocharov V. Yu., Vaskina Yu.V., Ivanov D. Yu., Nesterov A. Yu., Tkachenko I.S. (2023) Factors of labor motivation of employees of aerospace cluster enterprises in the conditions of digitalization and robotization. *Semioticheskie issledovaniya* [Semiotic studies]. Vol. 3(4): 100–113. (In Russ.)
- Chilipenok Yu. Yu. (2015) *Social and labor relations: theory and practice of interaction of subjects in the sphere of Small and Medium Businesses*. Nizhny Novgorod: NISOC. (In Russ.)
- From precarious employment to the precarization of life*. (2022). Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves mir. (In Russ.)
- Kozina I.M. (1995) Features of the case-study strategy in the study of industrial relations at industrial enterprises in Russia. *Sociologiya 4M*. [Sociology 4M]. No. 5–6: 65–90. (In Russ.)
- Krevnevich V.V. (1985) *Social Consequences of Automation*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Krupets Ya.N. (2003) Social Well-Being as an Integral Component of Adaptation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Studies]. No. 4: 143–149. (In Russ.)
- Odegov Yu.G., Pavlova V.V., Telennaya L.S. (2018) Technological Prerequisites for the Transformation of the Sphere of Labor. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. No. 4 (210): 69–75. (In Russ.)
- Popov A.V. (2013) Typology of Workers as a Tool for Managing Labor Behavior. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. No. 1(25): 162–175. (In Russ.)
- Precarious employment: origins, criteria, features*. (2021). Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves mir. (In Russ.)
- Romanov P.V. (2000) *Formal organizations and informal relations: a case study of management practices in modern Russia*. Saratov: Sarat. un-t. (In Russ.)
- Shatalova N.I. (2015) Psychophysiological Features of Labour Behavior of Employee. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM]. No. 1: 178–189. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2000) *Labor Relations at a New Private Enterprise (Sociological Analysis of Data from Three Studies)*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- The Formation of Labor Relations in post-Soviet Russia*. (2004). Ed. by J. DeBardeleben, S.G. Klimova, V.A. Yadov V.A. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- The Key Issue of the Sociology of Labor*. (1988). Ed. by E.G. Antosenkov E.G. Moscow: NII truda. (In Russ.)
- Tikhonov A.V. (1976) The influence of the worker's industrial independence on the attitude to work. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 31–44. (In Russ.)
- Tkachenko I.S., Antipov D.V., Kupriyanov A.V., Smelov V.G., Kokareva V.V. (2023) Conceptual Model of the Digital Plant of Manufacturing Enterprises in the Aerospace Industry. *Izvestia Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Herald of Samara Scientific Center of RAS]. Vol. 25(3): 90–106. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1989) *Social reserves of labor: Topical issues of labor sociology*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (2006) Labor relations. In: *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*. St. Petersburg: Nauka: 365–366. (In Russ.)
- Tukumtsev B.G. (2023) *Selected articles: a collection of articles*. Ed. by V. Yu. Bocharov. Samar. un-t. (In Russ.)
- Vilkhovchenko E.D. (2003) Postindustrial Models of Labor: Social and Organizational Progress at the Verger of XXI Century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 3: 56–65. (In Russ.)
- Yakovleva E.V., Zuykova E.P. (2018) Motivation of workers in the period of the industry 4.0. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Vol. 5 (2): 405–418. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) *Man and His Work in the USSR and After*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Received: 26.03.23. Final version: 29.04.24. Accepted: 02.05.24.

Методология и методы социологических исследований

© 2024 г.

А.В. КУЧЕНКОВА, Г.Г. ТАТАРОВА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННОЙ (НЕ)ОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (часть 2)

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (a.v.kuchenkova@gmail.com); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник (tatarova-gg@rambler.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена обоснованию важности методологической проблемы анализа качественной (не)однородности изучаемой совокупности объектов в процессе социологического измерения субъективного благополучия. В ней представлены результаты поискового исследования, направленного на апробацию ряда инструментальных средств в процедурах реконструкции среди населения социальных типов (по характеру субъективного благополучия) как качественно однородных латентных образований. В первой части статьи был проведен анализ «запроса исследователей» на методическую рефлексии использования в массовых опросах таких обобщенных показателей субъективного благополучия, как удовлетворенность жизнью, личное счастье; рассматривалась проблема полноты совокупности частных показателей; обосновывалась целесообразность использования в качестве основания типологии взаимосвязи обобщенного показателя с частными. Во второй части статьи излагается краткое описание алгоритма нечеткой классификации из класса логико-комбинаторных методов, используемого для поиска типологических синдромов и выявления на их основе типологических групп. Приводятся результаты типологического анализа по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 26 волна, 2017 год. Диагностика специфики качественной (не)однородности по субъективному благополучию проведена как в целом по всем работающим, так и по отдельным совокупностям среди них, выделенным согласно трем этапам жизненного цикла.

Ключевые слова: качественная (не)однородность • субъективное благополучие • обобщенный показатель субъективного благополучия • частные показатели субъективного благополучия • типологический анализ • типобразующий признак • типологические группы • типологический синдром

DOI: 10.31857/S0132162524050058

Предпосылки и исследовательская задача. Среди рассмотренных в первой части статьи теоретико-методических проблем была особо выделена та, которая связана с изучением (не)однородности индивидов по специфике взаимосвязи обобщенного показателя субъективного благополучия с частными. В концептуальных рамках типологического анализа это сводится к выявлению среди изучаемых объектов типологических групп,

каждая из которых описывается вполне определенным характером такой взаимосвязи. Корректнее говорить о поиске *типологических синдромов*, т.е. некоторых оснований в виде эмпирических закономерностей для выдвижения гипотезы о существовании социальных типов. Если использовать более формализованный стиль, то речь идет о поиске *детерминант* значений целевой переменной (обобщенный показатель), под которыми понимаются сочетания значений частных показателей субъективного благополучия – *взаимодействия независимых переменных*. Процесс анализа (не)однородности объектов (индивидов), по сути, проводится на «локальном» уровне, включает выявление однотипных групп среди индивидов, схожих по такого рода взаимодействиям.

Провести такой анализ возможно, опираясь на различные математические методы многомерного анализа (неслучайно выбор и апробация алгоритма классификации была обозначена как одна из групп теоретико-методических проблем в первой части статьи). На роль адекватного способа классификации может претендовать и «качественный сравнительный анализ» для нечетких множеств (fuzzy set Qualitative Comparative Analysis, fsQCA) [Ragin, 2000; Configurational ..., 2009; Schneider, Wagemann, 2012]¹, который можно отнести к особому классу методов многомерного анализа – логико-комбинаторным методам. Процедура применения метода носит более трудоемкий характер (включая понятийный аппарат, специфику «языка» описания) по сравнению с традиционно используемыми в социологии алгоритмами кластерного анализа, но результаты наглядно демонстрируют «болевы точки» многомерного анализа в социологии, обостряя постановку проблемы анализа *качественной (не)однородности* изучаемых социологом совокупностей.

Эмпирической базой для апробации выбранного метода в процессе типологического анализа послужили данные проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ, 26 волна (2017 г.) по работающим – 5261 чел. Диагностика специфики качественной (не)однородности проводилась как в целом по всем работающим, так и по трем отдельным совокупностям, выделенным в соответствии с тремя этапами жизненного цикла.

Показатели субъективного благополучия в качестве типобразующих признаков.

В роли обобщенного показателя в нашем исследовании выступает «*логический индекс*», сконструированный на основе вопросов об удовлетворенности жизнью и о личном счастье. Целесообразность его использования и схема формирования были в достаточной мере обоснованы для случая его измерения по трехбалльной шкале [Татарова, Кученкова, 2020]. Для повышения «чувствительности» индекса обобщенный показатель был сформирован с пятью градациями (табл. 1). Респонденты с высоким уровнем удовлетворенности жизнью и низким – личного счастья, и, наоборот, с высоким уровнем личного счастья и низким – удовлетворенности жизнью (62 чел.), – были исключены из анализа. Эти ситуации

Таблица 1

**Схема формирования «логического» индекса
(целевой переменной)**

Удовлетворенность жизнью	Личное счастье				
	1	2	3	4	5
1	Н	Н	НС	П	П
2	НС	НС	НС	С	П
3	С	С	С	С	С
4	П	С	ВС	ВС	ВС
5	П	П	ВС	В	В

Примечание. Н – низкий, НС – ниже среднего, С – средний, ВС – выше среднего, В – высокий, П – противоречие.

¹ Алгоритм реализован в пакете с аналогичным названием fsQCA (URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~cragin/fsQCA/software.shtml>).

Таблица 2

Взаимосвязи показателей субъективного благополучия

Переменные	Доля высоких оценок, %	Коэффициенты корреляции ρ Спирмена						
		B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
Целевая (обобщенный показатель)	54,5	0,35**	0,19**	0,17**	0,28**	0,42**	0,26**	0,30**
B1. Удовлетворенность работой и возможностями профессионального роста	62,3	–	0,10**	0,16**	0,17**	0,34**	0,16**	0,14**
B2. Уверенность в собственных силах	18,9		–	0,08**	0,12**	0,25**	0,09**	0,14**
B3. Оценка собственной значимости и компетентности	70,4			–	0,06**	0,13**	–0,02	0,08**
B4. Оптимизм	22,7				–	0,27**	0,18**	0,10**
B5. Удовлетворенность материальным положением	20					–	0,15**	0,10**
B6. Оценка здоровья	44,4						–	0,17**
B7. Отсутствие чувства одиночества	60,9							–

обозначены символом П – условно как «противоречивые»². В результате из 5261 чел., представляющих работающее население, в процесс анализа включены 5199 чел., в т.ч. 2834 – с уровнем обобщенного показателя выше среднего, 2365 – со средним и ниже.

При отборе *частных показателей* субъективного благополучия на роль типобразующих признаков [Татарова, Кученкова, 2016; Кученкова, Татарова, 2019] исходим из специфики изучаемой совокупности, из ситуации вторичной концептуализации, а также из информативности и опыта изучения показателей, о котором речь шла в первой части статьи. Пять из семи показателей (удовлетворенность работой и возможностями профессионального роста; оценка собственной значимости и компетентности; удовлетворенность материальным положением; отсутствие чувства одиночества; самооценка здоровья) затрагивают ключевые аспекты жизнедеятельности, воспроизводящиеся в ответах респондентов на открытые вопросы как в методических экспериментах на небольших группах респондентов, так и в массовых опросах. Другие два показателя (уровень оптимизма и уверенности в собственных силах) позволяющие учесть специфику понимания благополучия россиянами, часто используются в исследованиях в качестве самостоятельных, отдельных компонент благополучия, счастья. Кроме того, все семь показателей перекликаются с аналогичными в индексе Кумминса [Cummins et al., 2003].

В табл. 2 анализируемые показатели (обобщенный и частные) представлены как целевая (зависимая) и независимые переменные. Среди них B1, B2, B3 – это суммарные индексы, включающие по два индикатора, B4, B5, B6, B7 – одиночные индикаторы. Значения независимых переменных также трансформированы в пятибалльные шкалы. В табл. 2 приведены значения попарных коэффициентов корреляции; «доля высоких оценок» – это число (в %) респондентов со значениями переменной равными 4–5.

Независимые переменные демонстрируют в основном слабую корреляцию друг с другом; с целевой теснее всего связаны удовлетворенность материальным положением, работой и возможностями профессионального роста, отсутствие чувства одиночества. Эта закономерность, как будет показано ниже, специфическим образом проявится в процессе типологического анализа, проведенного как в целом по всем работающим, так и по трем отдельным группам работающих (в соответствии с тремя этапами жизненного цикла). Основанием для выделения этих групп послужили результаты предыдущих

² Вопрос о трактовке этого типологического синдрома остается за рамками статьи.

исследований авторов статьи [Кученкова, Татарова, 2019], из которых следовал вывод о правдоподобности гипотезы о том, что эти этапы детерминируют характер взаимосвязи между обобщенным показателем субъективного благополучия и частными.

Особенности метода fsQCA. Ключевое понятие этого метода – множество, оно используется в рамках типологического анализа для обозначения классов объектов, выделенных по самым разным критериям, а также при предварительном преобразовании исходных для анализа данных с целью перехода на «язык» нечетких классификаций. Пятибалльные переменные перекодируются в непрерывные с диапазоном изменений от 0 до 1, что позволяет такие значения интерпретировать как *степени принадлежности* объектов к разным множествам. Преобразование в нашем случае осуществляется по следующей схеме: значение 1 перекодируется в 0 (не принадлежит множеству); 2 в 0,25; 3 в 0,49; 4 в 0,75; 5 в 1 (полная принадлежность к множеству). Значение выше 0,5 свидетельствует о том, что объект скорее принадлежит к рассматриваемому множеству, а ниже – скорее не принадлежит. Само значение 0,5 играет роль порогового в процедурах разбиения объектов.

Особенности метода как алгоритма классификации имеет смысл рассматривать по трем шагам его реализации. *На первом шаге* формируются множества, каждое из которых может быть условно описано «фразой», состоящей из 0 и 1. В случае семи независимых переменных возможно 2^7 таких множеств (фразы – это комбинации от 0000000 до 1111111). Для объекта определяются степени принадлежности к каждому из этих множеств, затем его относят к тому из них, степень принадлежности к которому выше всего (от 0,5 до 1). Тем самым возникает *первичная классификация* объектов, по сути, она нечеткая. На «языке» типологического анализа эти пересекающиеся классы, описываемые сочетанием экстремальных (максимальных и минимальных) значений переменных, имеют статус абстрактных эталонов, соотнесение с которыми позволяет отнести объект к ближайшему из них. Из 128 возможных множеств-классов пять оказались пустыми. В наиболее наполненных 15 классах (с численностью более 100 чел. каждая) совокупно 2802 чел. (53,9% от всех респондентов). Общим для них является низкий уровень удовлетворенности материальным положением (B5), уверенности в своих силах (B2), оптимизма (B4) (за вычетом одного класса). Значения остальных переменных варьируются.

На втором шаге к анализу подключается целевая переменная (в нашем случае – обобщенный показатель субъективного благополучия). Опираясь на первичную классификацию и специальный критерий *непротиворечивости/консистентности* (consistency, далее будем обозначать его «Cons») ³ делается вывод о том, в какой мере комбинация экстремальных значений независимых переменных может считаться *условием*, достаточным для возникновения высокого или низкого уровня обобщенного показателя. В нашем примере из 123 первичных классов (за исключением 5 пустых) 101 может быть отнесен к детерминантам высокого, 22 – низкого уровня. Такую классификацию можно обозначить условно как *промежуточную*.

На третьем шаге эта классификация трансформируется: классы укрупняются – объединяются те из них, описания которых отличаются по значению одной переменной. Если среди вновь сформированных классов обнаружатся такие, у которых совпадают значения всех переменных, кроме одной, процедура укрупнения продолжается. В конечном счете это приводит к *искомой классификации*, состоящей из пересекающихся классов, принадлежность объектов к которым варьируется от 0 до 1. Классы описываются комбинациями значений независимых переменных, определяя детерминанты высокого/низкого уровня целевого показателя и иллюстрируя на языке типологического анализа существование *типологических синдромов*, носителями которых являются пересекающиеся *типологические группы*.

Для оценки и описания качества результатов классификации используют различные критерии качества модели [Schneider, Wagemann, 2012]. Кроме консистентности/непротиворечивости (отражающей в определенном смысле тесноту взаимосвязи между принадлежностью к выделенным классам и значением целевой переменной), важную роль играет критерий «покрытие» (coverage, далее обозначаем «Cov») – для оценки того, в какой мере объекты с одним и тем же значением целевого признака могут быть «объяснены» принадлежностью к выделенным классам/ типологическим группам.

³ Этот критерий отражает, в какой мере принадлежность к классу, описываемому сочетанием экстремальных значений независимых переменных, связана с высоким/низким уровнем целевой переменной.

Таблица 3

**Типологические синдромы с высоким уровнем обобщенного показателя (ОП)
субъективного благополучия**

№	Частные показатели							Критерии качества модели		Характеристики классов			
	В1. Удовлетворенность работой ...	В2. Уверенность в собственных силах	В3. Оценка собственной значимости ...	В4. Оптимизм	В5. Удовлетворенность материальным положением	В6. Оценка здоровья	В7. Отсутствие чувства одиночества	Cov	Cons	объем класса		объекты с ОП = 4–5 в классе, %	
										всего, чел.	с высоким уровнем ОП, чел.	среди всех объектов класса	среди тех, у кого ОП = 4–5
1		1					1	0,42	0,92	732	575	76,8	20,3
2			1				1	0,8	0,82	2284	1552	68,0	54,8
3				1			1	0,72	0,93	795	642	80,8	22,7
4						1	1	0,79	0,9	1597	1154	72,3	40,7
5	1						1	0,79	0,88	2118	1561	73,7	55,1
6	1		1					0,77	0,87	2408	1662	69,0	58,6
7	1	1				1		0,37	0,97	377	335	88,9	11,8
8					1			0,56	0,96	1041	903	86,7	31,9
По всей совокупности								0,96	0,77	4008	2552	63,7	90,0

Типологические синдромы с высоким уровнем обобщенного показателя. В основе существования 8 выделенных типологических синдромов (табл. 3) – своего рода варианты различных «путей» к достижению субъективного благополучия. Для классов № 1–5 характерно отсутствие чувства одиночества в сочетании с высоким уровнем⁴ одной из пяти других переменных (В1, В2, В3, В4, В6). Для классов № 5–7 – высокий уровень удовлетворенности работой и возможностями профессионального роста в сочетании с высоким уровнем по В2, или по В3, или по В7. И, наконец, класс 8 характеризуется высоким уровнем удовлетворенности материальным положением. «Ведущую» роль в детерминации высокого уровня обобщенного показателя играют те же переменные В7, В1 и В5, которые коррелировали с целевой при предварительном анализе (табл. 2). Вместе с тем только удовлетворенность материальным положением (В5) является достаточным условием для проявления высокого уровня целевой переменной, вне зависимости от того, какие значения принимают все остальные переменные. Примечательно и то, что удовлетворенность работой и отсутствие чувства одиночества могут являться основанием для высокого уровня обобщенного показателя только в сочетании с высоким уровнем еще хотя бы по одной переменной.

Среди респондентов с высоким уровнем обобщенного показателя выше всего доля представителей классов 6, 5 и 2, характеризующихся сочетанием высокого уровня двух показателей из трех: удовлетворенность работой, оценка собственной значимости и компетентности, отсутствие чувства одиночества (58,6, 55,1 и 54,8%). А удовлетворенность материальным положением объясняет высокие значения обобщенного показателя лишь у 31,9%. Выделенные классы включают 90% респондентов с высоким уровнем обобщенного показателя.

⁴Понятие «уровень» соотносим не только с целевой переменной, но и с независимыми.

Таблица 4

**Типологические синдромы с низким уровнем обобщенного показателя (ОП)
субъективного благополучия**

№	Частные показатели							Критерии качества модели		Характеристики классов			
	В1. Удовлетворенность работой ...	В2. Уверенность в собственных силах	В3. Оценка собственной значимости ...	В4. Оптимизм	В5. Удовлетворенность материальным положением	В6. Оценка здоровья	В7. Отсутствие чувства одиночества	Cov	Cons	объем класса		объекты с ОП = 1–3 в классе, %	
										всего, чел.	с низким ОП, чел.	среди всех объектов класса	среди тех, у кого ОП = 1–3
1	0				0		0	0,31	0,9	846	653	77,2	27,6
2			0		0	0	0	0,22	0,95	383	326	85,1	13,8
3		0	0		0		0	0,23	0,92	535	428	80	18,1
4	0	0	0	0	0	0		0,39	0,94	332	284	85,5	12,0
По всей совокупности								0,55	0,9	1191	909	76,3	38,4

Типологические синдромы с низким уровнем обобщенного показателя. Во всех 4 классах (табл. 4) наблюдается *неудовлетворенность материальным положением*, для трех из них она сочетается либо с низкими оценками *субъективной значимости* и *компетентности* (кроме № 1), либо с чувством одиночества (№ 1–3), а также с низкими значениями и других переменных. В целом классы описываются комбинациями значений 3–6 переменных, ни одна из них сама по себе не является достаточным условием низкого уровня обобщенного показателя. Примечательно, что это относится и к низкому уровню удовлетворенности материальным положением.

Объекты с высокой степенью принадлежности к выделенным четырем классам составляют 38,4% среди всех лиц с низким уровнем обобщенного показателя. Относительно невысокий объяснительный потенциал с точки зрения «покрытия» объектов выделенными синдромами, возможно, связан с тем, что субъективно благополучные в большей степени похожи друг на друга, чем недовольные жизнью (как было показано, например, в [Iliev, Bennis, 2023]), и источники, условия для низкого уровня обобщенного показателя более многообразны. Поскольку в методе fsQCA предполагается поиск *асимметричных «причинных отношений»*, достаточно полное объяснение низких значений целевой переменной требует привлечения дополнительных частных показателей.

С одной стороны, критерии качества модели классификации говорят о неплохих результатах: «покрытие» (Cov) для «высокого уровня» обобщенного показателя составляет 0,96, а для низкого – 0,55, консистентность (Cons) – 0,77 и 0,9 соответственно. С другой стороны, из 5199 чел. в состав выделенных групп входят 3461 чел. (66,6%), в т.ч. 2552 с высоким уровнем, 909 с низким. По формальным критериям «неохваченной объяснением» остается существенная часть респондентов (33,4%), из чего следует, что необходимо расширение состава частных показателей. Вместе с тем специфика социальных наук такова, что полное и всеобъемлющее объяснение вариации значений переменных или дифференциации объектов вряд ли достижимо, а значит, всегда будет требоваться поиск баланса между переупрощенной, грубой, малоинформативной моделью и, наоборот, чересчур детализированной, учитывающей индивидуальные особенности каждого объекта и не позволяющей выявить ключевые, типичные тенденции.

Типологические синдромы на разных этапах жизненного цикла. Рассмотрим результаты типологического анализа отдельно по трем группам работающих, находящихся

на разных этапах жизненного цикла (Э1 – Э3). Характеристики Э1: 15–29 лет, не состоящие в браке, не имеющие детей (396 чел.). Э2: 30–49 лет, состоящие в браке, имеющие детей до 18 лет (1525 чел.). Э3: 50–72 года, состоящие в браке, имеющие детей старше 18 лет (930 чел.).

Доля респондентов с уровнем обобщенного показателя выше среднего несколько снижается от этапа к этапу: 61,2, 59,2, 54,7% (табл. 5). Частные показатели демонстрируют разные «траектории». *Растет* уровень собственной значимости и компетентности (доля лиц с оценками выше среднего повышается с 49,2 до 82,8%), *снижается* оптимизм (с 36,1 до 14%) и положительные оценки здоровья (с 69,4 до 24,1%), примерно *одинаковым* остается уровень удовлетворенности работой и возможностями профессионального роста (64,4, 62,5, 62,9%). Уровень показателей «уверенность в собственных силах» и «удовлетворенность материальным положением» изменяется скорее по *U-образной* траектории, снижаясь на Э2. А отсутствие чувства одиночества, наоборот, достигает более высокого уровня именно во второй группе респондентов.

На всех этапах с обобщенным показателем, судя по коэффициентам Спирмена (табл. 5), в большей степени коррелируют удовлетворенность материальным положением; удовлетворенность работой и возможностями профессионального роста.

Повторение трех шагов в процедуре классификации на каждом этапе жизненного цикла привело к следующим результатам.

На первом шаге после первичной классификации оказались пустыми для Э1–Э3 класса; для Э2–Э8, для Э3–Э40. Эти классы по своим характеристикам во многом совпадают, особенно для первого и второго этапа (высокий уровень В5, В2, низкий уровень В1). Из наполненных классов (95, 100 и 88 для каждого этапа соответственно) многие крайне малочисленны. Наиболее значительные по численности девять групп Э1 включают 115 чел. (29% от общего количества), в состав самых наполненных десяти классов для Э2 входит 728 чел. (47,7%), для Э3–Э53 чел. (57,3%), что свидетельствует о существенном разнообразии встречающихся комбинаций значений частных показателей. Вместе с тем наиболее распространенным на всех трех этапах является низкий уровень по В2 и В5.

На втором шаге первичные классы распределились на два блока (высокий/низкий уровень целевой переменной) следующим образом: Э1–Э94 / 1, Э2–Э82 / 18, Э3–Э71 / 17. На всех этапах большее количество первичных классов было отнесено к детерминирующим именно высокий уровень обобщенного показателя. Такая диспропорция связана с тем, что низкий уровень хуже описывается имеющимся набором частных показателей, чем высокий. Особая ситуация, сложившаяся с представителями Э1, также может быть

Таблица 5

Характеристики трех этапов жизненного цикла (доля высоких оценок, взаимосвязь независимых переменных с целевой)

Переменные	Доля оценок выше среднего, %			Коэффициент корреляции Спирмена		
	этапы			этапы		
	1	2	3	1	2	3
Целевая (обобщенный показатель)	61,2	59,2	54,7	–	–	–
В1. Удовлетворенность работой	64,4	62,5	62,9	0,34	0,35	0,33
В2. Уверенность в собственных силах	29,5	15,7	19,4	0,27	0,15	0,21
В3. Оценка собственной значимости	49,2	71,8	81,8	0,14	0,29	0,18
В4. Оптимизм	36,1	24,7	14	0,23	0,28	0,25
В5. Удовлетворенность материальным положением	26,5	18	20,8	0,42	0,39	0,43
В6. Оценка здоровья	69,4	49,6	24,1	0,26	0,22	0,23
В7. Отсутствие чувства одиночества	58,8	73,4	64,4	0,24	0,26	0,25

Примечание. Все значения коэффициента статистически значимы ($p < 0,001$).

обусловлена тем, что среди более молодых работников уровень субъективного благополучия в целом выше (вне зависимости от значений частных показателей).

На третьем шаге укрупнения первичных классов для высокого уровня обобщенного показателя было образовано 7 типологических групп для Э1, 5 – для Э2, 9 – для Э3 (табл. 6), для низкого выделено 1, 5 и 6 групп соответственно (табл. 7). Рассмотрим особенности выявленных типологических синдромов отдельно для представителей трех этапов жизненного цикла (табл. 6–7).

Этап 1 (15–29 лет, не состоящие в браке, не имеющие детей). Для проявления высокого уровня обобщенного показателя (ОП) достаточно высоких значений хотя бы одного из шести частных показателей (В1 – В3, В5 – В7) (табл. 6). Иными словами, эффекты взаимодействия не наблюдаются. Наиболее наполненными являются группы с высоким уровнем В1, В6, В7 (удовлетворенность работой, оценка здоровья, отсутствие чувства одиночества). Удовлетворенность материальным положением, теснее всего коррелировавшая с обобщенным показателем, демонстрировала высокий прогностический потенциал (среди лиц с высокими значениями по этому частному показателю 90,5% имеют высокий уровень обобщенного), однако степень распространенности этой закономерности ограничена: среди лиц с высоким уровнем ОП только 39,6% демонстрируют высокий уровень удовлетворенности материальным положением.

Низкий уровень ОП обусловлен сочетанием низкого уровня одновременно шести частных показателей из семи (табл. 7). На первом этапе это единственный синдром,

Таблица 6

**Типологические синдромы с высоким уровнем обобщенного показателя (ОП)
субъективного благополучия на разных этапах жизненного цикла**

№	Частные показатели							Критерии качества модели		Характеристики классов			
	В1. Удовлетворенность работой ...	В2. Уверенность в собственных силах	В3. Оценка собственной значимости ...	В4. Оптимизм	В5. Удовлетворенность материальным положением	В6. Оценка здоровья	В7. Отсутствие чувства одиночества	Cov	Cons	объем класса		объекты с ОП = 4–5 в классе, %	
										всего, чел.	с высоким уровнем ОП в классе, чел.	среди всех в классе	среди тех, у кого ОП = 4–5
Этап 1 (392 чел., из них 240 с высоким уровнем обобщенного показателя)													
1	1							0,86	0,85	253	183	72,3	76,3
2		1						0,53	0,9	116	92	79,3	38,3
3			1					0,74	0,85	194	133	68,6	55,4
4				0				0,59	0,9	250	135	54	56,3
5					1			0,6	0,96	105	95	90,5	39,6
6						1		0,9	0,86	271	184	67,9	76,7
7							1	0,88	0,75	230	160	69,6	66,7
По всей совокупности								0,99	0,7	388	240	61,9	100
Этап 2 (1504 чел., из них 890 с высоким уровнем обобщенного показателя)													
1					1			0,52	0,98	275	252	91,6	28,3
2							1	0,94	0,71	1103	724	65,6	81,3

Окончание таблицы 6

№	Частные показатели							Критерии качества модели		Характеристики классов			
	В1. Удовлетворенность работой ...	В2. Уверенность в собственных силах	В3. Оценка собственной значимости ...	В4. Оптимизм	В5. Удовлетворенность материальным положением	В6. Оценка здоровья	В7. Отсутствие чувства одиночества	Cov	Cons	объем класса		объекты с ОП = 4-5 в классе, %	
										всего, чел.	с высоким уровнем ОП в классе, чел.	среди всех в классе	среди тех, у кого ОП = 4-5
3	1		1					0,78	0,9	723	552	76,3	62
4	1			1		0		0,48	0,97	118	92	78	10,3
5		0	1	1		1		0,59	0,96	116	102	87,9	11,5
По всей совокупности								0,98	0,7	1193	792	66,4	89
Этап 3 (919 чел., из них 503 с высоким уровнем обобщенного показателя)													
1		1			1			0,33	0,98	71	66	93	13,1
2			1		1			0,56	0,97	159	142	89,3	28,2
3				1	1			0,52	0,99	54	51	94,4	10,1
4					1		1	0,56	0,97	140	128	91,4	25,4
5	1						1	0,8	0,87	401	285	71,1	56,7
6		1					1	0,42	0,9	377	212	56,2	42,1
7			1				1	0,86	0,78	490	314	64,1	62,4
8	1		1					0,8	0,86	484	325	67,1	64,6
9				1		1		0,69	0,94	35	31	88,6	6,2
По всей совокупности								0,97	0,75	747	466	62,4	92,6

покрывает лишь 4 респондентов, поэтому вряд ли можно говорить о существовании типологической группы.

Этап 2 (30–49 лет, состоящие в браке, имеющие детей до 18 лет). Достаточным условием для *высокого* уровня ОП является высокий уровень удовлетворенности материальным положением (В5) или отсутствие чувства одиночества (В7) – типологические группы № 1 и № 2 соответственно (табл. 6). Остальные переменные «срабатывают» только в сочетании с другими. Например, высокий уровень удовлетворенности работой – в сочетании с высокой оценкой собственной значимости и компетентности либо с высоким уровнем оптимизма и даже при неудовлетворенности состоянием здоровья (группы № 3–4). По наполненности наиболее многочисленными являются группы № 2 и 3 (они покрывают 81,3 и 62% лиц с высоким уровнем ОП). Тем самым именно отсутствие чувства одиночества и комбинация удовлетворенности работой с высокой оценкой собственной значимости и компетентности чаще сочетаются с высоким уровнем ОП. Так же как на Э1, важным, но менее распространенным условием для высокого уровня ОП является удовлетворенность материальным положением (группа № 1 покрывает 28,3% респондентов).

Для представителей Э2 с *низким* уровнем ОП все пять типологических синдромов (табл. 7) характеризуются сочетанием чувства одиночества (В7) и низкого уровня

Таблица 7

**Типологические синдромы с низким уровнем обобщенного показателя (ОП)
субъективного благополучия на разных этапах жизненного цикла**

№	Частные показатели							Критерии качества модели		Характеристики классов			
	В1. Удовлетворенность работой ...	В2. Уверенность в собственных силах	В3. Оценка собственной значимости ...	В4. Оптимизм	В5. Удовлетворенность материальным положением	В6. Оценка здоровья	В7. Отсутствие чувства одиночества	Cov	Cons	объем класса		объекты с ОП = 1–3 в классе, %	
										всего, чел.	с низким уровнем ОП, чел.	среди всех в классе	среди тех, у кого ОП = 1–3
Этап 1 (392 чел., из них 152 с низким уровнем обобщенного показателя)													
1	0	0	0	1	0	0	0	0,21	0,97	4	4	100	0,03
Этап 2 (1504чел., из них 614 с низким уровнем обобщенного показателя)													
1			0	0	0		0	0,18	0,96	111	99	89,2	16,1
2	0				0	0	0	0,21	0,92	125	100	80	16,2
3	0			0	0		0	0,22	0,92	156	124	79,5	20,2
4	0	1			0		0	0,11	0,95	18	15	83,3	2,4
5			0		0	1	0	0,18	0,94	46	37	80,4	6
По всей совокупности								0,25	0,89	218	169	77,5	27,5
Этап 3 (919 чел., из них 416 с низким уровнем обобщенного показателя)													
1			0		0		0	0,18	0,95	58	50	86,2	12
2	0				0		0	0,29	0,92	139	112	80,6	26,9
3		0	0	0			0	0,17	0,96	54	49	90,7	11,8
4	0	0	0	0	0			0,33	0,96	58	50	86,2	12
5	0		0	1		0		0,32	0,95	2	1	50	0,2
6	0	0	0		0	0		0,32	0,96	55	49	89,1	11,8
По всей совокупности								0,51	0,91	187	147	78,6	35,3

удовлетворенности материальным положением (В5), которые выступают обязательными, но недостаточными условиями низкого уровня ОП, становясь таковыми только в сочетании с низкими значениями других признаков (В1, В3, В4, В5), даже при высоком уровне уверенности в собственных силах (В2). Тем самым как и для высокого уровня ОП, особое значение имеют именно оценки материальной обеспеченности, наличие близких людей. Одновременно «на второй план» уходит удовлетворенность работой – недовольство относительно этого аспекта жизнедеятельности присутствует в описании трех классов из пяти.

Этап 3 (50–72 года, состоящие в браке, имеющие детей старше 18 лет). В определенном смысле доминантами (как и для Э2) для высокого уровня ОП выступают высокий уровень удовлетворенности материальным положением (В5) или отсутствия чувства одиночества (В7), которые присутствуют в описании семи типологических синдромов (групп) из девяти в сочетании с высокими значениями по хотя бы еще одной переменной (табл. 6). Оставшиеся две группы (№ 8 и 9) характеризуются сочетанием высокого уровня

удовлетворенности работой (B1) и оценки собственной значимости (B3), либо оптимизма (B4) и отсутствия чувства одиночества (B6). Последняя конфигурация значений присутствует и в описании групп № 5 на Э2. По наполненности лидируют группы № 5–7 (в составе описания которых «отсутствие чувства одиночества», покрывают 42–56% среди лиц с высоким уровнем ОП), а также № 8 (сочетание удовлетворенности работой и чувством собственной значимости, 64,6%). Менее распространенными (№ 1–4) являются типологические синдромы с высоким уровнем удовлетворенности материальным положением – 10,1–28,2%.

Для *низкого* уровня обобщенного показателя на Э3 выделено шесть типологических синдромов (табл. 7), описание пяти из которых включает низкие оценки собственной значимости и компетентности (что является отличительной чертой по сравнению с работниками Э2), в четырех из них наблюдается низкий уровень удовлетворенности работой (B1) или материальным положением (B5).

Сравнивая представителей трех этапов жизненного цикла можно отметить, что полученные закономерности для второго и третьего этапов во многом схожи: ведущую роль в детерминации *высокого* уровня ОП играют отсутствие чувства одиночества, либо сочетание удовлетворенности работой с чувством собственной значимости, либо удовлетворенность материальным положением, встречающиеся в описаниях наиболее распространенных пересекающихся типологических групп. Вместе с тем на Э3 они не являются достаточными условиями проявления *высокого* уровня ОП, а только в сочетании с высоким значением одного из частных показателей. Совершенно иная ситуация складывается на Э1: высокий уровень одного из шести частных показателей может быть достаточным для *высокого* уровня обобщенного показателя, что указывает на более существенную дифференцированность работающих по взаимосвязи рассматриваемых показателей.

Закономерности, выделенные для *низкого* уровня обобщенного показателя, на втором и третьем этапах также схожи. Комбинация чувства одиночества и неудовлетворенности материальным положением присутствует в описании всех типологических групп на Э2, на Э3 – сочетание указанных характеристик либо одна из них представлены в составе практически всех групп, однако одновременно гораздо чаще присутствует низкая оценка собственной значимости и компетентности.

На всех этапах жизненного цикла для *низкого* уровня обобщенного показателя выявлено меньше типологических синдромов, описываемых более длинными комбинациями значений частных показателей. При достаточном уровне критерия непротиворечивости (0,89–0,97), «покрытие» невелико: 0,21, 0,25, 0,51 соответственно этапам. Тем самым на роль детерминант *низкого* ОП претендует немного взаимодействий. И хотя в используемой базе данных респонденты со средними и ниже значениями целевой переменной представлены – составляя 38,8, 40,8, 45,3% (в соответствии с тремя этапами) – часть из них описывается комбинациями значений частных показателей, характерных преимущественно для обладателей *высокого* уровня ОП.

Выделенные типологические группы совокупно «покрывают» 62,2% респондентов первого этапа, 63,9% – второго, 66,7% – третьего. Степень «охвата» респондентов с высоким уровнем ОП существенно выше (100, 89, 92,6%) по сравнению с низким (0,03, 27,5, 35,3%). Из этого следует, что рассматриваемые частные показатели гораздо лучше «объясняют» высокие оценки обобщенного. Показатели «охвата»/«покрытия» свидетельствуют о многогранности, комплексности феномена субъективного благополучия, для объяснения которого семи частных показателей явно недостаточно.

В заключение имеет смысл сделать выводы, важные с позиции дальнейшего развития проблематики социологического измерения субъективного благополучия.

Перевод существующих теоретико-методических проблем в концептуальные рамки именно типологического метода способствует обогащению инструментального аппарата эмпирических исследований. Становится важным не только поиск алгоритмов выявления детерминант субъективного благополучия в форме взаимодействия частных показателей, но и предварительная типизация населения. Представляется правдоподобной гипотеза о том, что в основе априорной типологии должны быть как минимум этапы жизненного цикла. В свою очередь особую значимость приобретает не только проблема выделения таких этапов, но и поиск других возможных оснований для предварительной типизации изучаемой совокупности, а также возникают новые требования к дизайну выборки.

В целом анализ качественной (не)однородности населения по субъективному благополучию приобретает статус методологической проблемы.

Результаты применения метода нечетких классификаций (апробация которого ранее была проведена авторами статьи на примере постановки задачи типологического анализа работающих по характеру неустойчивости их занятости [Кученкова, Татарова, 2023]) демонстрируют, что неоднородность населения по характеру взаимосвязи обобщенного показателя с частными проявляется в разных плоскостях. Во-первых, выявляются различные «пути» достижения одного и того же уровня субъективного благополучия (например, удовлетворенность материальным положением, являясь одним из наиболее значимых факторов, «объясняет» только треть случаев с высоким уровнем обобщенного показателя, в остальных он связан с другими аспектами). В частности, это актуализирует вопросы адекватности измерений показателей субъективного благополучия, включая и обобщенный. Во-вторых, высокий/низкий уровень обобщенного показателя связан с разными детерминантами – взаимодействиями частных показателей. Асимметричность проявляется и в том, что для «объяснения» низкого уровня список частных показателей необходимо расширять. В-третьих, для разных групп населения, выделенных по этапам жизненного цикла, наблюдаются различные типологические синдромы. Представители первого этапа более дифференцированы, а третьего этапа, в отличие от второго, – имеют низкий уровень собственной значимости и компетентности, который сопровождает низкое значение обобщенного показателя субъективного благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Нечеткие классификации в типологическом анализе работников по неустойчивости занятости // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 27–40.
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 565–589. DOI: 10.19181/ezheg.2020.24
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
- Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques / Ed. by B. Rihoux, Ch. Ragin. L.: SAGE, 2009.
- Cummins R.A., Eckersley R. et al. Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index // Social Indicators Research. 2003. Vol. 64: 159–190.
- Iliev R., Bennis W.M. The Convergence of Positivity: Are Happy People All Alike? // Journal of Happiness Studies. 2023. No. 24. P. 1643–1662. DOI: 10.1007/s10902-023-00631-9.
- Ragin C.C. Fuzzy-set social science. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Schneider C.Q., Wagemann C. Set-theoretic methods for the social sciences: a guide to qualitative comparative analysis. Cambridge University Press, 2012.

Статья поступила: 19.03.24. Финальная версия: 16.05.24. Принята к публикации: 30.05.24.

SUBJECTIVE WELL-BEING: THE PROBLEM OF ANALYZING POPULATION QUALITATIVE HETEROGENEITY (PART 2)

KUCHENKOVA A.V.*, TATAROVA G.G.*

**Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Anna V. KUCHENKOVA, *Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher* (a.v.kuchenkova@gmail.com); Galina G. TATAROVA, *Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher* (tatarova-gg@rambler.ru). Both – *Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia*

Abstract. The article substantiates the importance of the methodological problem of analyzing qualitative heterogeneity of an objects' set in the process of sociological measurement of subjective well-being. It presents the results of an exploratory study aimed at testing a number of tools in reconstruction procedures of social types among the population as qualitatively homogeneous latent formations (according to the nature of subjective well-being). In the first part of the article, an analysis was carried out of the "researchers' request" for methodological reflection on the use in mass surveys of such subjective well-being generalized indicators as life satisfaction, personal happiness; the problem of the complete set of particular indicators was considered; the expediency of using relationships between the generalized indicator and the particular indicators as a basis for the typology was substantiated.

This part of the article provides a brief description of the fuzzy classification algorithm from the class of logical-combinatorial methods used to search for typological syndromes, that are the basis for identifying typological groups. The results of a typological analysis, based on the RLMS HSE, wave 26, 2017 data are presented. Identification of the qualitative heterogeneity specifics in subjective well-being was carried out for all workers and for groups among them, representing three stages of the life cycle.

Keywords: qualitative heterogeneity; subjective well-being; generalized indicator of subjective well-being; particular indicators of subjective well-being; typological analysis; type-forming feature; typological structure; basis of the typology.

REFERENCES

- Cummins R.A., Eckersley R. et al. (2003) Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index. *Social Indicators Research*. Vol. 64: 159–190.
- Iliev R., Bennis W.M. (2023) The Convergence of Positivity: Are Happy People All Alike? *Journal of Happiness*. No 24: 1643–1662. DOI: 10.1007/s10902-023-00631-9.
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) "Life-cycle Stage" as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2023) Fuzzy Classifications in the Typological Analysis of Workers by Employment Instability. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 27–40.
- Ragin C.C. (2000) *Fuzzy-set social science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rihoux B., Ragin Ch., eds. (2009) *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. London: SAGE.
- Schneider C.Q., Wagemann C. (2012) *Set-theoretic methods for the social sciences: a guide to qualitative comparative analysis*. Cambridge University Press.
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of Subjective Well-being as Characteristics for Typology Building. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2020) "Life Satisfaction" and "Personal Happiness" in the Sociological Studies of Subjective Well-being. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia: Yearbook*. Iss. 18. Moscow: Novyy khronograf: 565–589. DOI: 10.19181/ezheg.2020.24. (In Russ.)

Received: 19.03.24. Final version: 16.05.24. Accepted: 30.05.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

П.П. ВЕЛИКИЙ

ФЕРМЕРСТВО – (НЕ)УКОРЕНИВШАЯСЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий ИАГП РАН, Саратов, Россия (iagpran@mail.ru).

Аннотация. Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки жизнедеятельности современного российского фермерства как новой группы в социальной структуре села. Наиболее надежно укоренены крупные, слабее средние фермеры. Особенно драматичным является положение глав мелких хозяйств, число которых за 2006–2016 гг. сократилось наполовину. Высказано предположение, что ресурсы этой группы, прежде всего пахотная земля, со временем перейдут к крупным фермерам. Близки к этой ситуации и фермеры средних хозяйств, в основном из-за отсутствия наследников, способных хозяйствовать в деревенских условиях. Это может привести к дальнейшему сокращению фермерского уклада. Сформулированы представления о путях рационализации социодинамики состава фермерских хозяйств для поддержания не только их экономической и социокультурной роли, но и трудовой занятости сельских жителей.

Ключевые слова: фермерство • укоренение • хозяйственно-экономические вызовы • модернизация • управление

DOI: 10.31857/S0132162524050064

Второе рождение российского фермерства. Отечественное фермерство как принципиально новая социоструктурная группа, практически не имевшая оснований для существования в условиях социалистического аграрного производства, привлекла внимание многих российских ученых – экономистов, правоведов, философов и психологов, каждый из которых исследовали этот феномен присущими их наукам методами.

Фермерство на первоначальном этапе, в 1990-е гг., восполняло не более 5–6% необходимого для продовольствия агропродукта, и руководители государства того времени не могли не признать, что какими бы темпами ни увеличивать количество фермеров, этот уклад в обозримое время не справится с задачей продовольственной безопасности [Казарезов, 2000]. Действительно, через 30 лет функционирования фермерского уклада его вклад составлял в 2020 г. лишь 14,9% [Сельское хозяйство..., 2021: 21]. Тренд развития за эти годы характеризовался двумя спадами и двумя подъемами, при этом тенденция восхождения была и остается доминирующей. Содержательная наполняемость фермерской

жизнедеятельности включает в первую очередь поддержку социального благополучия жителей сел, в которых они сами проживают и трудятся.

Все годы существования российского постсоветского фермерства его обсуждение – с разной степенью интенсивности и глубины понимания его проблем – не сходит с различных площадок федеральных органов власти, науки, публицистики. С одной стороны, успехи аграрного сектора в производстве зерновых культур создают в общественном сознании картину полного благополучия в агросфере и деревне. С другой стороны, отмечается, что хозяйственная самозанятость на селе нагружена множеством проблем, вызванных внутренними и внешними факторами, главным из которых является рассогласование темпов модернизации и готовности населения адекватно отвечать на новые вызовы и ограничения.

Фермерство – это социохозяйственная группа, заново созданная в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг. на основе институциональных правил, которые определяли объем прав и обязанностей этого нового субъекта. Одна из трудностей законодательного регулирования общественных процессов заключалась в том, что нередко у законодателя (точнее экспертов, создающих проекты норм) отсутствовала полнота знаний об исходной ситуации, которую предполагается регулировать, и ее динамике.

В Законе РСФСР о крестьянском (фермерском) хозяйстве (КФХ) 1990 г. предполагалось существование одного субъекта – семейной группы, которая выделяет из своей среды руководителя и передает ему распорядительные функции. Такой подход оправдан, когда село многолюдно, а в семьях много детей, таким оно действительно было накануне аграрной реформы. Однако с первых же лет аграрной реформы село стало стремительно терять население. Главная причина – отсутствие трудовой занятости на селе. Хотя с начала 1990-х гг. создались организации корпоративно-долевого и фермерского укладов, они в силу сужения специализации (подавляющая их часть занималась только растениеводством) не могли остановить сельскую безработицу. За 1992–2009 гг. на селе общая численность безработных утроилась, а число зарегистрированных безработных увеличилось в 8 раз; около полумиллиона людей в трудоспособном возрасте (15–72 года) отчаялись найти хоть какую-либо работу и перешли в статус хронических безработных [Калугина, 2015: 211–212]. Сельские жители стали рассеиваться на просторах страны, преимущественно в городах, а также работая вахтовым способом на энергетических предприятиях Севера [Великий, 2010; Плюснин и др., 2013].

Следствием этих ситуаций стала невыполнимость правовых актов о КФХ: на селе не стало больших семейных кланов, чтобы на их базе создавать фермерское хозяйство, а там, где такие попытки все же делались, они оказывались несостоятельными и разваливались из-за внутрисемейных противоречий в распределении доходов. Неудачный опыт многосемейного фермерского хозяйства привел к тому, что примерно с 2010 г. стали практиковаться фермы с единственным хозяином – собственником всех ресурсов – и наемными работниками, что соответствовало организационно-правовой форме индивидуального предпринимателя.

Особенности современного социологического анализа фермерства. О современных российских фермерах есть уже довольно обширная литература, которая, однако, дает понимание скорее отдельных аспектов этого явления, чем его цельного образа.

В частности, широкую панораму информации о структуре и динамике фермеров дают публикации В.Ф. Башмачникова и его соавторов, практически налаживающих фермерские дела в регионах [Башмачников, 2019]. Формы гражданского участия в реализации социальной миссии фермеров приводит М.Н. Муханова [2023]. Очень ценно, что она дала объяснение перемен в демографической ситуации на селе: вслед за старением сельских жителей потенциал самозанятости (особенно в ЛПХ) сильно уменьшился. Добавим, что и претендентов на открытие фермерского хозяйства стало меньше, хотя роль ранее действующих в селах фермеров в сознании сельских сообществ значительно возросла.

Л.В. Намруева на основе конкретных социологических исследований фермерства в четырех регионах сделала вывод о зависимости масштабов самозанятости от степени

концентрации крупных и средних предприятий. Мотивы неприятия фермерства связаны с неопределенностью, с отсутствием навыков совместного хозяйствования (особенно сбыта произведенного агропродукта) в рыночной среде. Она делает вывод, что, несмотря на введение различных государственных программ поддержки самозанятости, за 30 лет функционирования барьеры на пути фермерства так и не преодолены [Намруева, 2021].

В значительной степени «белым пятном» является освещение роли фермеров в социальном воспроизводстве современного села. Крупное исследование «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)» [Смыслы..., 2016] хотя и включало анализ самозанятых, но без выделения фермерства. Работа И.О. Шевченко [2018] посвящена частной проблеме воспроизводства жителей села за счет мигрантов из города. Актуальны публикации о жизненном определении студентов аграрных вузов, в том числе в фермерском укладе (см., напр., [Журавлева, Зарубина и др., 2019]). К сожалению, по этой работе трудно судить о перспективах выбора студентами фермерства как жизненного пути, что связано с выборкой: 79,1% составили горожане и лишь 18,8% жители села. Первые, далекие от проблем фермерства, оценивают его поверхностно, вторые – углубленно, как возможность профессиональной самореализации. Но на вопросы о перспективе фермерской «карьеры» они отвечали в основном пессимистично: молодому человеку в наше время создать фермерское хозяйство своими силами и средствами невозможно. Об этом можно судить на основании других исследований. Так, более половины опрошенных первокурсников Саратовского государственного аграрного университета изначально связывали планы своего жизнеустройства исключительно с городом, причем и на последнем курсе их ориентиры не изменились [Глебов, Черненко, 2015: 47].

С.Н. Полбицын наиболее близко подошел к осмыслению объективности и субъективности формирования личности сельского предпринимателя, смысловых оснований его реальности. Наряду с потребностью в безопасности (стремления обеспечить стабильный доход семьи), по данным его исследования, большую значимость имеют потребности в принадлежности к сообществу, уважения, сохранения традиционных ценностей своей общности [Полбицын, 2023].

К сожалению, тема «сборки» методами социологии реальности и реконструирования феноменов с заходом в жизненный мир фермерства только начинает разрабатываться. К тому же во многих публикациях о фермерстве социологи следуют принципам, сложившимся в подходах экономистов, – смещать аспекты преимущественно на объективные предпосылки успешности функционирования объекта.

Никаких аналогов прошлой советской реальности для смыслового наполнения термина «фермерство» ни у претендентов на участие в нем, ни у ученых не было. Будучи новой группой сельской реальности, фермерство представляет субъект, наделенный чертами, которые можно осмысливать по аналогии с известными. Рассмотрим некоторые аспекты укоренения фермерства, освещенные в зарубежной литературе.

Смысл укоренения сводится к установлению прочных связей присутствия социального объекта во всех структурах жизнеобеспечения, влияющих на его воспроизводство в близкой и отдаленной перспективе. Применительно к фермерству это означает сохранение предпосылок устойчивого хозяйствования, выполнения социальной функции в микро- и макросреде, репродукцию субъектов деятельности и их материальных ресурсов. Общая закономерность существования и функционирования любых социохозяйственных единиц применительно к фермерству имеет немало специфических черт, которые пока не полно осмыслены в социологической науке. Прежде всего, не описаны образы внутренних групп, того, насколько они стремятся к развитию и совершенствованию. Хотя новаторство присуще фермерству, наличие и повторяемость в годовом репродукционном круге непреложных обязанностей перед природой и опривыченные способы их исполнения могут быть консервативными. Отсюда – неравномерность модернизации фермерского уклада: с одной стороны, он привлекает творческих индивидов, с другой, действует

и крестьянская осторожность, недоверие эксперименту, чужому опыту. Неизбежна неустрашимость между креативностью и нормативностью [Menke, 1991: 50].

Существует и проблема человекосоразмерности социального взаимодействия – руководителя и наемного персонала, фермерского хозяйства и сельского сообщества, нарушения правил моральной экономики. Поэтому внутри фермерского локального сообщества образуются как твердые («тугие») связи, так и рыхлые, когда участники остаются плохо информированными об актуальных проблемах хозяйствования, что ослабляет потенциал самопомощи внутри производственного персонала [Gotz, Ohmacht, 2011: 34; Baron, Field, Schuller, 2000]. Возможно возникновение тенденции – всё исключительно для своих и в пределах своих (группы родственников и избранных наемных работников) [Portes, 1998: 40].

Как показывает международный опыт функционирования фермерского уклада, разлад между наемными работниками и главами хозяйств зачастую обусловлен мировоззренческими установками. Это зачастую проявляется в отношении к природной среде. Фермер, будучи предпринимателем в первую очередь, отмечал М. Вебер, ориентируется на выгоду, достижение которой далеко не всегда соотнобразуется с правилами и моральными нормами [Weber, 1978: 63]. Разъединение главы фермерского хозяйства с соисполнителями, особенно наемными работниками, чревато утратой качеств взаимопомощи, которая является ценностью для достижения общих целей [Baron, Field, Schuller, 2002: 328]. Однако объединение в согласованную между собой группу коллективных акторов – более сложная задача, ведь среди них укоренено несколько типов: энтузиаст, предприниматель, враг, согласный (предлагающий всевозможную поддержку), патриарх, заложник, аутсайдер [Eriksson et al., 2013].

Люди, стремящиеся войти в фермеры, отличаются и спецификой человеческого потенциала – более выраженной активностью в стремлении к достижению хозяйственно-экономических результатов. По оценкам экспертов, существует пять основных смысловых установок на высокие достижения: ориентация на использование передовых технологий хозяйствования; социопрофессиональный ресурс, многостороннее понимание особенностей своего социального положения и особенностей самостоятельного хозяйствования; видение перспективы роста хозяйства и принятие решений в этих целях; увеличение материального достатка семьи, своих близких и наемного персонала; участие в акциях гражданской активности в пространстве своей жизнедеятельности. Большой вес имеют такие смыслы, как «не стать хронически безработным», «улучшить свое материально-финансовое положение», «помочь семье и близким людям».

Динамика функционирования фермерских хозяйств. Укоренению предшествует приживаемость, которую демонстрируют процессы в естественной природе. Практика входа части сельских жителей в новый уклад подобна приживаемости растения, пересаженного на новое место, которое полностью зависит от наличия влаги, тепла, отсутствия сорняков. Кроме того, саженец должен быть здоровым, не увядшим. Интервью с фермерами первой волны показывает, что они меньше всего руководствовались желанием реализовать свои способности, профессионализм, быть лидером и т.п.

Наблюдается колебание их численности – с 182,1 тыс. в 1992 г. до 162,4 тыс. в 2022 г. Внутри этого тридцатилетнего периода в течение 25 лет происходило резкое изменение показателя, достигая максимума в течение первых семи лет (порядка 270–280 тыс.) и в целом снижаясь в последующие годы (рис.). В 1996–2022 гг. показатели были ниже первых лет после возникновения фермерского уклада, разница годовой численности сравниваемых периодов составляла от 20 до 70 тыс. хозяйств. В течение этого же периода имели место как «всплеск» до 304,6 и 308,1 тыс. в 2011 и 2012 гг., так и снижение до 168,2 и 162,4 тыс. в 2021 и 2022 гг. [Малые формы..., 2022].

Ядром фермерства считаются крупные семейные хозяйства без наемных менеджеров, имеющие земли сельхозназначения (13,1 млн в 2006 г. и 11,3 млн в 2016 г.). Отметим, что при снижении общей численности за десять лет крупных фермерских хозяйств площадь

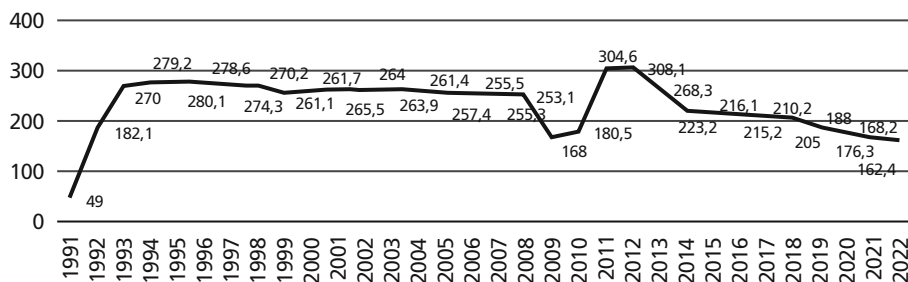

Рис. Динамика численности фермерских хозяйств в России в 1991–2022 гг.

Источник: [Малые формы..., 2022].

земель на одно такое хозяйство возросла с 430 до 860 га. К ним примыкают (и тоже входят в ядро фермерского уклада) средние фермеры с меньшей земельной собственностью на одно хозяйство (240 га в 2006 г., 333 га в 2016 г.). На эти две группы в 2006 г. приходилось 74% фермерской земли, а в 2016 г. – 47% [Башмачников, 2019: 30]. Приведенные данные свидетельствуют, что численное соотношение групп фермерства колеблется. Это влияет на вклад всего фермерского уклада в продовольственный фонд страны, который остается относительно стабильным.

Кто же еще помогает в обеспечении показателей фермерского сектора? Предполагается, что это – товарные ЛПХ, образовавшиеся вследствие перехода в них более 100 тыс. мелких фермерских хозяйств. В сектор ЛПХ они могли перейти, не справившись с нагрузкой институционально предписанных фермерам налогов, отчетности, нормирования технологических процессов [там же: 33]. Однако это предположение не бесспорно, поскольку увеличения численности личных подсобных хозяйств и обрабатываемой ими земли между сельскохозяйственными переписями 2006 и 2016 гг. не произошло. А с 2023 г. появилось и правовое ограничение: по Федеральному Закону № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»¹, хозяева ЛПХ могут иметь в пользовании не более 5 га земли. Более вероятно, что мелкие фермеры ушли в другие сферы – строительство, промыслы (пчеловодство), неземледельческое отходничество, а землю, скорее всего, передали средним, более крепким фермерам. Иначе, как объяснить увеличение земельных площадей у последних? Ведь свободных земель уже нет, все они находятся в чьей-то собственности.

Этот факт подтверждает наметившийся тренд возрастания доли и роли среднего и крупного фермерства, а также снижения притока в малое фермерство амбициозных и креативных людей из рядовых сельчан. Попытка государства заинтересовать новых претендентов на фермерское дело путем выделения грантов малоэффективна: на создание производственных ресурсов и инфраструктуру претендентам нужно иметь собственные накопления, которых обычно нет, что ведет к свертыванию проектов.

Социальные условия формирования российского типа фермерства. Фермерство на начальном этапе формирования встретилось со множеством ограничений, которые действовали при возникновении и реализации инноваций. В процессе перехода общества от одного типа общества («социалистического») к другому (рыночному, капиталистическому) складывается социальный механизм, который включает субъекты, обладающие разными ресурсами, преследующие свои цели. Механизм не избавлен от ограничителей,

¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О личном подсобном хозяйстве». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/?ysclid=lwenv3yu2n914026963 (дата обращения: 22.05.2024).

влияющих на смыслы и темпы включения разных групп в процессы перехода. Применительно к фермерству эти ограничения имеют внутренний и внешний характер.

Внешними вызовами стали, прежде всего, действия властей среднего уровня (регион, муниципальный район) по роспуску колхозов и совхозов и замены их новыми, малопонятными организациями корпоративно-долевой формы (хотя институционально колхозы оставались легитимной организационно-правовой формой хозяйствования). Раздача земельных паев постколхозным семьям стимулировала наиболее активную часть сельских сообществ становиться фермерами. Однако это требовало немалых денег на паспортизацию полученных земельных паев, поэтому инициативы многих селян заглохли, а паевые участки земли были переданы в акционерные общества, куда вошли сами их собственники.

Одновременно формировался и фермерский уклад. Сельские жители, получив земельные паи (на среднюю семью в четыре человека) порядка 20–25 га, могли использовать ее на создание фермерского хозяйства и приобрести еще за плату столько, сколько позволяют ресурсы. Этим вариантом воспользовалось достаточно много семей, по своим денежным ресурсам претендуя только на мелкое фермерство.

Другой вариант вхождения в фермерский уклад осуществили амбициозные представители местных элит административных районов, а также руководители колхозов и совхозов. На основе нечеткой федеральной институционализации и корректировки ее на региональном уровне эта категория претендентов на фермерский статус смогла масштабно приватизировать земли бывшего «своего» колхоза (совхоза). Именно из них в основном сформировалась группа крупных фермеров. Хотя среди них были и те, кто, не обладая достаточным капиталом, стали средними фермерами. Третий вариант осуществила группа лиц из того же ряда субъектов, которые приватизировали целые заводы и фабрики. По расчетам В.В. Алакоза, эта численно мизерная группа, насчитывающая 2041 хозяйств, 1,5% от общего количества фермеров, захватила более 14 млн га (33,1%) фермерской земли. Для сравнения: на 53,5 млн мелких фермеров приходится лишь 0,8% фермерской земли [Алакоз, 2022: 74].

Поскольку трансформационные процессы в нашей стране пошли совсем не по ранее сложившемуся пути буржуазного общества (что в полной мере относится и к фермерству), то и теоретические конструкты социальной структуры должны быть скорректированы. Автор разделяет точку зрения О.И. Шкаратана и Г.А. Ястребова, что подход, сложившийся в западной социологии (разделять группы по уровню доходов, престижу, власти, исключая источники получения титулов и благ), недопустимо переносить на каждое общество [Шкаратан, Ястребов, 2007].

Вернемся к способам получения земель, пригодных для их капитализации. Для одних – мелких фермеров – способ получения земли был лимитирован (ограничен) институционально, бедностью и информационной некомпетентностью. В результате неукорененность в уклад имплицитно входила в их будущее. Несколько лучшие перспективы закладывались в положение среднего фермера. Зато благоприятными были условия для крупного фермера и сверхкрупного землевладельца.

В задачу нашего исследования не входит выявление механизма овладения узкой группой людей огромными территориями сельскохозяйственных земель. Как правило, в эту группу входили жители городов, в том числе столиц, не всегда знакомые с аграрным производством, но хорошо знающие рыночную ценность земли и получившие доступ к ней через традиционный для первых лет реформирования механизм, опираясь на ресурс воздействия на власть. Эту группу следует исключить из фермерского уклада, поскольку ее характеристики далеки от него. Мелких и средних фермеров, с учетом их слабой укорененности в настоящее время и неопределенности воспроизводящих факторов в будущем, можно отнести к протореальным образованиям.

Вхождение в фермерство в качестве полноправной социоструктурной группы вряд ли может произойти только за счет личностных усилий. В этой сфере действует слишком много препятствий и ограничений из-за неотлаженности взаимодействия фермеров

с внешним миром, которые трудно поддаются устранению без активной помощи государства и общественных сил. Завершенный классовоподобный характер присущ только крупным фермерам, но не сверхкрупным, имеющим сотни тысяч гектаров земли, которых следует вообще исключить из состава фермеров, переводя в статус землевладельцев.

Перспективы укоренения внутренних групп фермерства обусловлены спецификой рыночного обмена ресурсами с внешними организациями, получившей в мировой практике название «пяти сил» (или угроз) [Портер, 2001: 88]. Рассмотрим, в каком положении находится фермерское хозяйство как потребитель ресурсов, предоставляемых другими компаниями.

Ему угрожают компании-конкуренты, сверхкрупные сельскохозяйственные организации, агрохолдинги, под контролем которых находятся рынки сбыта продукции, как правило, недоступные фермерам, особенно мелким. Последние на свой страх и риск нередко завозят агропродукты в городские дворы, торгуя с автомобилями, что пресекается надзорными органами.

Не менее серьезная угроза – это рыночная власть поставщиков таких продуктов, как сельскохозяйственная техника и оборудование, горюче-смазочные материалы, удобрения, средства химической защиты, электроэнергия. Цена на них устанавливается односторонне, договорные возможности исключены. Фермеры в подавляющем большинстве утверждают, что стоимость указанных промтоваров динамично растет, а цена агропродуктов остается неизменной или колеблется, то повышаясь, то снижаясь в зависимости от мировых цен на зерно. Чтобы выжить в такой ситуации, мелкие и средние фермеры предпочитают приобретать старую технику (комбайны, тракторы), зачастую произведенную еще в советские годы. Покупка такой, основательно изношенной, техники и ремонт ее своими силами считается более приемлемым вариантом, чем приобретение самой новой и совершенной. Если взять небольшое фермерское хозяйство (около 100 га), то семья, получив по итогам 2017 г. валовый доход в 2,4 млн руб., затратила на приобретение основных средств более 1 млн руб., в итоге чистая прибыль составила лишь 300 тыс. руб. (за минусом 6% налога на нее, страховых взносов, земельного и транспортного налога) [Жукова, 2020: 35]. Мелкий фермер, работающий на земельном участке в 20–30 га, обременен точно таким же набором расходов, хотя и в меньшем объеме. В случае возникшей возможности арендовать земельный пай односельчанина эффективность его хозяйства мало увеличивается, поскольку плата арендодателю достаточно высока.

Однако существует и механизм укоренения мелких фермеров с помощью ресурса солидарности в их среде, особенно если их земельные участки сопредельные. Пригласить соседа-фермера с техникой для экстренной работы, поставить трактор или комбайн на его участке, чтобы не выезжать на оживленное шоссе, – это опривыченные практики. Находят мелкие фермеры возможность обойти и некоторые правила, установленные фирмами, торгующими дизельным горючим и отпускающими одновременно только большие объемы. В этом случае фермеры приобретают топливо «вскладчину», а затем делят его соответственно внесенной сумме денег.

Власть покупателей связана не столько с предпочтением продукта одного фермера другому, сколько с отсутствием рыночных площадок, где можно приобретать товар. Там, где фермеру удастся открыть «точку продаж», жители, как правило, предпочитают покупать фермерские продукты. Появление нового субинститута ассоциируется в сознании фермеров с каким-то новым хозяйствующим субъектом, наподобие агрохолдинга, от которого никакой пользы для фермерского уклада не будет. Мелких фермеров, которым в силу малоземелья трудно создать экономически эффективное хозяйство, больше всего беспокоит выход на рынок новых конкурентов.

Возрастание или убывание земель сельскохозяйственного назначения – это к настоящему времени является фактором, сильно влияющим на конкурентные преимущества. Сегодня у фермера примерно поровну земли арендованной (земельные паи семей односельчан) и в частной собственности. Однако гарантии, что так будет продолжаться

бесконечно, у фермеров нет. Арендодатель, недовольный невысокой оплатой, которую дает фермер, готов рассмотреть предложение агрохолдинга. Фермеры часто говорят, что «если агрохолдинг заберет ныне арендуемую землю, меня ожидает крах».

Таким образом, моменты неопределенности в сельской социальной реальности продолжают сохраняться. Можно предположить, что органы и организации, ответственные за жизнь сельского населения, задумаются об этом и найдут способы уладить назревающий кризис. Отмеченные угрозы поддерживают ситуацию перманентной озабоченности фермеров за состояние своего хозяйства как здесь и сейчас, так и в перспективе. Возможности их влияния на уменьшение угроз невелики: цена зерновых культур задана внешнеторговыми возможностями государства, цены на овощи и фрукты корректирует покупатель, который может предпочесть более дешевые их импортные аналоги. Отказ от приобретения новой техники в пользу старой – вынужденная линия поведения, которую можно рассматривать лишь из-за отсутствия предпосылок к росту. Поскольку это поведение наиболее распространено у мелких и частично средних фермеров, очень сомнительно, что они посредством собственных материальных и нематериальных ресурсов смогут перейти в разряд надежно укорененных групп в фермерском социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алакоз В.В. Землю семейному фермерству – без него обезлюдение сельских поселений во многих регионах не остановить // Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития / Под науч. ред. В.Ф. Башмачникова. М.: ООО «Брейн Принт», 2022.
- Башмачников В.Ф. Фермерству в России быть. М.: Перо, 2019.
- Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Глебов И.П., Черненко Е.В. Воспроизводство человеческого капитала в агроэкономике. Саратов: Саратовский ГАУ, 2015.
- Жукова Т.А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк. Краснодар: КубГАУ, 2020.
- Журавлева Л.А., Зарубина Е.В. и др. Фермерство как жизненный путь // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 4(49). С. 81–86.
- Казарезов В.В. Фермеры России: Очерки становления. М.: Аккорд Колос, 2000. Т. 1.
- Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Малые формы хозяйствования в агропромышленном комплексе. М.: АККОР, 2022. URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/2022_02_akk_brsh_cifru_055_preview.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Муханова М.Н. Предпринимательство в российском аграрном секторе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 155–173.
- Намруева Л.В. Трансформация сельской жизни на примере фермерских хозяйств Юга России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 163–176.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д. и др. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013.
- Полбицын С.Н. Таксономический анализ мотивации сельских предпринимателей // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 4. С. 645–662.
- Портер М. Воздействие конкуренции на форму стратегий // Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.
- Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2021.
- Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Шевченко И.О. Жизненные ориентации подмосковных фермеров, или Кто такие «новые крестьяне»? // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3(13). С. 63–72.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика / Applied Econometrics. 2007. № 3. С. 96–119.
- Eriksson M., Dahlgren L., Emmelin M. Collective actors as driving forces for mobilizing social capital in a local community: what can be learned for health promotion? // Social capital and rural development in the knowledge society. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Edward Elgar, 2013. P. 273–299.
- Gotz K., Ohmacht T. Research on mobility and lifestyle – what are the results? // Mobilities: new perspectives on transport and society. Ed. by M. Grieco, J. Urry. Ashgate Publishing Limited, 2011. P. 91–109.

- Menke C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Asthetisierung // *Initial*. 1991. S. 383–395.
- Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
- Schuller T., Baron S., Field J. Social capital: A review and critique // *Social capital: Critical perspectives*. Ed. by S. Baron et al. Oxford: University Press, 2000. P. 1–38.
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, 1978. Vol. 1.

Статья поступила: 27.03.24. Финальная версия: 30.05.24. Принята к публикации: 04.06.24.

FARMING IS AN (UN)ROOTED SOCIAL GROUP: PROBLEM STATEMENT

VELIKIY P.P.

IAGP RAS, Russia

Peter P. VELIKIY, *Dru Sci. (Philos.)*, Prof., Leading Researcher of IAGP RAS, Saratov, Russia (iagpran@mail.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00219.

Abstract. The article examines the objective and subjective life prerequisites of modern Russian farming, a new group in the social village structure. Based on the parameters established in practice for the size of farming into small, medium and large groups, the author substantiated the main prerequisites for their rooting in the agro-industrial complex and the life of rural communities. Large farmers are the most securely rooted; medium-sized farmers are weaker. Particularly dramatic is the situation for heads of small farms, whose number has decreased by half over ten years (from 2006 to 2016). It has been suggested that the resources of this group, primarily arable land, will eventually pass over to large farmers. Medium-sized farmers are also close to this situation, mainly due to the lacking heirs capable of farming in rural conditions. This could lead to further reductions in the farming lifestyle. The author's ideas are formulated on ways to rationalize the sociodynamics of the farms' composition in order to maintain not only their economic and sociocultural role, but also the employment of the mass of rural residents. Actors of the farming way of life are the subject of transitional social states of society and its individual systems, where the lines of many economic, social and ideological players intersect. When realizing their life plans, they act in a space of uncertain future beyond their control.

Keywords: farming, survival rate, rooting, economic challenges, modernization, management.

REFERENCES

- Agriculture in Russia*. (2021) Stat. sat. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Alakoz V.V. (2022) Land for family farming – without it, the depopulation of rural settlements in many regions cannot be stopped. In: *There Should be Farming in Russia*. Vol. II. Family-Type Farming: Potential, Development Practice. Moscow: OOO "Brein Print". (In Russ.)
- Bashmachnikov V.F. (2019) *Farming in Russia Is to be*. Moscow: Pero. (In Russ.)
- Eriksson M., Dahlgren L., Emmelin M. (2013) Collective actors as driving forces for mobilizing social capital in a local community: what can be learned for health promotion? In: *Social capital and rural development in the knowledge society*. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Edward Elgar: 273–299.
- Glebov I.P., Chernenko E.V. (2015) Reproduction of Human Capital in Agroecconomics. Saratov: Saratov GAU. (In Russ.)
- Gotz K., Ohmacht T. (2011) Research on mobility and lifestyle – what are the results? In: *Mobilities: new perspectives on transport and society*. Ed. by M. Grieco, J. Urry. Ashgate Publishing Limited: 91–109.
- Kalugina Z.I. (2015) *Market transformation of the Russian agricultural sector: Sociological discourse*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. (In Russ.)
- Kazarezov V.V. (2000) *Farmers of Russia: Essays on the formation*. Moscow: Accord Kolos. Vol. 1. (In Russ.)
- Meaning of Rural Life (A Sociological Analysis)*. (2016) Ed. by Zh.T. Toshchenko Moscow. (In Russ.)
- Menke C. (1991) Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Asthetisierung. *Initial*: 383–395.
- Mukhanova M.N. (2023) Entrepreneurship in the Russian agricultural sector. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of theoretical economics]. No. 4: 155–173. (In Russ.)

- Namrueva L.V. (2021) Transformation of rural life on the example of the South of Russia farms. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 9. No. 2: 163–176. (In Russ.)
- Plusnin Ju.M., Zausayeva Ya.D. et al. (2013) *Otkhodniki*. Moscow: Novyy khronograf. (In Russ.)
- Polbitsyn S.N. (2023) Taxonomic analysis of rural businessmen's motivation. *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost* [Food Policy and Security]. Vol. 10. No. 4: 645–662. (In Russ.)
- Porter M. (2001) The impact of competition on the form of strategies. In: *The Strategic Process*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Portes A. (1998) Social capital: its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24: 1–24.
- Schuller T., Baron S., Field J. (2000) Social capital: A review and critique. In: *Social capital: Critical perspectives*. Ed. by S. Baron et al. Oxford University Press: 1–38.
- Shevchenko I.O. (2018) Moscow region farmers' life orientation or who are the "new peasants"? *Vestnik RGGU. Ser. Filisofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie* [RSUH Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies". Series]. No. 3(13): 63–72. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2007) Identification of real (homogeneous) social groups in Russian society: methods and results. *Applied Econometrics*. No. 3: 96–119.
- Small forms of management in the agro-industrial complex. Moscow: ACCORD, 2022. URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/2022_02_akk_brsh_cifru_055_preview.pdf (accessed 22.05.24). (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2010) New Forms of Searching for Living Among Present-Day Villagers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9(137): 44–49. (In Russ.)
- Weber M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley. Vol.1.
- Zhukova T.A. (2020) *Land and people. The Farmer's Diary: a documentary essay*. Krasnodar: KubGAU. (In Russ.)
- Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. (2019) Farming as a way of life. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*. [Business. Education. Law.] No. 4: 81–86.

Received: 27.03.24. Final version: 30.05.24. Accepted: 04.06.24.

И.Ю. КИСЕЛЕВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, А.Г. СМЕРНОВА

АССОЦИАТИВНЫЙ ОБРАЗ «ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ» VS АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ (по материалам проективного опроса)

КИСЕЛЕВ Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой (igkisselev@mail.ru); МИХАЙЛОВА Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент (nmev649@mail.ru); СМЕРНОВА Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент (agsmirnova2001@mail.ru). Все – кафедра социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Аннотация. Ассоциативное поле «жизни на пенсии» получено методом свободных ассоциаций в ходе социологического исследования, проведенного в апреле – июне 2023 г. сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова среди жителей Ярославской области трудоспособного возраста (N = 652). Ассоциативный образ «жизни на пенсии» рассматривается в контексте социальной концептуализации личного будущего. Он характеризуется содержательной и эмоционально-оценочной амбивалентностью. Значимые позиции в ядре ассоциативного поля занимают ассоциаты, связанные с личными экзистенциальными ценностями («спокойствие», «отдых», «время для себя»); существенна также доля упоминаний «традиционных» ассоциатов пенсионного периода («внуки», «дача», «болезни», «старение», «полезное хобби»). Сделан вывод о незначительном, фрагментарном соответствии ассоциативного образа собственной жизни на пенсии постулатам концепции активного долголетия. Наиболее очевидным контрастом является нежелание вести какую-либо трудовую деятельность по достижении пенсионного возраста.

Ключевые слова: ассоциативный образ • метод свободных ассоциаций • образ жизни на пенсии • Концепция политики активного долголетия • модели старения

DOI: 10.31857/S0132162524050073

Стремительное увеличение доли пожилых людей трансформирует конфигурацию общественных отношений, вынуждая представителей всех возрастов по-новому взглянуть на процесс старения и на социальную роль пенсионера. Связанные с этим актуальные направления и векторы развития социальной политики российского государства обозначены в Концепции политики активного долголетия¹. Она реализована в «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»² и в национальном проекте «Демография»³ в рамках федерального проекта «Старшее по-

Статья подготовлена в рамках внутреннего инициативного проекта (ВИП) ЯрГУ «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России» (проект VIP-020).

¹ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. М., 2023. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starsthee-pokolenie/doklad_starsthee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 24.03.2024).

³ Национальный проект «Демография». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 24.03.2024)

коление»⁴. Концепция политики активного долголетия в России основывается на принципах соблюдения прав человека в отношении граждан старшего поколения; равноправного партнерства гражданина, семьи, общества и государства; личной ответственности человека за свою жизнь; формирования положительного образа старения в обществе; включенности граждан старшего поколения во все сферы жизни общества; гибкости и многофункциональности политики активного долголетия⁵. Согласно новой парадигме социальной политики в отношении пожилых людей, они перестают рассматриваться исключительно как объекты заботы, а предстают как активно действующие субъекты, вовлеченные во все сферы жизни наряду с представителями других поколений. Прежде всего, пожилые рассматриваются как обладатели весомого и незаменимого человеческого капитала, представленного профессиональным мастерством, уровнем образования, жизненным опытом в социально-трудовой сфере [Рушева, 2021]. Важно также отметить участие пожилых в поддержании связей между поколениями. В работах социологов подчеркивается высокая роль пожилых в функционировании семьи как системы [Саралиева, 2022]. Кроме того, они могут транслировать молодым поколениям разделяемые ценности [Новиков, Быканова, 2017]. Таким образом, как отмечают В.Н. Барсуков и О.Н. Калачикова, «первостепенной становится задача по созданию благоприятных условий для увеличения включенности представителей старшего поколения в общественно полезную деятельность» [Барсуков, Калачикова, 2021]. Принципы политики активного долголетия призваны создать подобные условия.

Закономерен вопрос: как концепт активного долголетия воспринят современными россиянами, насколько составляющие его ценности и принципы органичны для современного российского общества.

Наряду с восприятием транслируемых нормативных моделей жизни на пенсии происходит стихийная социальная концептуализация пенсионного периода как особого периода жизни на основе диалога о его специфике, ценностях, смыслах, границах нормы. Под социальной концептуализацией пенсионного периода нами понимается его содержательное осмысление и интерпретация социумом. Можно предполагать, что пенсионный период жизни как личная перспектива осознается и планируется под влиянием таких факторов, как опыт старших поколений, направленность общественной и государственной риторики. Социальная концептуализация пенсионного периода, с одной стороны, предполагает индивидуальное «переопределение» по отношению к опыту более старших поколений, а с другой стороны, попытки «примерить на себя» новые прогрессивные модели старения, сочетающиеся в том числе с принципами активного долголетия.

Методология исследования. Цель исследования – выявить ассоциативные доминанты социальной концепции пенсионного периода на основе ассоциатов, полученных у респондентов трудоспособного возраста. Предполагается, что поле свободных ассоциаций к понятию «жизнь на пенсии» выражает важные аспекты социальной концептуализации этой жизни как образа личного будущего. Таким образом, предметом исследования стал проективный ассоциативный образ жизни на пенсии как картина личного будущего представителей разных поколений россиян.

Ассоциативные проективные методики применялись российскими социологами для выявления отношения к пожилым людям [Ляликова и др., 2023], анализа возрастных различий в социальных репрезентациях пенсионного периода [Чуйкова, Полькина, 2012]. В данном исследовании контуры образа жизни на пенсии не были сконструированы заранее и не предлагались респондентам в качестве готовых альтернатив, а самостоятельно выдвигались участниками исследования в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

⁴ Федеральный проект «Старшее поколение». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 24.03.2024)

⁵ Старшее поколение – ресурс будущего. С. 4. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starstee-pokolenie/doklad_starstee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

Применение ассоциативных проективных методик позволяет снизить нормативное давление на респондента, минимизировать эффект «отформатированности» ответа способом задавания вопроса.

Задачи исследования – проанализировать полученные ассоциативные доминанты в контексте принципов активного долголетия, проследив влияние пола, возраста и уровня материального благосостояния. Кроме того, представлялось важным выявить, насколько важную роль играют транслируемые СМИ модели старения, как они соотносятся с наблюдениями за собственным социальным окружением.

Респондентов в трудоспособном возрасте (от 18 до 62 лет у мужчин и до 57 лет у женщин) просили назвать любые три ассоциации к стимулу «жизнь на пенсии» и указать модальность каждой из них, выбрав из вариантов «позитивная», «негативная», «нейтральная». Метод свободных ассоциаций реализован в ходе исследования по проекту «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России», проведенного сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова в апреле – мае 2023 г. в Ярославской области. Проведено 652 личных интервью с использованием авторского опросника. В выборочной совокупности обеспечено выравнивание по полу и возрастным подгруппам. Проективный вопрос об ассоциациях содержался в начальной части интервью, чтобы избежать пересечения ассоциатов с ответами на последующие вопросы о различных аспектах подготовки к пенсии.

При кодировании полученные ассоциаты объединены в укрупненные группы по принципу смыслового сходства. На первом этапе зафиксированы 52 смысловые группы ассоциатов с частотой упоминаний от 0,5 до 19,6%. К ядру отнесены группы ассоциатов с частотой упоминаний от 4,0 до 19,6% (табл. 1). На втором этапе кодирования произведена дополнительная семантическая группировка ассоциатов путем их отнесения к определенной тематической области, во вторую классификацию помимо ядерных попали периферийные ассоциаты с частотой упоминаний менее 4,0% (табл. 2). Методика обработки первичных ассоциаций аналогична двум первым этапам формирования «пирамид обобщений» [Татарова, Чиркова, 2004]. Представлялось важным сохранить при кодировании лексические особенности и логику респондентов, поэтому в каждой группе ассоциатов представлено несколько схожих по смыслу формулировок, которые намеренно не сведены к одной.

Для понимания содержательной специфики ассоциативного образа жизни на пенсии в различных социальных группах отдельные ассоциаты ядерной группы представлены в разбивке по половозрастным группам, а также по группам, выделенным в соответствии с самооценкой материального положения (табл. 5, 6).

Содержание ассоциативного поля «жизнь на пенсии». Ядро ассоциативного поля «жизнь на пенсии» представлено 17 группами ассоциатов. Оно характеризуется высокой плотностью: это свидетельствует, что в общественном сознании сформировались устойчивые, широко разделяемые, в значительной степени стереотипизированные представления о жизни на пенсии.

Неожиданностью стало доминирование в ядре ассоциативного поля ассоциатов, связанных с позитивным душевным состоянием, экзистенциальными ценностями и личностными возможностями, которые связываются с жизнью на пенсии, – наряду с финансовыми ограничениями и такими вполне ожидаемыми атрибутами, как дача и огород, внуки, болезни, потеря сил, рукоделие, чтение. По частоте упоминаний лидирует спокойствие, «жизнь без забот», «душевный покой». Третью и четвертую позиции занимают отдых и свободное время, «время для себя». Девятую позицию занимает свобода. Как видим, респонденты задумываются не только о том, на что и как они будут жить на пенсии, но и о том, что они будут ощущать, каковы могут быть экзистенциальные смыслы пенсионного возраста как нового жизненного этапа.

Распределение ассоциатов по модальности восприятия, с одной стороны, указывает на количественное преобладание оптимистичного восприятия жизни на пенсии. По всем трем позициям преобладают ассоциаты, которые сами респонденты оценили как

Таблица 1

**Ядро ассоциативного поля к стимулу «жизнь на пенсии»,
по трем самостоятельно названным ассоциатам, в % от количества опрошенных**

Ассоциаты	Общая частота упоминаний / модальность *	Частота упоминаний на первой позиции	Частота упоминаний на второй позиции	Частота упоминаний на третьей позиции
Спокойствие, умиротворение, безмятежность, беспечность, «жизнь без забот», «душевный покой»	19,6 (+)	9,8	4,5	5,4
Бедность, безденежье	19,5 (-)	7,2	7,1	5,2
Отдых, «заслуженный отдых», «релакс»	19,0 (+)	9,2	5,2	4,6
Свободное время, «время для себя»	18,7 (+)	6,6	6,9	5,2
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)	5,4	5,5	6,7
Дача, огород, дом в деревне, за городом, приусадебное хозяйство, рассада, цветоводство	17,5 (+)	5,4	6,8	5,4
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немошь», физическая беспомощность	12,9 (-)	2,8	4,6	5,5
Хобби, рукоделие, возможность заниматься любимым делом, чтение, вязание, просмотр фильмов, «ходить в театр», рыбалка, охота	12,3 (+)	2,0	5,1	5,2
Свобода	11,3 (+)	5,7	2,6	3,1
Старость, старение	8,9 (-)	4,0	2,9	2,0
Одиночество, «сужение круга общения»	8,4 (-)	3,1	2,9	2,6
Путешествия	7,8 (+)	2,3	3,1	2,5
Страх	5,2 (-)	2,6	1,4	1,2
Скука	4,9 (-)	2,0	1,5	1,4
Безысходность, бесперспективность, отчаяние, «некуда деваться»	4,4 (-)	1,1	2,1	1,2
Тревога, тревожность	4,3 (-)	1,8	1,8	0,6
Маленькая пенсия, жизнь «от пенсии до пенсии», «пенсия маленькая, но хорошая»	4,0 (-)	1,8	0,9	1,2

Примечание. *Здесь и далее знак «+» в скобках означает преобладание позитивных оценок по данному ассоциату, знак «-» – негативных, «н» – нейтральных, «+–н» – равное соотношение позитивных и негативных оценок.

позитивные – 54,6% среди ассоциаций, упомянутых первыми, 53,4 и 51,4% среди вторых и третьих. С другой стороны, высокая доля негативных оценок (35,1% на первой позиции упоминаний, 36,8 и 31,6% – на второй и третьей) не позволяет игнорировать амбивалентность восприятия образа жизни на пенсии, у которого помимо позитивных есть отчетливо выраженные негативные характеристики.

Если рассматривать отдельно взятые ассоциаты, то по каждому из них⁶ отмечается вполне ожидаемая модальность восприятия с высокой согласованностью оценок:

⁶ Единственное исключение составляет периферийная группа ассоциатов «пенсия, пенсионные выплаты» с общей долей упоминаний 1,8%, позитивные, негативные и нейтральные оценки здесь распределены поровну.

спокойствие, отдых, свободное время, дача и внуки воспринимаются однозначно позитивно; бедность, болезни, старость, ухудшение здоровья – негативно. Преобладания нейтральной модальности не зафиксировано ни по одной группе ассоциатов.

В целом позитивная перспектива жизни на пенсии видится в долгожданном отдыхе, освобождении от груза забот, возможности жить размеренно и спокойно, а также в традиционных для российских пенсионеров объектах приложения времени и сил – внуках, даче, полезных хобби. Важно отметить, что в ряду позитивно окрашенных ассоциаций присутствуют ассоциаты, в той или иной степени отражающие ценности нового подхода к старению, – «время для себя», «возможность заниматься любимым делом, на которое раньше не хватало времени», путешествия. Ранее другими исследователями были выявлены аналогичные паттерны восприятия пенсионного периода. В частности, представители белорусской молодежи ассоциируют старость в том числе с большим количеством свободного времени, в котором нереализованные ранее личные потребности могут быть наконец-то осуществлены. Выдвинута объяснительная модель противоречивости представлений молодежи о старости, согласно которой молодые люди акцентируют внимание на тех транслируемых обществом характеристиках старости, которые отвечают их личностным особенностям [Татарко, 2018].

Таблица 2

**Семантическая группировка ассоциатов на стимул «жизнь на пенсии»,
в % от количества опрошенных**

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Эмоциональные состояния, чувства, личностные установки по отношению к пенсионному периоду</i>	
Спокойствие, умиротворение, безмятежность, беспечность, «жизнь без забот», «душевный покой»	19,6 (+)
Страх	5,2 (–)
Скука	4,9 (–)
Безысходность, бесперспективность, отчаяние, «некуда деваться»	4,4(–)
Тревога, тревожность	4,3 (–)
Грусть, тоска	3,8 (–)
Радость, счастье, «кайф», наслаждение	3,1(+)
Безразличие, безэмоциональность, апатия, нежелание что-либо делать	2,1(–)
Саморазвитие, самореализация	1,8 (+)
Интерес, любопытство	1,7 (+)
«Новый этап жизни»	1,5 (+)
Принятие	1,2 (+)
Вдохновение	0,9 (+)
<i>Материальные условия, социальное самочувствие</i>	
Бедность, безденежье	19,5 (–)
Маленькая пенсия, жизнь «от пенсии до пенсии», «пенсия маленькая, но хорошая»	4,0 (–)
Экономия, «выживание», «считать мелочь», «поиск выгодных продуктов»	2,1 (–)
Нищета, голод	2,0 (–)
Пенсия, «пенсионные выплаты»	1,8 (+–)
Стабильность, благополучие, «надежность»	1,8 (+)
Стабильный доход	1,7 (+)

Продолжение таблицы 2

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Свободное время, свобода как экзистенциальные ценности</i>	
Отдых, «заслуженный отдых», «релакс»	19,0 (+)
Свободное время, «время для себя»	18,7 (+)
Свобода	11,3 (+)
«Жить для себя», «жить в свое удовольствие»	2,3 (+)
Размеренный темп жизни	2,1 (+)
«Нечем заняться», «безделье», «никчемность»	1,1 (–)
<i>Предполагаемые виды деятельности на пенсии</i>	
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)
Дача, огород, дом в деревне, за городом, приусадебное хозяйство, рассада, цветоводство	17,5 (+)
Хобби, рукоделие, возможность заниматься любимым делом, чтение, вязание, просмотр фильмов, «ходить в театр», рыбалка, охота	12,3 (+)
Путешествия	7,8 (+)
Здоровый образ жизни, забота о здоровье, активный отдых, прогулки, скандинавская ходьба	3,2 (+)
Работа, «все равно придется работать»	2,9 (–)
Дом, домашнее хозяйство, домашние дела, уют	1,7 (+)
Сон, «спать, сколько захочется»	1,1 (+)
«Животные», «завести собаку», «коты»	1,1(+)
Море, «жизнь на море»	0,8 (+)
«Скамейка», «сидеть у подъезда и обсуждать людей»	0,5 (–)
<i>Семья, другие социальные связи, интегрированность в социум</i>	
Внуки, возможность проводить время с внуками, помочь детям с воспитанием внуков	17,6 (+)
Одиночество, «сужение круга общения»	8,4 (–)
Семья, «большая семья», «больше времени проводить с близкими», «помочь своим детям»	3,7 (+)
«Отчуждение от социума», «социальная изоляция», «социальная не востребо-ванность», «ненужность», «социальная несправедливость»	2,6 (–)
<i>Здоровье, система здравоохранения</i>	
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немошь», физическая беспомощность	12,9 (–)
Здоровый образ жизни, забота о здоровье, активный отдых, прогулки, скандинавская ходьба	3,2 (+)
Больницы, поликлиники, аптека, таблетки, лекарства, врачи, «плохое здравоохранение», «сидеть в очередях в больницах», «ездить по утрам в больницу в самый час пик с работающими людьми»	2,3 (–)
<i>Констатация неизбежности старения и смерти</i>	
Болезни, ухудшение здоровья, потеря сил, слабость, «немошь», физическая беспомощность	12,9 (–)
Старость, старение	8,9 (–)
Смерть, «конец жизни»	2,3 (–)
Морщины, седина, потеря красоты	1,1 (–)
Боязнь «не дожить» до пенсии	0,8 (–)

Тематические блоки ассоциатов и их элементы	Частота упоминаний / модальность
<i>Отношение к работе, продолжению трудовой деятельности</i>	
Работа, «все равно придется работать»	2,9 (-)
«Нет необходимости работать», «не надо на работу», «свобода от работы»	2,8 (+)
Новые возможности, «открыть свой бизнес», «открываются новые сферы деятельности», «возможность дополнительной подработки»	0,9 (+)
<i>Пенсионный возраст как период подведения итогов, признания заслуг, передачи жизненного опыта</i>	
«Заслуги», «радость за свои достижения», «уважаемый возраст»	1,2 (+)
Жизненный опыт	0,9 (+)
«Подведение итогов», «выполненная миссия», «радость за свои достижения»	0,5 (+)
<i>«Провокативные» ассоциации</i>	
«Монако», «мотоцикл», «шампанское», «мальчики на содержании», «вечеринки»	0,8 (+)
Нет ассоциаций с жизнью на пенсии	2,2

Некоторые ассоциаты (внуки, здоровый образ жизни, ухудшение здоровья и т.д.) релевантны одновременно нескольким тематическим областям, поэтому они были отнесены к нескольким семантическим группам.

Наиболее противоречивым по модальности восприятия стал тематический блок ассоциаций «эмоциональные состояния, чувства, установки по отношению к пенсионному периоду». Здесь присутствуют как спокойствие, радость, вдохновение, принятие, так и широкий спектр негативных эмоций и установок – тревога, тоска, безысходность, апатия, страх.

Респонденты ожидают изменения конфигурации социальных связей после завершения трудовой деятельности – их основой, как предполагается, будет семья и в первую очередь внуки. Распространен страх одиночества – как в личном, так и в общесоциальном смысле: «отчуждение от социума», «социальная изоляция», «ненужность».

Негативные по модальности ассоциаты доминируют в тематических блоках «материальные условия, социальное самочувствие», «здоровье, система здравоохранения» и «констатация неизбежности старения и смерти». Основные страхи, нашедшие отражение в негативных ассоциациях, – это бедность, потеря здоровья, старение, одиночество, безысходность и отчаяние.

Позитивно окрашены ассоциаты, относящиеся к группе «свободное время, свобода как экзистенциальная ценность». Высказавших опасения, что избыток свободного времени чреват «бездельем» и «никчемностью», всего 1,1%, скуки опасаются 4,9%. Со значительно большей частотой и в позитивном ключе упоминаются те сферы жизни и занятия, которым можно посвятить освободившееся время: внуки, дача, любимое хобби, путешествия, забота о собственном здоровье, домашние дела, возможность завести собаку и т.д.

Примечателен блок «отношение к работе, продолжению трудовой деятельности». Судя по частоте встречаемости соответствующих ассоциатов, пенсия ассоциируется прежде всего с отдыхом, свободным временем, со свободой от обязательств, а не с продолжением трудовой деятельности. Ассоциации с работой упоминаются редко, вынужденная необходимость продолжать работу трактуется негативно, в отличие от долгожданной возможности «не ходить на работу». Позитивные ассоциации с новыми перспективами заработка, которые открываются в пенсионный период, возникли лишь у 0,9% респондентов.

Тематический блок «пенсионный возраст как период подведения итогов...» можно соотнести с утвердившейся в советский период парадигмой отношения к людям пенсионного возраста, которая описывается крылатой фразой «молодым – везде у нас дорога,

старикам – везде у нас почет». Ожидания, соответствующие этой парадигме, практически полностью ушли из ассоциативного поля. Крайне небольшая доля респондентов упоминает «признание заслуг» и «уважение к возрасту», ценность жизненного опыта и «выполненной миссии». Определенная апелляция к государству, на которое возлагается важная роль в символической демонстрации уважения к старшему поколению, присутствует в форме обиды в таких ассоциатах, как «социальная изоляция», «социальная невостребованность», «ненужность», «социальная несправедливость». Такие ассоциации также немногочисленны.

Обобщая содержание ассоциативного поля «жизнь на пенсии», можно сделать вывод о том, что оно в незначительной степени соответствует образу жизни на пенсии, сконструированному в концепции политики активного долголетия. Согласно структуре индекса активного долголетия, прямыми индикаторами подобного образа жизни на пенсии выступают: продолжительная занятость (до 74 лет), участие в жизни общества, включая не только уход за детьми, внуками и больными родственниками, но также волонтерскую деятельность и участие в политической жизни, независимую жизнь (физическая активность, доступ к услугам здравоохранения, независимое/самостоятельное проживание, отсутствие риска бедности, физическая безопасность, непрерывное обучение на протяжении всей жизни)⁷. Однако ожидания от жизни на пенсии, транслируемые респондентами в ассоциациях, отражают отсутствие установки на продолжение трудовой деятельности, наличие страхов бедности и утраты здоровья. Участие же в жизни общества ограничивается семьей. Такие ассоциации соответствуют низкому уровню индекса активного долголетия в нашей стране: в 2022 году он составил 36,9 из 100; в 2020–34,1⁸.

Слабую выраженность установки на продолжение трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста можно объяснить (в числе прочих факторов) ценностной трансформацией отношения к труду у россиян трудоспособного возраста. Например, как отмечает В.В. Радаев, характеризуя трудовые траектории миллениалов (1982–2000 г.р.), а значительная часть респондентов может быть отнесена именно к этому поколению, у них зачастую отсутствует «зацикленность» на профессиональной карьере, они склонны выстраивать более выверенный баланс труда и внетрудовой жизни с полноценным досугом [Радаев, 2020: 33]. В результате выход на пенсию воспринимается именно как период не только и не столько для работы, а как время для себя. Отмеченная тенденция заострена у представителей движения FIRE – «финансовая независимость и ранняя пенсия» [Слащина, 2021: 139–142]. Стремление молодых людей сделать сбережения на будущее направлено на то, чтобы побыстрее прекратить трудовую деятельность и посвятить себя тому, что составляет удовольствие (отдыху, путешествиям, творческим проектам и всему тому, что откладывалось «на потом» из-за нехватки времени и необходимости зарабатывать).

Хотя в ответах респондентов слабо выражена ориентация на принципы активного долголетия, в них можно увидеть отчетливо выраженный социальный запрос на поиск новых ценностных ориентиров пенсионного периода жизни в условиях современного российского социума. Советская парадигма отношения к старости ушла, отчасти заимствованы элементы западной концепции третьего возраста, однако присутствует и определенный «дефицит смыслов» при очевидной потребности в их обнаружении. Определенная часть россиян готова опираться на индивидуальные ресурсы и семью, но немало тех, кто испытывает страх, ощущает неопределенность, отчаяние при мысли о пенсии. Напомним, что у 2,2% респондентов вообще нет ассоциаций с понятием «жизнь на пенсии». Есть очевидный запрос на социальные гарантии, предсказуемость, осознание внятной жизненной перспективы, понимание социальной и индивидуально-личностной ценности пенсионного возраста.

⁷ Индекс активного долголетия. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7–10.xlsx (дата обращения: 04.03.2024).

⁸ Индекс активного долголетия. ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/62499> (дата обращения: 20.03.2024).

Социальный контекст и факторы формирования ассоциативного образа «жизни на пенсии». Для выявления причин формирования ассоциативного образа жизни на пенсии важен социальный контекст. Ролевая модель старения формируется на основе осознания опыта старших поколений, под влиянием СМИ. Наличие у значительной части респондентов позитивной ролевой модели старения подтверждает распределение ответов на вопрос «Есть ли в Вашем окружении люди, глядя на которых кажется, что “стареть не страшно”?». На то, что такие люди есть, указали 54,1% респондентов, хотя при этом 7,4% не смогли назвать конкретного человека, отвечая на уточняющий вопрос, кто эти люди (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на открытый вопрос «Кто люди, глядя на которых кажется, что “стареть не страшно”, назовите их», в % от количества опрошенных

Варианты	Доли ответов
Старшие родственники: родители, бабушки, дедушки, свекровь	27,1
Друзья, подруги, знакомые	7,5
Коллеги	5,2
Знаменитости	3,4
Президент РФ В.В. Путин	1,1
Начальник, руководитель на работе	0,8
Учителя, преподаватели из университета	0,8

Референтные образцы, под влиянием которых формируются представления о жизни на пенсии, находятся преимущественно в зоне непосредственного социального окружения, причем частота упоминаний снижается по мере увеличения социальной дистанции. Яркие примеры знаменитостей вдохновляют лишь 3,4%. В первую очередь респонденты готовы принимать во внимание опыт близких людей, главным образом – старших родственников, опираться на реальные жизненные примеры, искать ориентиры среди тех людей, с которыми знакомы лично. Можно предположить, что позитивная ролевая модель старения в настоящее время конструируется не посредством СМИ и интернет-среды, а скорее является продуктом жизненных наблюдений, осознания релевантного социального опыта теми, кто разделяет такую модель.

Ассоциативный образ жизни на пенсии является результатом совмещения по крайней мере двух проекций: первая состоит в том, как видится жизнь на пенсии из наблюдений за родственниками, знакомыми, а вторая – в картине или образе личного будущего. Некоторую информацию о том, в каком возрасте перспективу выхода на пенсию респонденты начинают «примерять на себя», рассматривать не со стороны, а как реальную жизненную перспективу, дает распределение ответов на закрытый вопрос «Планируете ли вы свою жизнь на пенсии?» в разбивке по половозрастным группам. Возрастом определенного «сдвига» можно считать возрастной диапазон 46–51 год у женщин и 46–56 лет у мужчин. Именно к этому возрасту планируют свою жизнь на пенсии 16,7% женщин и 14,9% мужчин, а еще 28,8 и 46,3% соответственно начинают об этом задумываться [Киселев и др., 2024].

В распределении ассоциатов, относящихся к ядру ассоциативного поля «жизнь на пенсии», можно отметить значимые возрастные сдвиги (табл. 4). Особенно выраженные различия наблюдаются между респондентами 18–35 лет и предпенсионерами.

У молодежи образ жизни на пенсии содержит страхи, связанные с наступлением старости и утратой здоровья, бедностью из-за маленькой пенсии. По мере взросления эти страхи становятся менее актуальными и почти утрачивают значимость в предпенсионном возрасте. Полученные результаты в целом согласуются с данными других исследователей, зафиксировавших более негативное отношение к старению в ранней взрослости по сравнению со средней [Кънева, 2016], доминирование в представлениях молодежи ассоциативной связи

Таблица 4

Распределение отдельных ассоциатов ядра ассоциативного поля стимула «жизнь на пенсии» у мужчин и женщин, в % от возрастных групп

Ассоциаты	Возраст респондентов, лет											
	мужчины						женщины					
	18-25	26-35	36-45	46-56	57-62	Всего	18-25	26-35	36-45	46-51	52-57	Всего
Спокойствие	13,8	16,7	15,4	19,4	13,6	15,8	19,7	12,5	7,4	24,2	16,1	16,0
Бедность	16,9	13,6	16,9	13,4	16,9	15,5	21,2	26,6	22,1	22,7	12,9	21,2
Отдых	13,8	12,1	16,9	20,9	18,6	16,5	24,2	15,6	16,2	30,3	16,1	20,6
Свободное время	16,9	13,6	13,8	10,4	16,9	14,3	22,7	23,4	16,2	16,7	24,2	20,6
Внуки	12,3	21,2	9,2	20,9	23,7	17,1	13,6	18,8	22,1	16,7	17,7	17,8
Дача, огород	7,7	12,1	15,4	16,4	20,3	14,3	10,6	6,3	14,7	12,1	14,5	11,7
Болезни, ухудшение здоровья	18,5	6,1	12,3	7,4	8,5	10,6	6,1	21,9	23,5	12,1	9,7	14,7
Хобби	7,7	4,6	4,6	10,4	3,4	6,2	10,6	3,1	10,3	15,1	11,3	10,1
Свобода	6,2	6,1	16,9	9,0	6,8	9,0	9,1	9,4	19,1	10,6	22,6	14,1
Старость	12,3	13,8	9,2	9,0	3,4	9,6	12,3	9,4	8,8	3,0	8,1	8,3
Одиночество	9,2	12,1	3,1	7,4	8,5	8,1	13,6	7,8	7,4	1,5	9,7	8,0
Путешествия	4,6	7,6	4,6	6,0	11,9	6,8	6,1	6,3	11,8	9,1	6,5	8,0
Страх	3,1	10,6	6,2	6,0	8,5	6,8	4,5	3,1	8,8	1,5	4,8	4,3
Безысходность	3,1	7,6	6,2	3,0	6,8	5,3	1,5	1,6	2,9	1,5	6,5	2,7
Тревога	0,0	1,5	3,1	6,0	6,8	3,4	4,5	7,8	2,9	7,6	1,6	4,9
Маленькая пенсия	10,8	3,0	9,2	9,0	1,7	5,9	4,5	1,6	2,9	6,1	3,2	3,7

Примечание. Заливкой отмечены ячейки с самыми высокими частотами соответствующих ассоциатов.

старения с его физиологическими проявлениями [Бобылева, 2015]. Отмеченные особенности восприятия старости наблюдаются и в исследовании, проведенном в Республике Беларусь [Татарко, 2018]. В то же время образ жизни на пенсии, изученный по французской выборке, характеризуется более выраженной позитивной коннотацией, в том числе и у молодежи [Чуйкова, Полькина, 2012].

Можно предположить, что возрастные различия в конструировании образа жизни на пенсии найдут отражение и в разных паттернах проживания пенсионного возраста. Страхи молодежи относительно бедности и утраты здоровья в старости могут мотивировать подготовиться к выходу на пенсию с точки зрения финансового планирования и здоровьесбережения, что позволит приблизиться к реализации принципов политики активного долголетия в зрелом возрасте. Однако в ожиданиях предпенсионеров старость, проблемы со здоровьем и сокращение финансовых возможностей рассматриваются как «естественные» для жизни на пенсии. Как следствие, не возникает стремления изменить ситуацию.

Кроме того, зафиксированы некоторые различия по полу. Выявлено, что женщины несколько чаще ассоциируют жизнь на пенсии с бедностью, свободным временем и свободой, болезнями и ухудшением здоровья, хобби, в то время как мужчины – с дачей и огородом, страхом и безысходностью.

Различия в распределении ассоциатов по подгруппам, выделенным в соответствии с самооценкой материального положения респондентов, носят более выраженный характер (табл. 5). Вполне ожидаемо, что ассоциируют пенсию с путешествиями представители двух самых обеспеченных подгрупп, а с безысходностью и с маленькой пенсией – наоборот, представители наименее обеспеченной группы. Страх бедности присущ респондентам с разной

Таблица 5

**Распределение отдельных ассоциатов ядра ассоциативного поля
стимула «жизнь на пенсии» по самооценке материального положения, в %**

Ассоциаты	Самооценка материального положения					
	денег не хватает даже на питание	на питание денег хватает, но не хватает на одежду и обувь	на одежду и обувь хватает, но не хватает на крупную бытовую технику	на крупную бытовую технику хватает, но не можем купить новую машину	на новую машину денег хватает, но не можем купить квартиру или дом	материальных затруднений не испытываем
Спокойствие	0,0	3,6	11,7	13,6	15,9	9,0
Бедность	21,4	16,4	19,9	18,8	27,3	11,5
Отдых	21,4	5,5	19,5	18,8	11,4	29,5
Свободное время	21,4	14,5	21,5	20,4	6,8	9,0
Внуки	7,1	30,9	13,3	19,9	22,7	15,4
Дача, огород	0,0	14,5	13,7	18,8	15,9	15,4
Болезни, ухудшение здоровья	7,1	21,8	14,1	8,4	6,8	9,0
Хобби	0,0	5,5	5,1	16,8	11,4	11,5
Свобода	14,3	3,6	11,7	16,8	18,2	14,1
Старость	7,1	9,1	7,4	9,4	6,8	11,5
Одиночество	0,0	12,7	11,3	6,3	4,5	3,8
Путешествия	0,0	1,8	4,7	5,2	20,5	20,5
Страх	0,0	3,6	5,5	6,8	2,3	5,1
Безысходность	14,3	7,3	5,5	3,1	0,0	5,1
Тревога	0,0	3,6	6,6	3,1	4,5	1,3
Маленькая пенсия	14,3	7,3	6,6	3,7	2,3	1,3

Примечание. Заливкой отмечены ячейки с самыми высокими частотами соответствующих ассоциатов.

самооценкой материального благосостояния, своего максимума он достигает в группе тех, кому хватает денег на новую машину, но не хватает на квартиру или дом. В группе самых обеспеченных – тех, кто не испытывает материальных затруднений, – страх бедности резко снижается. Если сопоставить распределение ассоциатов «бедность» и «маленькая пенсия», то можно предположить, что для бедных и среднеобеспеченных это скорее синонимичные ассоциаты, а представители более обеспеченных слоев вообще не склонны рассматривать пенсию как основной источник дохода в старости.

В целом, как и следовало ожидать, высокий материальный достаток создает более благоприятный контекст восприятия старости и образа жизни на пенсии.

Выводы. Анализ социального восприятия пенсионного периода жизни методом свободных ассоциаций указывает на внутреннюю противоречивость и амбивалентность ассоциативного образа жизни на пенсии. Наиболее частые ассоциации – это стремление к отдыху, свободе, спокойной жизни при высокой неопределенности и тревоге, связанных, прежде всего, со страхом бедности, ухудшения здоровья, старения и смерти. Содержательные противоречия (точнее, фрагментарность) можно увидеть в соединении, с одной стороны, таких традиционных элементов образа жизни на пенсии, как внуки, дача, огород с ценностями, с другой стороны, индивидуальной свободы, отдыха, «времени для себя», путешествиями. Наиболее яркий контраст с содержанием концепции активного долголетия состоит в нежелании продолжать

активную трудовую деятельность на пенсии⁹, в стремлении к отдыху, спокойной и размеренной жизни. И в ядерной, и периферийной группах есть ряд ассоциатов, которые указывают на высокий уровень неопределенности, тревоги, страха перед перспективой выхода на пенсию. Такая противоречивость ассоциативного образа жизни на пенсии обусловлена, прежде всего, тем, что он видится россиянам через призму индивидуальных жизненных приоритетов и установок.

Наряду с внутренней противоречивостью выявленный ассоциативный образ жизни на пенсии характеризуется стереотипизированностью, устойчивостью и воспроизводимостью в разных возрастных когортах россиян трудоспособного возраста. На эти особенности указывает высокая плотность ассоциативного ядра и отсутствие значимых различий в распределении ассоциатов по возрастным подгруппам.

При попытке представить свою жизнь на пенсии рамки референтности задаются главным образом собственным окружением респондентов. Именно здесь обнаруживаются позитивные ролевые модели старения, которые воспринимаются как «жизненные», «реализуемые на практике».

Итак, на сегодняшний день восприятие перспективы жизни на пенсии как благоприятной или неблагоприятной обусловлено прежде всего индивидуальным ресурсом респондента – материальными возможностями, состоянием здоровья, личностными установками. Можно констатировать, что принцип личной ответственности за свою жизнь как часть концепции активного долголетия утвердился в сознании многих россиян. В наиболее оптимистическом варианте жизнь на пенсии видится как «кусочек жизни для себя», которым хотелось бы распорядиться по собственному усмотрению. В ассоциативном образе жизни на пенсии минимально упоминание ассоциатов, тем или иным образом связанных с государством. В целом россияне не стремятся к долгосрочному планированию жизни на пенсии, причем нежелание заранее готовиться к выходу на пенсию не связано с упованием на государство. Можно предполагать, что оптимистичное видение перспективы собственной жизни на пенсии определенным образом формирует социальные установки и систему ценностей безотносительно к конкретному возрастному периоду, сочетается с осознанием ценности жизни в любом возрасте.

Исходя из содержания ассоциативного поля стимула «жизнь на пенсии», можно сделать вывод о целесообразности «работы со смыслами», которая должна состоять во взаимном согласовании программных установок, транслируемых государством, с укоренившимися в сознании работающих россиян представлениями о жизни на пенсии. По сути, речь идет о своего рода новом «социальном контракте» между конкретным человеком, семьей, обществом и государством, предметом которого является взаимная ответственность, права и обязанности сторон относительно пенсионного периода жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55.
- Бобылева Е.В. Индивидуально-психологические особенности представлений о старости у людей разного возраста // Психология XXI века: академическое прошлое и будущее. Мат. междунар. науч. конф. мол. уч. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 28–30.
- Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–34.
- Кънева И.М. Отношение к старению людей в ранней взрослости // Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы международной конференции молодых ученых. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 70–71.

⁹ Метод свободных ассоциаций выявил скорее негативное восприятие продолжения трудовой деятельности на пенсии как «вынужденной практики». В то же время, по результатам настоящего исследования, отвечая на вопрос «Планируете ли вы работать после выхода на пенсию?», 61,3% респондентов высказали намерение продолжить работать.

- Ялякова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 106–117.
- Новиков К., Быканова Д. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3. С. 153–180.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60.
- Рушева А.В. Конкурентоспособность работников старшего поколения // Старшее поколение современной России / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 349–354.
- Саралиева З.Х. Межпоколенные внутрисемейные отношения: ответственность старшего поколения // Старшее поколение современной России. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 7–30.
- Слащину А.П. Феномен «young retiree» как отражение ценностных ориентаций современной молодежи // Человек в информационном обществе: сб. мат. науч.-практич. междунар. конф., посвященной 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина, Самара, 28–30 апреля 2021 г. Самара: Самарс. ун-т, 2021.
- Татарко К.И. Социальные установки относительно старости и ее предпочтительный образ в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/nump/article/view/278/563> (дата обращения: 11.03.2024).
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTABENE, 1999.
- Татарова Г.Г., Чиркова А.В. Здоровьесберегающее поведение молодежи: формирование типобразующих признаков методом неоконченных предложений // Социологическая наука и социальная практика. 2024. № 1. С. 25–61.
- Чуйкова Т.С., Полькина Т.М. Изучение социальных репрезентаций, связанных с выходом на пенсию: кросс-культурное сравнение // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 89–102.

Статья поступила: 27.03.24. Финальная версия: 29.04.24. Принята к публикации: 13.05.24.

ASSOCIATIVE IMAGE OF “LIFE IN RETIREMENT” AS AN ELEMENT OF SOCIAL CONCEPTUALIZATION OF THE PENSION PERIOD BY RUSSIANS IN WORKING AGE

KISELEV I. Yu.*, MIKHAILOVA E.V.*, SMIRNOVA A.G.*

*Demidov Yaroslavl State University, Russia

Igor Yu. KISELEV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (igkisselev@mail.ru); Elena V. MIKHAILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (nmev.649@mail.ru); Anna G. SMIRNOVA, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (agsmirnova2001@mail.ru). All – Chair of Sociology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the internal initiative project (VIP) of Yaroslavl State University “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the context of reforming the pension system in Russia” (project VIP-020).

Abstract. The associative field of the stimulus “life in retirement” was obtained by the method of free associations during sociological study conducted in April – June 2023 by employees of the Department of Sociology of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. This sociological study, titled “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the context of reforming the pension system in Russia”, N = 652 people, deals with the residents of the Yaroslavl region in the working age. The semantic focus here is an analysis of the associative image of “life in retirement” as an aspect of the social conceptualization of personal future. The identified associative dominants are correlated with the principles of active longevity, a shared attitude towards preparing for retirement, and are considered in the context of such factors as gender, age, level of material well-being, and reference models of aging. The associative image of “life in retirement” is characterized by meaningful and emotional-evaluative ambivalence. Significant positions in the core of the associative field are occupied by associates, connected with personal existential values: “calmness”, “rest”, “time for yourself”; there is a significant proportion of mentions of “traditional” associates of life in retirement: “grandchildren”, “dacha”, “illness”, “aging”, “useful hobby”. It is noted that the perception of the prospects for life in retirement as favorable or unfavorable is determined primarily by individual resources, including material capabilities, age, and personal attitudes. A conclusion is made about the insignificant, fragmentary correspondence of the associative way of life in retirement with the postulates of the active longevity concept; the most obvious contrast is reluctance to continue working upon reaching the retirement age.

Keywords: associative image, associate, associative field, the method of free associations, lifestyle in retirement, concept of active aging policy, aging models.

REFERENCES

- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020) The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of "Old Age". *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 13. No. 1: 34–55. (In Russ.)
- Bobyleva E.V. (2015) Individual psychological features of ideas about old age in people of different ages. In: *Psychology of the XXI century: Russian Psychology in the context of world science*. Mat. of the intern. conf. of young scient. St. Petersburg: Skifia-print: 28–30. (In Russ.)
- Chuykova T.S., Polkina T.M. (2012) Social representations of retirement: cross cultural comparison. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. No. 3: 89–102. (In Russ.)
- Kiselev I. Yu., Mikhailova E.V., Smirnova A.G. (2024) Russians' attitudes regarding preparation for retirement: its content and formation factors. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 24–35. (In Russ.)
- Kneva I.M. (2016) Attitude to the aging of people in early adulthood. In: *Psychology of the XXI century: Russian Psychology in the context of world science*. Mat. of the inter. conf. of young scient. St. Petersburg: Skifia-print: 70–71. (In Russ.)
- Lyalikova S.V., Nazarova I.B., Karpova V.M. (2023) Features of elderly people perception in russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–117. (In Russ.)
- Novikov K., Bykanova D. (2017) The values of the elderly and political consequences of the global aging of the population. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 4. No. 3: 153–180. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2020) The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 26. No. 4: 31–60. (In Russ.)
- Rusheva A.V. (2021) Competitiveness of older generation workers. In: *The older generation of modern Russia*. Ed. by of Z.H. Saralieva. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 349–354. (In Russ.)
- Saralieva Z.H. (2022) Intergenerational intra-family relations: responsibility of the elder generation. In: *The older generation of modern Russia*. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 7–30. (In Russ.)
- Slashchinina A.P. (2021) The phenomenon of «young retire» as a reflection of value orientations of today's youth. In: *Man in the Information Society: a collection of materials from the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight*, Samara, April 28–30, 2021. Samara: Samars. un-t. (In Russ.)
- Tatarko K.I. (2018) Attitudes towards old age preferred image in early adulthood. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological research] Vol. 11. No. 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/278/563> (accessed: 11.03.2024). (In Russ.)
- Tatarova G.G. (1999) *Methodology of data analysis in sociology*. Moscow: NOTABENE. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Chirkova A.V. (2024) Health behavior of young people: formation of typological attributes using the sentence completion method. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [The Journal Sociological Science and Social Practice]. No. 1: 25–61. (In Russ.)

Received: 27.03.24. Final version: 29.04.24. Accepted: 13.05.24.

М.Э. ЕЛЮТИНА, Е.И. УФИМЦЕВА

ПРАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО УЧАСТИЯ ПОЖИЛЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ПОЗИТИВНОГО СТАРЕНИЯ

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы (elutina133@mail.ru); УФИМЦЕВА Екатерина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы (ufim75@mail.ru). Обе – Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Аннотация. Практики религиозного участия пожилых людей анализируются в статье как один из возможных контекстов позитивного проживания старости. Показано, что формирование проекта позитивной старости, адекватного вызовам времени, базируется на анализе разнообразного и инклюзивного опыта, не ограничивающегося представлениями, которые сводятся только к здоровью, богатству и комфортному досугу. Интересен и полезен для конструирования проекта позитивной старости опыт различных социальных групп населения. В данной статье мы объединяем старение и опыт религиозного участия, анализ которых осуществлялся в ходе глубинных интервью в рамках полевого исследования процесса обращения в православие. На материалах интервью с пожилыми прихожанами Русской православной церкви показано, как функционирует габитус (когнитивные, эмоциональные, мотивирующие структуры) пожилых людей, обращенных в православие, в поле различных видов религиозного участия, воспроизводя и меняя ценности, идентичности, внутренние переживания на геронтологическом этапе жизненного пути. Анализ глубинных интервью с религиозно обращенными людьми позволил идентифицировать виды религиозного участия пожилых прихожан, показать положительный эффект от религиозной вовлеченности на поддержание доверия, активности, на «капитализацию надежды» на лучший исход в сложных жизненных ситуациях в позднем возрасте. Исследование выявило, что религиозное участие выступает и способом самопомощи, помогает справляться с жизненными трудностями и решать практические проблемы.

Ключевые слова: позитивная старость • виды религиозного участия • обращение в православие • религиозные установки • практики профессиональной мобильности в религиозной среде

DOI: 10.31857/S0132162524050084

Введение. В современной социологии проблематизируются проекты позитивной старости, в которых старость обретает «наличную» модальность, «становится заметной и замеченной и воспринимается одновременно и как объект еще не оконченного познания и понимания, и как призыв к действию» [Бауман, Донскис, 2019: 162]. Мы уже анализировали разные проекты позитивной старости: мудрая старость, когда человек пользуется накопленными знаниями; здоровая, необремененная болезнями жизнь с различного рода рекомендациями по организации повседневной жизни пожилого человека; аскетичная старость, когда человек, отрешившись от земных интересов, забот, соблазнов, приближается к Богу; «старость как окружение», причем под окружением понимаются не только люди (родственники, соседи, сообщества), но и растения, животные, вещи; саморефлексирующая старость, указывающая на такую характерную особенность мироощущения в этом возрасте, как особое благоговение перед бытием, отличное от обычного так называемого жизнелюбия и от чисто позитивистского принятия «данного» как такового; успешная старость с достойным уровнем и качеством жизни; активная старость,

включающая разнообразные формы активности: физическую, трудовую, творческую; «сделанная старость» с акцентом на телесный ремонт с помощью косметологических средств, пластической хирургии, трансплантации органов; «безбарьерная», технически оснащенная, предполагающая переадресацию функций, в том числе и базовых, техническим устройствам (аутсорсинг); компетентная старость, фиксирующая основные ее референции: ценность, духовность, жизненный профессионализм [Елютина, 2023].

В рамках зарубежной традиции накоплен опыт анализа позитивной старости в контексте благополучной жизни, разрабатываются методики и индикаторы благополучия в пожилом возрасте, в фокус внимания попадают и те организации, которые реализуют коммерческие возможности в позитивной старости, к примеру, с позиции маркизации досуга, а также с точки зрения потребительских возможностей пожилых людей и их стилевых предпочтений [Bulow, Soderqvist, 2014; Edmondson, 2015; Wahl, 2020]. В отечественном социологическом дискурсе акцент сделан на синтезирование проблем активного долголетия как политической инициативы для пожилых людей с целью снижения экономической и социальной нагрузки [Видясова, Григорьева, 2023; Евсеева, 2020; Елютина, 2017; Парфенова, Галкин, 2023; Рождественская и др., 2023]. На данном этапе преобладает дискурс поощрения самих пожилых людей в направлении проявления активности в разных сферах деятельности. Однако ясно и то, что предоставление пожилым людям возможности стареть здоровыми и активными неразрывно связано с социальными процессами и инновациями, их обеспечивающими. Иначе говоря, осознание и высвобождение потенциала пожилых людей можно рассматривать только в связи с обсуждением условий их жизни как представителей гетерогенной социальной группы, технологичной помощи и поддержки пожилых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, тех социальных структур, которые конструируют старость. Поэтому более целостный подход к политике активного долголетия предполагает и такие направления, как занятость, социальное участие, развитие различных форм заботы о пожилых людях и различных форм заботы с их стороны, способами, которые им подходят. В условиях институциональных дефицитов среды представляется важным анализ опыта старения в разных социальных средах, ожидания и стремления пожилых людей, которые они пытаются реализовать, в том числе в контексте активной религиозной жизни.

Смысловые возможности позитивного старения. Понятие позитивного старения является многоаспектным, многосоставным, связанным с экзистенциальной зоной повседневной жизни пожилого человека. Социальная категоризация позитивного старения предполагает приписывание определенных атрибутов, формирование норм и правил поведения, необходимости/желательности определенных социальных практик.

Понятие позитивной старости относится к реляционным понятиям: может означать разные вещи для разных людей в разных условиях, но, по сути, оно фиксирует позитивный прогноз в отношении данного возрастного этапа и смещает исследовательскую оптику от восприятия старости как «профиля риска» на анализ возможностей, которые она предоставляет, на поиск тех социальных практик, которые могли бы нивелировать эти риски. Неоднородность и противоречивость самого процесса старения приводит к тому, что старение структурируется комбинацией разных показателей. В качестве структурных компонентов в различных исследованиях позитивного старения используются разные составляющие: здоровье, благополучие, социальная активность, позитивная духовность, телесный опыт и участие в искусстве. Оставляя дебаты по поводу определения позитивного старения, которое выходит за рамки данной статьи, отметим наличие двух основных смысловых комплексов, постоянно воспроизводимых от контекста к контексту: терминологической составляющей, которая фиксируется при рефлексии и определении себя или других в терминах удовлетворенности своей жизнью, и поведенческая составляющая, связанная с социальной динамикой, в результате которой происходит включение и исключение из социальных групп. В своем исследовании мы используем в качестве базового индикатора позитивной старости социальное функционирование, включающее

показатели одиночества, социальной активности, эмоциональной и инструментальной поддержки, оказываемой другим, эмоциональный режим.

Важным направлением в контексте позитивного старения является исследование влияния религиозного участия на просоциальную деятельность в позднем возрасте. В этом вопросе нет однозначного мнения. Сторонники позитивного влияния религиозного участия приводят следующие аргументы: оно положительно коррелирует с благотворительной деятельностью, волонтерством; в повседневной жизни верующим чаще доверяют, чем неверующим [Edgell et al., 2006: 211–234]. Другие ученые убеждены в противоположенном эффекте, указывают на то, что религиозное участие снижает доверие и просоциальное поведение, инициирует внутригрупповой фаворитизм, когда помощь и доверие оказываются в большей степени единоверцам, что препятствует более широкой сплоченности и солидарности с членами других социальных групп [Galen, 2012: 876–906]. В российском контексте вопрос о том, каким образом религиозное участие влияет на повседневную жизнь пожилого человека, остается в слепом пятне научного интереса. Анализ опыта религиозного участия внесет свой вклад в формирование более инклюзивной концепции позитивного старения.

В рамках данной статьи мы попытаемся ответить на два вопроса: каковы основные направления религиозной вовлеченности; каким образом религиозное участие пожилых прихожан влияет на их повседневную жизнь, на их подход к жизненным проблемам.

Метод и эмпирическая база. В период с января 2020 по октябрь 2023 г. (длительность обусловлена сложностью исследования этой социальной группы, наличием латентных особенностей религиозной жизни) в г. Саратове была проведена серия глубинных интервью с прихожанами¹, мужчинами и женщинами старше 60 лет ($N = 23$). Привлекались информанты с различным социально-экономическим бэкграундом, образованием и трудовыми траекториями. Рекрутинг информантов осуществлялся за счет: 1) личных контактов исследователей; 2) через приходских священников и работников храмов. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Выбор места проведения интервью определялся с учетом личных предпочтений респондентов: либо на территории православного храма, территориально доступного для респондента, либо в домашних условиях – по месту проживания респондента. Средняя продолжительность интервью составила 40–45 минут. В качестве методологии исследования были использованы принципы интерпретативной социологии.

Интервью с респондентами проводились на основе гайда, который включал в себя три основных блока: 1) социальный бэкграунд информанта (возраст, пол, семейное положение); 2) виды религиозного участия; 3) оценка пожилыми прихожанами влияния религиозного участия на различные стороны жизни и эмоциональное состояние.

Виды религиозного участия и их проекции на повседневную жизнь пожилых прихожан. По результатам нашего исследования, религиозное участие пожилых прихожан реализуется в двух направлениях: усвоение смысловых религиозных структур (чтение православной литературы, собеседования с религиозными экспертами, церковные таинства и молитвы) и вовлеченность в солидаризирующие практики: практики помощи и поддержки в трудной жизненной ситуации; благотворительные практики (оказание хозяйственной помощи церковному приходу, социальная помощь отдельным верующим, практики церковного социального служения); практики профессиональной мобильности

¹ В данном случае прихожане – люди, обращенные в православие. Обращение в православие, по нашему мнению, представляет собой структурно обусловленный процесс рациональной православной самоидентификации, реализуемый через освоение разнообразных практик РПЦ и включающий следующие содержательные моменты: интернализацию религиозных ценностей, норм поведения, освоение православной риторики, интеграцию личности в систему социальных отношений и социальных связей местной православной организации (православного прихода, приходской общины), обретение религиозного статуса [Уфимцева, 2022].

в церковной среде, связанные с переходом из светской сферы трудовой занятости в церковную с сохранением основного вида профессиональной деятельности либо предполагающие освоение новых видов деятельности; практики формирования церковного комьюнити, которые представляют собой создание неформального союза с одним или более православными верующими с целью совместного и эффективного осуществления религиозной деятельности.

С социологической точки зрения важно ответить на вопрос, как сами обращенные в православие люди объясняют себе и другим свое религиозное участие и его влияние на повседневную жизнь на данном возрастном этапе.

Как отметили информанты, в процессе усвоения религиозных смыслов произошла значительная трансформация их картины мира, смысловых и ценностных ориентаций, норм поведения, сформированных в течение жизни. *«Отношение к жизни изменилось. Смысл человека в спасении, единственное, больше нет никаких смыслов. Не может быть иной цели жизни, не может быть иного смысла жизни»* (м., 1941 г.р.).

Религиозные убеждения православного содержания, став смысловым ядром личной картины мира, не заменили собой смыслы повседневной реальности, но дополнили их, включив в интерпретационную схему религиозный, сверхъестественный уровень. Информанты указали, что обретение ими религиозной веры в Бога, убежденности в объективности его личности, признание его участия в своей жизни и в жизни других людей, положительная оценка этого участия и доверие ему, осознание необходимости взаимодействия с Богом и другие смыслы православного символического универсума стали основанием переосмысления своих прошлых жизненных ошибок, неудач, поступков. Так, по мнению информанта, ошибочно интерпретировать трагические обстоятельства в жизни человека проявлением божественного наказания, снимая с себя ответственность за неверно сделанный нравственный или жизненный выбор. *«Бог не противится нашей воле. Он никогда не отнимет от нас нашу волю. Он дает ориентиры, Он дает всё. Он даже позволяет людям некоторым ненавидеть Его, идти против Него. Он никогда здесь никого не накажет, как иногда говорят. Много же разных высказываний есть. Понимаешь? «Бог тебя накажет этим. Вот у тебя не будет детей, вот у тебя то, у тебя сё». Да, никогда Он этого не сделает! Мы своей жизнью себя к этому приведем! Мы себя накажем!»* (м., 1941 г.).

Информанты неоднократно обращались к воспоминаниям своих жизненных поступков, которые они реинтерпретировали как «греховные». *«Вспоминаешь сейчас и думаешь: “Господи! Куда же это я попала, вот тогда вот? Ну что же это я натворила! Мне, получается, стыдно”. Так, перед Господом Богом, вот стоишь и думаешь: “Ой, Господи, ну я ведь такая дрянь! Ну, я ведь столько наделала, Господи! Ну, прости меня грешную!”*» (ж., 1949 г.р.).

Наиболее часто упоминаемой в нарративах практикой, в отношении которой осуществлялась нравственная переоценка, оказалась практика аборта: *«Какие-то грехи я свои поняла. Мы не знали, что аборт делать нельзя, что это грех»* (ж., 1936 г.р.). *«Если бы я не согрешила, то у меня бы было четверо детей. И все бы были такие талантливые, как Петя, такие умные. И сколько бы они сделали на этом свете! И мне за это – грех»* (ж., 1948 г.р.).

Признание своей ответственности за прошлые жизненные ошибки и проступки имеет положительное значение. Во-первых, неся на себе долгие годы психологический груз вины за содеянное, пожилые прихожане смогли принести за него внутреннее и церковное покаяние, получив душевное облегчение. Во-вторых, они реинтерпретировали эти трагические обстоятельства в контексте принятия религиозной идеи о божественном милосердии к ошибающемуся человеку вообще и к ошибкам в частности. Информантка интерпретировала факт сохранения собственной жизни после неудачно совершенного аборта как подтверждение божественного милосердия к ней. *«Я делала последний аборт, и мне проткнули матку, и кровотечение. Но Господь берег меня. Щедрот столько мне давал Господь!»* (ж., 1939 г.р.).

Информанты называли опасные ситуации, случившиеся с ними (чудесное спасение при неудачном прыжке из электрички, экстренная операция в результате внематочной

беременности, падение с подмостков при реставрации храма) и их благополучные разрешения, исходя из значений и смыслов сверхъестественной реальности. «Опять, кто меня спас? Значит, суждено мне было дожить до этих лет. Господь берег меня, я все-таки думаю, чтобы я пришла в храм, лишнюю душу взять к Себе, наверное» (ж., 1951 г.р.).

Примечательно, что у информантов лейтмотивом звучало признание самоценности человеческой жизни вне зависимости от успешности/неуспешности, правильности/ошибочности частных поступков и поведения. Жизнь воспринимается как божественный дар, как чудо, даже если ей сопутствуют неудачи, болезни. «У меня тяжело болеет дочь, но это не повод для уныния. Мы вместе, и это важно, мне помогают, даст Бог, справимся» (ж., 1941 г.р.).

Травматические биографические ситуации прошлого либо перестали рассматриваться как негативные, разрушительные и обрели позитивный смысл, положительную оценку, либо в отношении них уменьшилась степень негативных эмоциональных переживаний. Основным итогом этих изменений, как и в случае с переоценкой собственных жизненных ошибок, стало обретение душевного мира, внутреннего принятия обстоятельств своей жизни.

Православные пожилые отметили факт формирования толерантного отношения к несовершенствам мира, людям, а с ним – избавление от постоянного недовольства, раздражения, гнева. «Терпимее, что ли, становишься к людям. Хоть и есть грех осуждения. Вот такой грех осуждения он присутствует, никак его не стереть, но, собственно говоря, вот терпимее к людям становишься» (ж., 1949 г.р.).

Такое отношение помогает минимизировать как внутреннее состояние конфликтности, так и возможность реализации этой конфликтности в отношениях с окружающими. Усвоение религиозных постулатов имеет значение психологических протекторов, позволяющих преодолевать негативные эмоциональные переживания, состояния. В качестве одного из болезненных и значимых переживаний в пожилом возрасте информанты называли переживание страха смерти. «И вот этот уход навечно и бесконечно – это у меня главный страх Божий. Ну, грешу я бесконечно, Господи! Может быть, Господь простит. Надежда просто на Его милосердие бесконечное» (ж., 1941 г.р.).

В этом нарративе религиозно интерпретируется смерть как событие, за которым следует другое состояние жизни. Страшит не столько сам факт смерти, который неизбежен, сколько «посмертная участь души». Религиозные установки в данном случае формируют особый профиль личной танатофобии, вектор которой смещается с идеи конечности человеческой жизни на идею качества «загробной жизни». В свою очередь, качество «загробной жизни» в контексте религиозной установки, с одной стороны, определяется информанткой как закономерный результат ее настоящего нравственного поведения, а с другой стороны, как возможность реализации «божественного милосердия». Религиозная установка помогает психологически справиться с ожиданием смерти, так как содержит возможность реинтерпретации феномена смерти как события продолжения жизни в другом качестве.

Другое кризисное переживание, которое информанты преодолевают с помощью религиозных установок, имеет отношение к переживанию тревоги за своих умерших родственников, близких людей. Насколько образы умерших родственников сохраняют свое значение в психической реальности респондентов, настолько для них является важным обретение эмоционально позитивного отношения к этим образам. «Сына я покрестила. Я рада, что сын крещеный, что я могу за него нормально молиться. И вот мужа тоже, я очень рада, что я их покрестила» (ж., 1938 г.р.).

Религиозные установки помогают справиться с тревогой за жизнь и здоровье своих живых родных и близких. «Каждый день я молитвы о детях читаю. Я знаю, что если я о детях прочитаю, то они весь день пробудут и живыми вернутся – это меня успокаивает» (ж., 1948 г.р.).

Информанты указали на то, что благодаря молитве они преодолевают не только состояние тревоги, но и состояния печали, уныния. Референтной точкой такого сценария, по мнению нашей информантки, становится чтение Псалтыря: «когда мне грустно,

что-нибудь тяжелое на душе, я знаю, что нужно сделать, надо встать и помолиться. “Псалтырь” почитать, 26, 50, 90 псалмы, и у тебя настроение сразу будет просто прекрасное» (ж., 1949 г.р.).

Одна из пожилых прихожанок вспоминает, что она сильно переживала факт отъезда своей внучки с матерью за границу для постоянного проживания. Преодолеть тяжелое душевное состояние помогла молитва к Пресвятой Богородице – стоя у иконы Пресвятой Богородицы, она плакала и молилась ей, и через какое-то время совершенно успокоилась. Кардинальное изменение эмоционального состояния, как и скоро последующее возвращение внучки из-за границы, она оценила исключительно в контексте смысла религиозного участия: «и вдруг тут такие живые глаза у нее (у Богородицы), и такой пристальный взгляд, как будто на фотоаппарате сфотографировали. Как будто она приблизилась ко мне, и как будто говорит: “Успокойся, приедет твоя внучка. Будешь причащать свою внучку. Исполню я твое желание”. Мои слезы прекратились, и тут моя внучка вскоре вернулась» (ж., 1948 г.р.).

В нарративах пожилых прихожан встречалось указание на то, что обретенные религиозные установки помогают им преодолеть личные травматические переживания, трудности, в том числе связанные с нездоровьем в пожилом возрасте. «Я даже в повседневной молитве прошу: “Господи, Всемогуший Бог, Наш Отец! Я благодарю Бога за то, что Он помогает мне преодолевать те боли, те невзгоды, которые причиняет мне болезнь, а у меня их сорок семь”» (ж., 1926 г.р.).

По мнению пожилых прихожан, во всех сферах жизни, во всех обстоятельствах и отношениях присутствует духовная составляющая, изменилась система ценностей, социальные и материальные ценности ушли на второй план, уступив место религиозно-нравственным. «Я поняла, что Господь хочет от нас. Любви Он хочет. Молитва, службы, правила, посты. Он хочет помочь нам стяжать любовь. Потому что любовь – это Бог, а Бог – это любовь. Любовь, сострадание могут не хуже армий стать способом борьбы с несправедливостью, стяжательством, сделать жизнь счастливее, успокоить старость» (ж., 1948 г.р.).

Религиозно-нравственные ценности и жизненные цели переформатировали жизненные проекты, открыли новые горизонты и возможности личной самоактуализации в пожилом возрасте.

Как показали результаты нашего исследования, солидаризирующие религиозные практики, как правило, четко организованы и скоординированы. По сути, они представляют собой комплекс групповой активности, состоящей из отдельных индивидуальных действий. Общим моментом участия в данных практиках стало расширение социальных связей пожилых прихожан, в том числе за счет интеграции в систему социальных отношений церковных приходов, их включение в эмоционально нагруженные социальные взаимодействия. Став членами конкретных православных приходских общин, включившись в их богослужебную и внебогослужебную деятельность, пожилые прихожане обрели личные контакты со священнослужителями, прихожанами, работниками приходских храмов. Часть пожилых прихожан, меняя церковный приход в процессе обращения в силу различных обстоятельств (ухудшения состояния здоровья, открытия храма, более близкого к месту проживания респондента, конфликтных ситуаций, перевода священника – духовного отца в другой храм), обрели обширные сети церковных контактов. Другие – ограничили свое взаимодействие одним церковным приходом. Во всех случаях расширение социальных контактов в церковной среде было многоуровневым и многоаспектным: разнородным, разновозрастным, разнофункциональным. Особую значимость имело расширение социальных связей одиноких пожилых людей, не имеющих собственной семьи, детей: «так получилось, что я по жизни одна. В старости это особенно ощущается. Были родственники, но их уже нет. Было ощущение, что, если ты старый, ты никому не нужен, не интересен, твой опыт устарел и тебе пора на мусорку. Но я-то понимаю, что не бесполезна, могу еще работать. Я считаю, что мне повезло, стала заниматься благотворительностью, а совместная деятельность сближает. Для меня наступил как бы новый этап в жизни.

Я познакомилась с интересными и добрыми людьми, причем, разного возраста, и с молодыми, и с пожилыми, с некоторыми из них подружилась. Теперь я не одна, сама помогаю по возможности и знаю, что забота и поддержка всегда рядом» (ж., 1952 г.р.).

В процессе участия в солидаризирующих практиках, как отметили пожилые прихожане, формируются дружеские отношения с разными людьми – участниками епархиального Православного общества милосердия, с редакторами епархиальных газет, с участниками православной волонтерской службы, с настоятелями православных храмов, их семьями. Одна из информанток, услышав от первого настоятеля своего приходского храма нравственное наставление о том, что православные верующие – одна семья, сделала это священническое послание своим жизненным ориентиром: «мы одна семья, батюшка – наш отец, поэтому мы друг о друге все должны знать, кому нужно принести продукты, лекарства, помочь по хозяйству, посидеть, почитать, мы – одна семья» (ж., 1950 г.р.).

Пожилый прихожанин объяснил, как поддержка и солидарность сообщества важны для преодоления трудностей в повседневной жизни: «разбирались с соседом по поводу границ участков земли. Я был выбит из колеи, очень переживал. Я никак не ожидал таких действий от соседа, которого знаю много лет. И тут я услышал, что все будут за меня молиться, кто-то предложил помощь, кто-то просто подбодрил меня. И мне это придало силы, я выиграл дело и очень прихожанам благодарен за поддержку» (м., 1950 г.р.).

Поддерживающая среда, отношения со священниками, их семьями, с православными верующими, обретенные в процессе реализации различного рода солидаризирующих практик, восполняют, по мнению пожилых прихожан, не просто недостающую семью, но расширенную многопоколенную семью, ресурсы которой не всегда доступны семейным людям. Благодаря образованным социальным связям, они смогли реализовать свои потребности в личном и социальном признании, в заботе, внимании, психологической поддержке. Для имеющих свои семьи религиозное участие обоих супругов способствовало налаживанию коммуникаций между ними. «Ну, мы говорили, и обсуждали, и советовались, и поправляли друг друга, иногда ругались, спорили. Она (жена) не во всем со мной согласна и до сих пор. Я не совсем с ней согласен. Она слишком, чрезмерно уповает, скажем, так, на волю Божию и на помощь. А наша свободная воля? Конечно, по-разному, но это очень хорошо. Расхождения обязательно будут. Но главное – движение в одну сторону, взаимопонимание и очень часто взаимопомощь» (м., 1941 г.р.). Значимым моментом оказалась коммуникативная составляющая взаимодействия в рамках участия в солидаризирующих практиках: «мы общаемся на равных, с уважением друг к другу. Вот моя дочь, да и зять, относятся ко мне, как к большому ребенку, от которого мало толка, у которого нет нужных знаний и его надо постоянно контролировать» (м., 1947 г.р.).

Ряд современных авторов обратили внимание на инфантилизацию пожилых людей как на распространенное явление в сфере семейного взаимодействия и во внесемейной коммуникации, суть которого заключатся в представлениях о пожилых как о некомпетентных и беспомощных, реализующихся в способе коммуникации с пожилым человеком как с ребенком в виде неоправданно покровительственной позиции. Такая коммуникативная стратегия нередко воспринимается пожилыми как ущемление их прав, как форма дискриминации [Микляева, 2018]. Еще одним солидаризирующим позитивным эффектом, по мнению прихожан пожилого возраста, стало освоение ими новых видов деятельности. Участие во внебогослужебной жизни церковной общины открыло им в пожилом возрасте возможность освоения новых видов хозяйственной, социальной, общественной деятельности. «Так получилось, что после выхода на пенсию, я стала петь в церковном хоре. Я специально пению не училась, вот уже 15 лет пою» (ж., 1937 г.р.). Другая информантка указала, что ей пришлось организовывать приходскую бухгалтерскую деятельность с нуля и совершенно самостоятельно, без какой-либо подготовленной базы и посторонней помощи. «Я даже не знала, с чего начинать! Здесь совершенно другая бухгалтерия! Здесь ни торговля, ни бюджетная организация. Ничего вообще близкого нет, ни циркулярных писем, ни инструкций никаких нет. Ничего! С чего начинать, как?! Я вот сама как-то. Как меня Господь вел, так я и начинала сама. Когда отчеты начала делать в епархию,

начала уже соображать. Я сначала выделила все счета, а потом начала их группировать, главную книгу заводить. Вот так осваивала новую для меня деятельность» (ж., 1948 г.р.).

Пожилые прихожане не только сами для себя осваивали новые виды деятельности, но и зачастую становились пионерами в организации или осуществлении того или иного вида приходской деятельности. Одним из позитивных эффектов религиозного участия представителей старшего поколения прихожан стало, по их мнению, пролонгирование профессиональной деятельности. К примеру, одна из пожилых прихожанок работала солисткой оперного театра и преподавала в консерватории, совмещала театральную и клиросную виды деятельности, но со временем оставила театр, продолжая петь на клиросе, стала преподавать в организованной при женском монастыре регентской школе, а затем в организованном при городском храме регентском училище. Пожилой прихожанин, основную часть своего жизненного и профессионального пути проработавший начальником лаборатории в КБ одного из ведущих промышленных предприятий города, впоследствии принимал активное участие в реставрационных работах. В интервью наши информанты, делясь своим опытом трудоустройства, который заканчивался неудачей («везде нужны молодые, а старики безнадежно отстали от жизни»), подчеркивают значимость продолжения своей социальной активности на данном возрастном этапе. При этом говорили об обретении духовной радости от того, что научились «пользоваться собой».

Разница в интенсивности религиозного участия, связанная с индивидуальными возможностями и предпочтениями, не предполагает альтернативного исключения «или-или», здесь есть выбор возможных комбинаций и замен. Оказалось, что включенность в заботливое сообщество и участие в разнообразных практиках является основанием, на котором возводятся конкретный опыт и переживание собственной старости. Эта включенность дает возможность пожилым прихожанам выйти из роли ненужного, забытого, больного человека и ощутить жизненный творческий потенциал. Интенция выхода за установленные, стереотипные пределы старости по своему содержанию амбивалентна, поскольку направлена одновременно и внутрь, и вовне: пожилой человек открывает границы своих возможностей. Причем, по мнению прихожан, реализация своих возможностей в солидаризирующих практиках осуществляется в «мягком режиме, нет необходимости приспосабливаться к современному темпу жизни, новым требованиям», каждый пожилой человек находит свою нишу, выбирает наиболее удобное ему расписание и вид деятельности. Если и возникают какие-либо трудности, препятствия, то они оцениваются пожилыми прихожанами как временные и преодолимые.

Заключение. По результатам исследования религиозное участие православных пожилых людей способствует формированию их повседневного событийного дискурса с определенными границами, центром и периферией, набором значимых оппозиций, системой означивания. Вариативность индивидуальных проекций участия связана прежде всего с социальным капиталом, умением ориентироваться в религиозной сфере. Усвоение религиозных ценностей приводит к их утвердительному использованию, формирует внутреннюю «ментальную» логику, влияющую на повседневные решения и поведение в направлении ощущения полноты жизни, личной и социальной значимости, безопасности в заботливом сообществе. Контрастирующий эффект участия пожилых прихожан заключается в смещении внимания от проблем, связанных со здоровьем, зависимостями, к проблемам мобилизации собственных ресурсов, к актуализации моральной чувствительности, определяющей способность пожилых прихожан воспользоваться существующими возможностями. Информанты позитивно оценивали свой опыт участия преимущественно не в прагматических, а морально-религиозных терминах. Усвоение смысловых религиозных структур позволяет транспонировать религиозные идеалы и ценности на анализ своих ошибочных действий, неправильных решений. Переосмыслив их в контексте религиозной целевой ориентации, человек приобретает душевное равновесие. Религиозные установки выполняют функцию арбитра в случае конфликта интересов, определяют смысловое поле повседневной жизни пожилых людей, обращенных в православие. Интернализированные религиозные ценности, соотнесенные с ситуациями, становятся побудителями активности пожилых людей, способами отношения к миру, содержащими понимание уместности

определенного образа действия. В модусе возможных действий они переключают регистры восприятия, затеняя одни проблемы и высвечивая другие. В определенном смысле происходит отмежевание от части мира, которая представляется недостижимой и незнакомой, не доступной для контроля и речевого контакта. И в тоже время интернализированные религиозные ценности раскрывают новый порядок значений, формируют внутреннюю смысловую среду действий, в которой маловероятна двусмысленность поступка, двусмысленность моральной оценки. Пожилые прихожане выстраивают перспективу на будущее, обретая жизненные ориентиры, в отличие от пожилой киногероини, которая на вопрос о своем будущем ответила: «В моем возрасте я даже зеленые бананы не покупаю» (Отель Мэригольд). Религиозное участие пожилые прихожане рассматривают как залог сохранения своей жизнеспособности, возможность ставить перед собой задачи, которые традиционно обозначаются как исчерпанные с наступлением старости – личной и профессиональной востребованности, мобильности, конструирования социального ландшафта. Пожилые прихожане отметили позитивные изменения не только в том, «что и как делать», но и личностные изменения. Для пожилых прихожан важным является позитивный эмоциональный настрой, так как он выступает индикатором внутренних трансформаций, а не реакцией на внешние жизненные обстоятельства. Религиозное участие пожилых прихожан является и способом заботы о себе, уменьшая чувство одиночества, наполняя смыслом их жизнь, помогая справиться с неблагоприятными жизненными проблемами, способствуя тем самым ощущению благополучия. Приобретение полезных навыков, общение, новые знакомства, ощущение своей значимости в ходе религиозного участия доступны пожилым людям с разным уровнем здоровья, финансовой обеспеченности вне господствующих в современном обществе парадигм – соперничества и результативности. Религиозное участие можно анализировать с точки зрения альтернативного опыта позитивного старения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман. З., Донскис Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / Науч. ред. М.А. Симакова. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2019.
- Видясова Л.А., Григорьева И.А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник СПбГУ. Социология. 2023. Т. 16. № 1. С. 4–26.
- Евсеева Я.В. Успешное старение: история и современность // Успешное старение: социологические и социогеронтологические концепции / Под ред. М.А. Ядовой. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 15–29.
- Елютина М.Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231–248.
- Елютина М.Э. Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов: Сарат. ун-т, 2017.
- Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124.
- Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223.
- Рождественская Е., Маланина В., Клемашева Е. Предикторы инвестирования в капитал здоровья старшего поколения // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21(4). С. 647–660.
- Уфимцева Е.И. Процесс обращения в контексте православной религиозности // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2022. № 3. С. 289–297.
- Bulow M.H., Soderqvist T. Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept // Journal of Aging Studies. 2014. Vol. 31. P. 139–149.
- Edgell P, Gerteis J, Hartman D. Atheists as «Others»: Moral Boundaries and Cultural Affiliation in American Society // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. P. 211–234.
- Edmondson R. Ageing, Insight and Wisdom: Meaning and Practice across the Life Course. Bristol: Policy Press and Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Galen J.W. Does religious faith promote prosociality? Critical analysis. Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138. P. 876–906.
- Wahl H-W. Aging Success fully: Possible in Principle? Possible for all? Desirable for all? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2020. Vol. 54. P. 251–268.

PRACTICES OF RELIGIOUS PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF POSITIVE AGEING PROJECT

ELYUTINA M.E.*, UFIMCEVA E.I.*

*Chernyshevsky Saratov National Research State University, Russia

Marina E. ELUTINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (elutina133@mail.ru); Ekaterina I. UFIMCEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (ufim75@mail.ru). Both – Chair of Sociology of Social Work, Chernyshevsky Saratov National Research State University.

Abstract. The article discusses the religious participation practices in the context of the positive ageing project. It is shown that the formation of a positive old age project, adequate to the challenges of the time, is based on the analysis of diverse and inclusive experiences, not limited to ideas that boil down only to health, wealth and comfortable leisure. The experience of various social groups of the population is interesting and useful for designing a positive old age project. In this article, we combine ageing and the experience of religious participation, the analysis of which was carried out *via* in-depth interviews as part of a field study of the process of conversion to Orthodoxy. Based on interviews with elderly parishioners of the Russian Orthodox Church, the authors show how habitus (cognitive, emotional, motivating structures) functions with elderly people converted to Orthodoxy in different types of religious participation, reproducing and changing values, identities, inner experiences at the gerontological stage of their life path. The analysis of in-depth interviews with religiously converted people permitted to identify a variety of socio-religious solidarity practices, as well as to show positive effect of religious involvement for maintaining trust, participation, activity, and for “capitalizing hope” for a better outcome in difficult life situations at a late age.

Keywords: positive old age, practices of socio-religious solidarity, conversion to Orthodoxy, religious attitudes, practices of professional mobility in a religious environment.

REFERENCES

- Bauman Z., Donskins L. (2019) *Current Evil: Living in a World Without Alternatives*. St. Petersburg.: Izd-vo I. Limbaha. (In Russ.)
- Bulow M.H., Soderqvist T. (2014) Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31: 139–149.
- Edmondson R. (2015) *Ageing, Insight and Wisdom: Meaning and Practice across the Life Course*. Bristol: Policy Press and Chicago: University of Chicago Press.
- Elyutina M.E. (2017) *Social existence of old age: archive of opinions*. Saratov: Sarat. un-t. (In Russ.)
- Elyutina M.E. (2023) The conceptual metaphor of old age. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 2: 231–248. (In Russ.)
- Evseeva Ya.V. (2020) Successful aging: History and modernity. In: Yadova M.A. (ed.) *Successful aging: sociological and sociogerontological concepts*. Moscow: INION RAN: 15–29. (In Russ.)
- Miklyayeva A.V. (2028) Infantilization of the elderly in everyday interaction: towards a problem statement. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 1: 109–124. (In Russ.)
- Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023) Social activity and participation of older Russians in the context of active longevity. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 1: 200–223. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya E., Malanina V., Klemashova E. (2018) Predictors of investing in the health capital of the older generation. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 21(4): 109–124. (In Russ.)
- Ufimceva E.I. (2022) The process of conversion in the context of Orthodox religiosity. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya* [Herald of Saratov University. Sociology. Politology]. No. 3: 289–297. (In Russ.)
- Vidyasova L.A., Grigorieva I.A. (2023) The subject field of active / delayed aging research: the results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik SPbSU. Sociology* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. Vol. 16. No. 1: 4–26. (In Russ.)
- Wahl H-W. (2020) Aging Success fully: Possible in Principle? Possible for all? Desirable for all? *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 54: 251–268.

Received: 27.04.24. Final version: 03.06.24. Accepted: 14.06.24.

© 2024 г.

Т.А. ГУРКО

ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОДИНОЧНОГО ПРОЖИВАНИЯ

ГУРКО Татьяна Александровна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (tgurko@yandex.ru).

Аннотация. Анализируются основные понятия, эмпирические критерии и результаты исследований, представленные в специальных выпусках зарубежных журналов по проблематике одиночных домохозяйств и одиночества. Распространенность одиночного проживания в России рассматривается на основе данных Всероссийской переписи населения (ВПН-2002, 2010, 2020), Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН-2022) и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ-2009, 2021, 2022). В России доля одиночных домохозяйств в городах с 2002 по 2021 г. увеличилась вдвое и составила 43,8%, в сравнении с развитыми странами показатель высокий. Изменился баланс проживающих в одиночных домохозяйствах в городах по возрастным группам, увеличилась доля россиян трудоспособного возраста в составе одиночных домохозяйств с 46,9% в 2002 г. до 59,6% в 2021 г. Согласно РМЭЗ НИУ ВШЭ среди проживающих в одиночных домохозяйствах больше мужчин в молодом и среднем возрастах, женщин – в пожилом. Установлено, что среди городских мужчин и женщин в возрасте 36–59 лет, проживающих без партнерши/партнера, в два раза больше неудовлетворенных жизнью и имеющих нервные расстройства в сравнении с ровесниками супругами/сожителями. Несущественны различия по таким индикаторам, как курение, употребление алкоголя, оценка здоровья и материального положения. Значимо меньше городских женщин в возрасте 60 лет и старше, не имеющих родных (или официально усыновленных) детей, удовлетворены жизнью в сравнении со сверстницами, имеющими детей.

Ключевые слова: домохозяйства, состоящие из одного человека • проживающие в одиночку • добровольно/вынужденно одинокие • брачно-партнерский статус • пол • возраст • дети • индикаторы благополучия

DOI: 10.31857/S0132162524050096

Введение. «Одиночные домохозяйства», «проживающие в одиночку, без партнерши/партнера», «субъективное переживание одиночества» – различные понятия в контексте анализа проблематики одиночества.

В российской социологии семьи работ по этой теме относительно немного. В 1980-е гг. одиноками предлагалось считать людей, не состоявших в юридическом браке, которые ранее никогда не состояли в браке или были разведены/овдовели после наступления тридцатилетия, поскольку с этим возрастом связывалось окончание молодого периода. В зависимости от намерений вступить в брак и создать семью выделялись сознательно и вынужденно одинокие [Гурко, Мацковский, 1989: 7]. Одиночество

по-разному переживается женщинами и мужчинами, на различных этапах жизненного пути¹. В исследовании мужчин в возрасте 30–60 лет в городах, не состоящих в браке на момент исследования и ранее не вступавших в брак, было показано, что около половины их добровольно одиноки [Черепухин, 1995: 8]. Для определения социальной группы одиноких женщин использовался критерий брачного статуса, а также наличия постоянного партнера. Выделено три типа женского одиночества, определяющих склонность к определенному поведению: одиночество «на комплексах», «на идеалах» и «на амбициях» [Романова, 2006: 14]. Проводился анализ российских исследований специфики переживания одиночества в различные периоды жизни: подростками, молодежью в период профессионального становления и пожилыми людьми [Пузанова, 2008].

На данных мониторинга «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) сделан вывод о тенденции увеличения среднего числа партнеров в течение жизни, систематическом уменьшении доли людей, выбирающих брак, повышении доли одиноких, снижения числа вторых браков, вытесняемых сожительством [Артамонова, 2018: 127]. Однако не указано, в каком возрасте зафиксированы эти тенденции и как эмпирически определялись одинокие. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, доля состоящих в повторном браке в возрастной группе 36–59 лет в городах стабильна – 10% в 2009 г. и 11% в 2022 г., так же, как и сожителей – 10 и 9% соответственно. Ежегодное повышение в последние десятилетия возраста мужчин и женщин, регистрирующих брак², не означает, что россияне от него отказываются. Согласно ВПН-2020³ в возрасте 50 лет и старше в городах не более 2% мужчин и 5% женщин никогда не состояли в браке либо супружеском союзе, по данным ВНДН-2022 – менее 3% мужчин и женщин⁴.

Обманчиво простая задача зафиксировать одиночество эмпирически, концептуально или теоретически не поддается простому решению [Lavender-Stott et al., 2023: 380]. Выделяют уединенность как нормальное и преходящее умонастроение, предоставляющее возможности для рефлексии, и одиночество как непреодолимое, постоянное ощущение [Перлман, Пепло, 1989: 153]. Примером творческого уединения может служить жизненный опыт российского ученого-обществоведа И. С. Кона, представленный им в монографии «80 лет одиночества» [Кон, 2008]. Одиночество как субъективное переживание может быть хроническим или ситуативным. Эмоциональное, социальное и экзистенциальное одиночество являются соответственно реакциями на воспринимаемый дефицит близости, социальной интеграции и смысла жизни [Delafontaine et al., 2023: 19].

В социологии одиночество – это переживание дефицита качественных социальных связей и общения [Покровский, Иванченко, 2008], в понимании З. Баумана – «доминирующий образ жизни индивида в современном обществе, выражающийся в отчуждении и социальной изоляции... Это вирус современной эпохи» [Словарь..., 2019: 79].

Неопределенность понятийного аппарата затрудняет эмпирическое изучение одиноких. Сожительства в России законодательно не регулируются, по-разному называются и операционализируются в исследовательской практике. Синонимами являются консенсуальные союзы, незарегистрированные браки, партнерства [Исупова, 2015]. Пары, существующие в формате свиданий, условно названы романтическими, а пары, ведущие

¹ Особенности женского и мужского одиночества в мегаполисе в зрелом возрасте представлено в фильме А. Шахназарова «Нежность», в котором главный герой перефразировал известное изречение Л. Н. Толстого: «Все люди одиноки по-разному, а неодинокое одинаково».

² Браки по возрастам жениха и невесты 1960–2022. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.02.2023).

³ Итоги ВПН-2020. Том 2. Таблица 5. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 21.01.2024).

⁴ Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах – 2022 (160 тысяч домашних хозяйств). Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html (дата обращения: 23.11.2023).

совместное домохозяйство – интимным сожительством» [Двое в обществе, 2020: 9]. Вопрос о проживании вместе с партнершей/ партнером/ без регистрации отношений включен в РМЭЗ НИУ ВШЭ. В Европейском социальном исследовании⁵, РидМиЖ⁶ сожительство определяется эмпирически как совместное проживание партнеров более трех месяцев. В исследованиях Росстата сожительства – это незарегистрированный брак (КОУЖ-2022⁷), незарегистрированный супружеский союз (ВРН-2020, ВНДН-2022, РПН-2022⁸), длительность проживания партнеров не фиксируется. Считать сожительство браком неправомерно не только юридически. Не все сожители сами считают себя супругами. Так, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ-2022, 8% мужчин и женщин в возрасте 25–60 лет, имеющих детей, и соответственно 10 и 19% не имеющих ответили, что живут вместе с партнершей/партнером, но не считают себя мужем/женой.

В российском законодательстве одиноким считается гражданин, не состоящий в браке, не имеющий родственников, обязанных по закону содержать его и оказывать ему необходимую помощь⁹. Согласно законодательству Москвы, одиноко проживающий гражданин не имеет других лиц, зарегистрированных совместно с ним по месту жительства¹⁰.

Проживающие в одиночку не обязательно одиноки, в то же время одиночество могут переживать и не одиноко проживающие. Понятие «одинокый брак» использовалось для акцента на фактическом одиночестве супругов в период разделения ролей в браке (муж – добытчик, жена – домохозяйка). Мужья часто переживали одиночество, возвращаясь домой к несочувствующим членам семьи, погрязших, с его точки зрения, в хозяйственных заботах, его одиночество смягчалось успехами в карьерном продвижении. Для жен-домохозяек одиночество означало дефицит общения, отставание в личностном и профессиональном развитии [Сейдебергер, 1989: 412].

В России между переписями 2002 и 2021 гг. доля домохозяйств, состоящих из одного человека в городах, увеличилась вдвое и составила 43,8% (рис. 1). На фоне данных по развитым странам показатель достаточно высокий. Возможно, российская методология определения одиночных домохозяйств отличается от зарубежной.

Изменился баланс проживающих в одиночных домохозяйства по возрастным группам, увеличилась доля представителей трудоспособного возраста¹¹ (рис. 2). Таким переменам, вероятно, способствовали экономическая независимость взрослых детей от родителей, повышение возраста формирования семьи и рождения детей, практики интимных и брачных отношений в разных домохозяйствах и разных странах.

На сегодняшний день недостаточно знаний о том, распространяется ли одиночный стиль проживания как альтернатива семейному образу жизни в связи с добровольной бездетностью, спецификой профессиональной деятельности, либо является вынужденным из-за проблем поиска и выбора партнера. Гипотетически добровольный, а не вынужденный

⁵ Европейское социальное исследование (ЕСИ-2018). URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 29.10.2023).

⁶ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РидМиЖ-2011). Единый архив экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml? ID_5=2319&T=q (дата обращения: 29.11.2023).

⁷ Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022 г. (КОУЖ-2022). Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 19.11.2023).

⁸ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 г. (РПН-2022). Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 19.11.2023).

⁹ Академик. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. URL: https://normative_reference_dictionary.academic.ru/44396/одинокый_гражданин?ysclid=lu85xh32pv978620855 (дата обращения: 19.03.2024).

¹⁰ п. 4.1 Постановления Правительства Москвы от 22.07.2008 № 639-ПП; ст. 3 Закона Московской области от 22.10.2009 № 120/2009-ОЗ. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/odinoko_prozhivayuschij_grazhdanin_jeto/?ysclid=ltxlxhdqu731127209 (дата обращения: 19.03.2024).

¹¹ В 2020 г. по методологии Росстата мужчины трудоспособного возраста 16–61,5 лет, женщины – 16–56,5 лет.

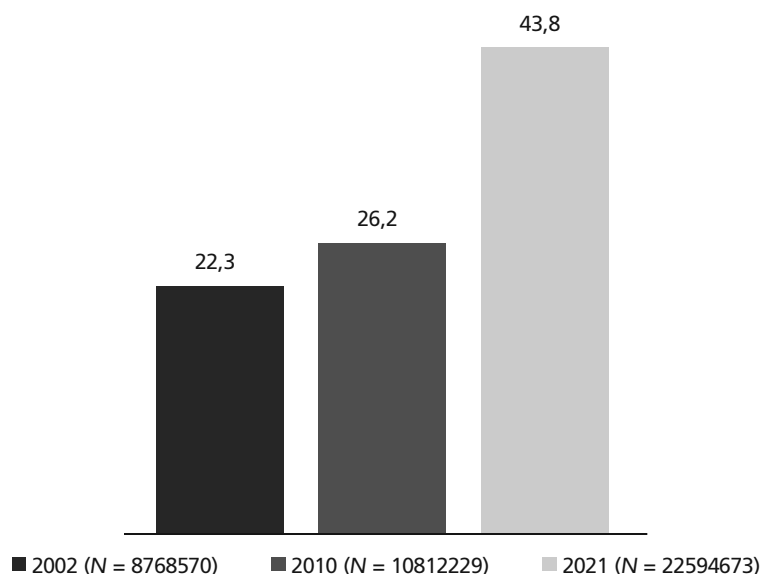

Рис. 1. Динамика доли частных домохозяйств, состоящих из одного человека, в городах РФ по данным переписей, в %

Источник: Рассчитано по ВПН-2002. Том 6. Таблица 1. Частные домохозяйства и домохозяйства бездомных по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18>; ВПН-2010. Том 6. Таблица 2. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; ВПН-2020. Том 8. Таблица 2. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhajstv (дата обращения: 20.01.2024).

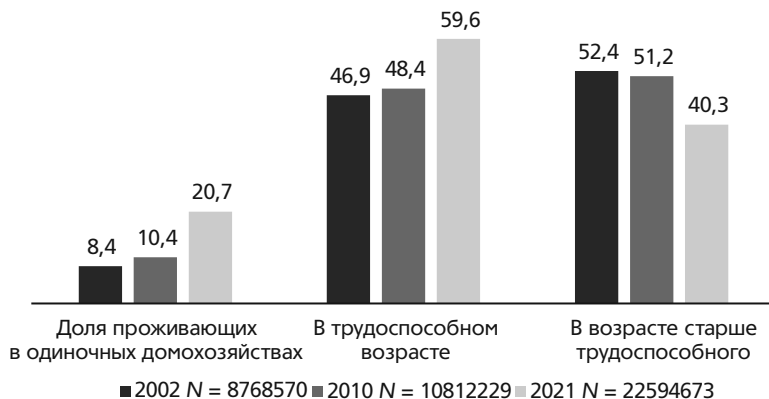

Рис. 2. Динамика проживающих в одиночных домохозяйствах в городах РФ по возрастным группам по данным переписей, в %

Источник: Рассчитано по ВПН-2002. Том 6. Таблица 8. Население частных домохозяйств, состоящих из одного человека, по источникам средств к существованию и возрастным группам. Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18>; ВПН-2010. Том 6. Таблица 9. Население частных домохозяйств, состоящих из одного человека, по источникам средств к существованию и возрастным группам. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; ВПН-2020. Том 8. Таблца 7. Население частных домохозяйств, состоящих из одного человека, по основному источнику средств к существованию и возрастным группам. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhajstv (дата обращения: 20.01.2024).

выбор создает ощущение благополучия. В то же время мало данных о том, существенно ли отличается образ жизни и индикаторы благополучия у проживающих в одиночных домохозяйствах (или без партнеров) от ровесников, состоящих в браке или сожителей.

Распространенность одиночных домохозяйств в других странах. Специальный анализ данных с 1960 по 2019 г. зафиксировал тенденцию роста домохозяйств, состоящих из одного человека в 53 из 75 стран [Cohen, 2021: 2]. В Европе и США наблюдаются самые высокие показатели роста наряду с двумя африканскими странами (Южная Африка и Ботсвана), Израилем, Ямайкой и Пуэрто-Рико. В развивающихся странах значительны различия по полу, поскольку молодые женщины проживают с родственниками [Esteve et al., 2020: 183]. Коррелируют национальный доход на душу населения и доля домохозяйств, состоящих из одного человека. В богатых странах люди с большей вероятностью живут одни [Ortiz-Ospina, 2019], а также в странах, где жилье доступно благодаря субсидиям и значителен сегмент государственного жилья, например, в Скандинавских странах [Bergström M., Brée: 472].

Согласно обследованию рабочей силы в ЕС в 2022 г. (EU-LFS-2022), доля домохозяйств взрослых, проживающих в одиночку без детей в целом по Европейским странам, составила 36%, при этом наивысший показатель в Эстонии (52%), Дании (49%), Литве (48%), а наименьший в Словакии (17%), Португалии (23%) и Греции (26%)¹². По данным последних переписей в США было 28% одиночных домохозяйств в 2020 году¹³, в Канаде 29%¹⁴, в Австралии 26% в 2021 году¹⁵.

Существенны различия среди азиатских стран: в Японии, Южной Корее и Тайване показатели схожи с англоговорящими странами, в Индии, Шри-Ланке и Вьетнаме – ниже 7% [De Vaus, Qu, 2015: 4]. В Китае одиночные домохозяйства составляют около четверти, одним из весомых факторов их распространения является внутренняя миграция. Такие домохозяйства сконцентрированы в экономически развитых районах, где временно проживают представители рабочего класса, не имеющие возможности жить там со своими семьями из-за высокой стоимости жилья [Cheung, Yeung, 2021: 280]. В таких странах Азии, как Индонезия, Бангладеш, Камбоджа, Сингапур и Мьянма, большинство одиночных домохозяйств состоит из пожилых женщин и молодых мигрантов. Прогнозируется их дальнейшее увеличение из-за снижения рождаемости, откладывания браков, увеличения числа разводов [Yeung, Cheung, 2015: 1108]. Во Вьетнаме увеличение одиночных домохозяйств связывается преимущественно с откладыванием брака и внутренней миграцией молодежи [Guilmoto, Loenzien, 2015: 1147]. В Индии распространенность одиночных домохозяйств невелика по сравнению с другими частями Азии, уровень брачности и рождаемости высокий, разводов мало. Тем не менее новые экономические возможности как для молодых мужчин, так и женщин создают условия меньшей зависимости от родителей в решении жилищной проблемы и предпосылки для увеличения доли одиночных домохозяйств [Dommaraju, 2015: 1240].

Таким образом, тенденция увеличения доли домохозяйств, состоящих из одного человека, становится глобальной и по-разному проявляется в зависимости от уровня модернизации стран, степени ослабления патриархата, влияния социально-экономических и культурных факторов.

¹² Рассчитано по: Household composition statistics. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Household_composition_statistics (дата обращения: 23.01.2024).

¹³ U.S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2022/americas-families-and-living-arrangements.html> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁴ Infographic 1. One-person households remain predominant in 2021. Statistics Canada. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220713/dq220713a-eng.htm?indid=32985-1&indgeo=0> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁵ The Australian Institute of Family Studies. URL: <https://aifs.gov.au/media/households-shrink-more-people-living-alone> (дата обращения: 23.01.2024).

Эмпирические критерии одиночества в зарубежных исследованиях. Тенденция роста никогда не состоявших в браке, проживающих в одиночку, без партнерши/партнера, а также не имеющих постоянных отношений людей анализируется с помощью разных теоретических подходов. Многие исследователи используют теорию второго демографического перехода [Choi, Qian, 2023; Palós et al., 2020; Raymo, 2015; Setyonaluri et al., 2020]. Безбрачие также рассматривается как результат социального неравенства, определенные социальные группы (например, малообеспеченные) не имеют возможности создать семью. В то же время одиночество само по себе является источником маргинализации. Понятие «синглизм» означает стигматизацию и стереотипизацию одиноких людей как неудачников [DePaulo, 2023]. Социальные науки создают жалкий образ одиноких людей, особенно женщин [Bergström, Brée, 2023: 468; Tessler, 2023: 445]. Подчеркивается и важность применения подхода интерсекциональности с целью выработки мер социальной политики в отношении особых групп одиноких [Kislev, Marsh, 2023; Lavender-Stott, 2023]. Подход жизненного пути применяется для изучения одиночного проживания как периода жизни [Bergström, Brée, 2023: 468]. Судя по данным исследований в западных странах, люди более длительный период стали жить одни или без постоянных отношений.

Обычно исследователи выделяют добровольно одиноких, не намеревающихся жить в браке и вынужденно одиноких. Добровольный отказ от семейной жизни выбирается для продолжения образования, построения карьеры, социальной активности [Fitzpatrick, 2023: 509]. Проблемой остается вынужденное одиночество. Около четверти греков и китайцев, являющихся вынужденно одинокими, хотя, но не могут найти спутницу/ка для совместной жизни [Apostolou, Wang, 2019: 3]. Распространение вынужденного одиночества в Южной Корее среди молодежи репродуктивного возраста, завершившей образование объясняется несовместимостью консервативных конфуцианских ценностей фамелизма с реалиями высокотехнологичного общества [Ho, 2015: 1300]. Необходимость вкладывать значительные средства в образование детей вынуждает отказываться от брака и родительских обязанностей [Choi, Qian, 2023: 37]. В Японии так же, как и в Южной Корее, внебрачные деторождения и сожительства стигматизируются. В 2020 г. 28% мужчин японцев и 18% женщин никогда не были женаты/замужем в возрасте 50 лет и старше в сравнении с 2 и 3% в 1970 г. соответственно. Отношение к браку амбивалентное, японцы находятся в постоянном поиске, но в результате живут со своими родителями [Yoshida, 2023: 550–553]. Их часто уничижительно характеризуют как «одиноких аристократов» или «одиноких тунеядцев» [Raymo, 2015: 1270].

Одним из направлений исследований одиночества является изучение благополучия пожилых людей. В таких странах, как Мьянма, Вьетнам и Таиланд важным фактором благополучия пожилых, проживающих в одиночных домохозяйствах, является географическая близость взрослых детей. Пожилые люди, которые живут одни и не имеют детей, являются наиболее уязвимой группой во всех трех странах [Teerawichitchainan et al., 2015: 1329]. В Южной Корее пожилые старше 60 лет, проживающие в одиночных домохозяйствах, вели менее здоровый образ жизни в отношении питания, физических упражнений, употребления алкоголя и курения в сравнении с проживающими в домохозяйствах, состоящих из нескольких человек [Lee, Lee, 2021: 80]. Сравнение образа жизни американских пожилых женщин различного брачного статуса позволило установить, что никогда не состоявшие в браке активно участвуют в общественной жизни, занимаются волонтерской деятельностью, имеют обширные социальные связи и хорошие показатели здоровья [Ermer, Keenoy, 2023: 605]. В исследовании сексуальных отношений американских женщин среднего возраста от 45 до 65 лет, проживающих без партнера, проверялась гипотеза «двойного риска», согласно которой зрелым женщинам живется хуже, чем мужчинам, с точки зрения финансовой стабильности, здоровья и сексуального партнерства из-за совокупного воздействия эйджизма и дискриминации по полу [Luke, Poulin, 2023]. Гипотеза подтвердилась частично. Одни женщины имели полноценные сексуальные отношения, другие намеренно заменяли секс на отношения с близкими людьми. Тем не менее многие

не устраивали свою сексуальную жизнь из-за боязни осуждения со стороны родственников и ближайшего окружения [Luke, Poulin, 2023: 590–591].

Выделяют профессионально, экономически (например, по причине правил наследования) и религиозно обусловленное одиночество в смысле безбрачия [Bergström M., Brée: 479–480]. В 1990-е гг. в России, например, мужчины, занятые бизнесом, намеренно не создавали семьи, чтобы не подвергать риску своих близких в ситуациях бандитских разбо-роков. На основе вторичного анализа американских данных выделены наиболее распро-страненные социальные категории людей, не имеющих партнеров: одинокие по убежде-нию; неромантические и/или асексуальные одиночки; высокообразованные карьеристки; соло-папы, борцы за права мужчин; верующие, соблюдающие целибат; одинокие после развода или вдовства, не желающие повторных отношений [Tessler, 2023: 454–459]. По крайней мере, в России, США установлена тенденция сокращения доли состоящих в браке мужчин и женщин со средним образованием и постепенным увеличением сре-ди имеющих высшее образование [Гурко, 2021: 64]. В развивающихся странах, например в Индонезии, обратная связь. Анализ состояния в браке с интервалом в 10 лет женщин и мужчин в возрасте 40–65 лет показал, что продолжение образования после окончания средней школы увеличивает вероятность остаться холостым или незамужней [Setyonaluri et al., 2020: 136].

В социологии семьи исследователи прежде определяли одиноких граждан по брач-ному статусу как не состоящих в браке, включая никогда не состоявших в браке, раз-веденных и вдов, а по мере распространения сожительств и как не проживающих вме-сте с партнером. В настоящее время предлагается учитывать два основных критерия для определения одиноких: тип проживания и наличие партнера [Bergström, Brée, 2023: 468; Mortelmans et al., 2023: 492]. Можно выделить четыре основных группы не проживающих в браке или сожительстве по этим критериям: «имеют партнера, живут с другими людьми (с детьми, родителями, другими родственниками, с соседями по комнате/квартире)»; «не имеют партнера, живут с другими людьми»; «имеют партнера, живут одни»; «не имеют партнера, живут одни».

Используется и переменная о наличии постоянных отношений. Например, в панель-ном исследовании Центра Пью (The American Trends Panel, 2019, N=5887), под одинокими понимались не состоящие в браке, сожительстве, а также не имеющие постоянных отно-шений, всего 31%. Причем эта доля значительно варьирует в зависимости от возраста, пола, этнической принадлежности, уровня образования и сексуальной ориентации. Чаще одиноки геи, лесбиянки и бисексуалы, афроамериканцы и имеющие невысокий уровень образования [Brown, 2020].

В Австралии изучались социальные особенности проживающих в одиночных домохо-зяйствах по полу. Установлено, что одиноко проживающие женщины чаще имеют более высокий уровень образования, квалификации и дохода, в сравнении с женщинами, жи-вущими с другими членами семьи. Больше одиноко проживающих мужчин имеют низкий уровень образования, невысокий доход и заняты на непрестижной работе в сравнении с живущими в семьях [Qu, De Vaus 2015: 4–11].

Одинокие в России. Доля граждан, проживающих в одиночных домохозяйствах в го-родах, увеличилась с 2002 г. более чем в 2 раза. В 2002 г. в числе всех проживающих в частных домохозяйствах их было 8,4%, в 2010 г. – 10,4%, в 2021 г. – 20,7% (рис. 2).

По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ-2021¹⁶, среди проживающих в одиночных городских домохозяйствах больше мужчин в молодом и среднем возрастах, женщин – в пожилом

¹⁶ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. RLMS–HSE web sites: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>, <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обраще-ния: 20.09.2023). Выборка по одиночным домохозяйствам в 2021 г. предоставлена З.Е. Дорофеевой.

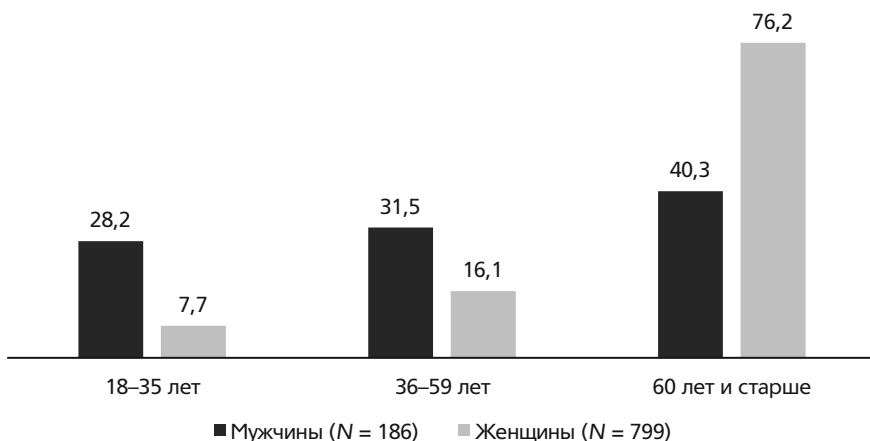

Рис. 3. Распределение проживающих в одиночных домохозяйствах в городах по полу и возрасту, РМЭЗ НИУ ВШЭ-2021, N = 985, в %

(рис. 3). В подгруппе одиноко проживающих 36–59-летних большинство мужчин (42%) и женщин (48%) разведены, мужчины чаще никогда не состояли браке (39%), среди женщин много вдов (24%). Женщин с высшим образованием (44%) больше, нежели мужчин (25%), так же как и специалистов высшего уровня квалификации – 30% женщин и 4% мужчин. Дисбаланс мужчин и женщин по социальному статусу в городах, в том числе и проживающих в одиночных домохозяйствах, не способствует формированию пар, созданию семей и рождению детей.

Отличаются ли состоящие в браке, сожители и проживающие без партнеров мужчины и женщины по имеющимся в базе данных индикаторам благополучия? По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ-2022, в возрастной подгруппе 36–59-летних представителей городского населения 61% мужчин и женщин состоят в браке, 12% – сожители и 27% проживают без партнерши/партнера.

По таким индикаторам, как курение, употребление алкоголя, оценка здоровья и материального положения, практически нет различий в зависимости от брачно-партнерского статуса мужчин и женщин. Можно видеть, что дифференцирующим является индикатор удовлетворенности жизнью (табл. 1). В 2 раза больше не удовлетворенных жизнью среди мужчин и женщин, проживающих без партнерши/партнера, в сравнении с супругами. Меньше удовлетворенных жизнью и среди женщин-сожительниц, но не мужчин-сожителей, которых, вероятно, чаще устраивает такая ситуация без обязательств. Почти в 2 раза больше мужчин и женщин, проживающих без партнеров, имели серьезные нервные расстройства, депрессии в сравнении с ровесниками, проживающими с супругами/партнерами.

В условиях нуклеаризации семей и увеличения продолжительности жизни все больше людей старше трудоспособного возраста проживают в одиночных домохозяйствах. В городах в 2002 г. их было 4596 658, в 2010 г. 5541 100, а в 2021 г. уже 9 101 862¹⁷.

Отсутствие детей можно рассматривать как один из критериев для эмпирического выделения одиноких. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ-2022, в возрасте 60 лет и старше в городах 8% мужчин и 9% женщин не имели родных или официально усыновленных детей: больше всего никогда не состоявших в браке мужчин (93%) и женщин (56%). Различий

¹⁷ Рассчитано по ВПН-2002. Том 6. Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18>; ВПН-2010. Том 6. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; ВПН-2020. Том 8. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 20.01.2024).

Таблица 1

Индикаторы благополучия мужчин и женщин в возрасте 36–59 лет в городах в зависимости от брачно-партнерского статуса, РМЭЗ НИУ ВШЭ-2022, N = 2682, в %

Индикаторы	Мужья (n = 796)	Сожители (n = 157)	Мужчины проживающие без партнерши (n = 214)	Жены (n = 831)	Сожительницы (n = 180)	Женщины проживающие без партнера (n = 504)
Курят	42,8	56,7	53,7	17,9	32,8	24,6
Употребляют хотя бы иногда алкогольные напитки	78,6	76,4	78,0	69,3	72,2	67,9
Оценивают здоровье как очень хорошее и хорошее	45,0	42,7	43,5	38,5	33,9	32,7
Полностью и скорее удовлетворены материальным положением	22,2	18,5	15,9	23,0	20,0	20,2
Не очень и совсем не удовлетворены материальным положением	49,7	57,3	59,3	51,0	60,0	59,5
Полностью и скорее удовлетворены жизнью	62,4	55,4	33,6	62,0	44,4	39,3
Не очень и совсем не удовлетворены жизнью	15,7	16,6	32,2	14,6	23,3	30,2
Имели в течение последних 12 месяцев серьезные нервные расстройства, депрессии	5,4	6,4	10,7	5,3	6,1	10,6

Таблица 2

Индикаторы благополучия мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше в городах в зависимости от наличия детей, родных или усыновленных, РМЭЗ НИУ ВШЭ-2022, N = 2292, в %

Индикаторы	Мужчины, имеющие детей (n = 637)	Мужчины, не имеющие детей (n = 54)	Женщины, имеющие детей (n = 1449)	Женщины, не имеющие детей (n = 152)
Курят	30,9	42,6	5,9	10,5
Употребляют хотя бы иногда алкогольные напитки	63,4	63,0	42,9	33,6
Оценивают здоровье как очень хорошее и хорошее	12,9	14,8	7,7	8,5
Полностью и скорее удовлетворены материальным положением	28,4	27,8	30,7	27,0
Не очень и совсем не удовлетворены материальным положением	45,5	50,0	47,8	50,0
Полностью и скорее удовлетворены жизнью	48,0	44,4	46,8	36,2
Не очень и совсем не удовлетворены жизнью	25,7	29,6	28,2	42,8
Имели в течение последних 12 месяцев серьезные нервные расстройства, депрессии	7,1	11,1	10,7	13,8

по уровню образования, принадлежности к определенной религии не установлено, бездетные мужчины лишь чаще пользуются Интернетом для развлечений.

Сравнивались индикаторы благополучия у мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше, проживающих в городах, имеющих и не имеющих родных или официально усыновленных детей (табл. 2). По таким индикаторам, как употребление алкоголя, оценка здоровья, материального положения, наличие серьезных нервных расстройств, депрессии, различий нет. Лишь несколько больше мужчин, не имеющих детей, курят в сравнении с имеющими детей. Больше женщин, не имеющих детей, не удовлетворены жизнью (43%) в сравнении с имеющими детей (28%).

Таким образом, брачный статус предпочтителен с точки зрения психологического благополучия мужчин и женщин в возрастной группе 36–59 лет. Значимо меньше городских женщин в возрасте 60 лет и старше, не имеющих родных (официально усыновленных) детей, удовлетворены жизнью в сравнении со сверстниками, имеющими детей.

Заключение. Тенденция увеличения домохозяйств, состоящих из одного человека, становится глобальной. Причинами их распространенности можно считать увеличение продолжительности жизни, снижение уровня брачности и рождаемости, внутринациональную и межнациональную мобильность, экономическую независимость и самостоятельность женщин и взрослых детей, урбанизацию и нуклеаризацию семей, распространение ценностей индивидуализма, самореализации и толерантности к различным стилям жизни.

Неопределенность понятий затрудняет эмпирическое изучение одиноких. Так, нет единого определения сожительства, поскольку в России они законодательно не регулируются, по-разному называются и операционализируются исследователями. Имеет смысл ориентироваться на международные проекты и считать сожительством совместное проживание партнеров более трех месяцев. Множество теоретических определений одиночества предполагает и ряд критериев для выделения одиноких на эмпирическом уровне. Субъективное переживание одиночества измеряется с помощью психологических методик. В социологии семьи исследователи первоначально определяли одиноких по брачному статусу как не состоящих в браке, включая ранее никогда не состоявших в браке, разведенных и вдов, а по мере распространения сожительства и как не проживающих вместе с партнером. По критериям типа проживания и наличия партнера можно выделить четыре основных группы не проживающих в браке или сожительстве: «имеют партнера, живут с другими людьми (с детьми, родителями, другими родственниками, с соседями по комнате/квартире)»; «не имеют партнера, живут с другими людьми»; «имеют партнера, живут одни»; «не имеют партнера, живут одни».

Для прогноза тенденций развития института семьи важно знать, в какой мере увеличение одиноко проживающих мужчин и женщин в трудоспособном возрасте связано с сознательным выбором одиночного образа жизни или является вынужденной адаптацией к определенным жизненным обстоятельствам, включая трудности с поиском и выбором партнеров на фоне возросших требований к будущим супругам.

В ряде зарубежных работ оспариваются стигматизирующие нарративы одиночества и предлагается даже пересмотреть некоторые принципы социальной политики, например, в части налогообложения. В России тенденция одиночного проживания, в том числе в трудоспособном возрасте, вероятно, сохранится. Тем не менее, с точки зрения перспектив рождаемости, обнадеживает низкий уровень окончательного безбрачия мужчин и женщин и невысокий показатель бездетности женщин в сравнении с развитыми странами. Высокий уровень разводов отчасти компенсируется повторными браками. Сожительства являются скорее не альтернативой бракам, по крайней мере, среди образованных групп населения, а лишь этапом жизни для взвешенного выбора партнера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова А.В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847
- Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. DOI: 10.31857/S013216250014117-1
- Гурко Т.А., Мацковский М.С. Одинокий мужчина в большом городе (постановка проблемы) // Становление брачно-семейных отношений / Под ред. М.С. Мацкого, Т.А. Гурко. М.: ИС АН СССР, 1989. С. 7–24.
- Двое в обществе: интимная пара в современном мире / Под науч. ред. И.В. Ломакина. М.: ВЦИОМ, 2020.
- Исупова О.Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2(125). С. 153–164. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10
- Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
- Перлман Д., Пелло Л.Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества / Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 152–168.
- Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008.
- Пузанова Ж.В. Одиночество: возможности эмпирического исследования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2008. № 4. С. 28–38.
- Романова Н.П. Социальный статус одиноких женщин в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ: на материалах Забайкалья. Автореферат дисс... д. социол. н. Улан-Удэ, 2006.
- Сейдеберг Р. Одинокий брак в корпоративной Америке // Лабиринты одиночества / Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 411–432.
- Словарь новейшей социологической лексики с английскими эквивалентами / Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2019.
- Черепухин Ю.М. Социальные проблемы мужского одиночества в условиях крупного города. Автореферат дисс...к. социол. н. М., 1995.
- Apostolou, M., Wang, Y. The Association Between Mating Performance, Marital Status, and the Length of Singlehood: Evidence from Greece and China // Evolutionary Psychology. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 1–10. DOI: 10.1177/1474704919887706
- Bergström M., Brée S. Not a Single Meaning: Definition and Evolution of Singlehood in France and the United States // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 465–484. DOI: 10.1111/jftr.12519
- Brown A. A Profile of Single Americans. Pew Research Center's Social and Demographic Trends Project. 2020. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/08/20/a-profile-of-single-americans/> (дата обращения: 21.01.2024).
- Cheung A., Yeung W. Socioeconomic Development and Young Adults' Propensity of Living in One-person Households // Demographic Research. 2021. Vol. 44. Article 11. P. 277–306. DOI: 10.4054/DemRes.2021.44.11
- Choi K.H., Qian Y. The Rise of the Childless Single in South Korea // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 526–541. DOI: 10.1111/jftr.12507
- Cohen P.N. The Rise of One-Person Households // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2021. Vol. 7. P. 1–3. DOI: 10.1177/23780231211062315
- Delafontaine H., van Gasse D., Mortelmans D. Navigating the Theoretical Landscape of Loneliness Research: How Interdisciplinary Synergy Contributes to Further Conceptualizations // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 11–37. DOI: 10.1111/jftr.12492
- DePaulo B. Single and Flourishing: Transcending the Deficit Narratives of Single Life // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 389–411. DOI: 10.1111/jftr.12525
- Dommaraju P. One-person Households in India // Demographic Research. 2015. Vol. 32. Article. 45. P. 1239–1266. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.45
- Ermer A.E., Keenoy J.E. Singlehood During Later Life: Theoretical Considerations for Health and Social Relationships // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 595–613. DOI: 10.1111/jftr.12524
- Esteve A., Reher D.S. et al. Living Alone Over the Life Course: Cross-National Variations on an Emerging Issue // Population and Development Review. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 169–189. DOI: 10.1111/padr.12311
- Fitzpatrick J. Voluntary and Involuntary Singlehood: Salience of Concepts from Four Theories // Journal of Family Theory and Review. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 506–525. DOI: 10.1111/jftr.12526

- Kislev E., Marsh K. Intersectionality in Studying and Theorizing Singlehood // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 412–427. DOI: 10.1111/jftr.12522
- Lavender-Stott E.S., Guzzo K.B. et al. Kaleidoscopic Perspectives on Theorizing Singlehood // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 379–388. DOI: 10.1111/jftr.12532
- Lavender-Stott E.S. Queering singlehood: Examining the intersection of sexuality and relationship status from a queer lens // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 428–443. DOI: 10.1111/jftr.12521
- Luke N., Poulin M. Sex and Single Women in Midlife: Theoretical Perspectives, Recent Findings, and Future Directions // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 578–594. DOI: 10.1111/jftr.12518
- Mortelmans D., Claessens E., Thielemans G. Defining and Measuring Singlehood in Family Studies // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 485–505. DOI: 10.1111/jftr.12520
- Palós A., Kashyap R. et al. Demographic change and increasing late singlehood in East Asia, 2010–2050 // *Demographic Research*. 2020. Vol. 43. P. 1367–1398. DOI: 10.4054/DemRes.2020.43.46
- Qu L., de Vaus D. Living Alone and Personal Wellbeing // *Australian Family Trends* No. 10. Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2015.
- Raymo J. Living Alone in Japan: Relationships with Happiness and Health // *Demographic Research*. 2015. Vol. 32. Art. 46. P. 1267–1298. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.46
- Setyonaluri D., Maghfirah A., Aryaputra C. Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood // *Journal Studi Pemuda*. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 136–148. DOI: 10.22146/studipemudaugm.57995
- Teerawichitchainan B., Knodel J., Pothisiri W. What Does Living Alone Really Mean for Older Persons? A Comparative Study of Myanmar, Vietnam, and Thailand // *Demographic Research*. 2015. Vol. 32. Art. 48. P. 1329–1360. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.48
- Tessler H. The Stability of Singlehood: Limitations of the Relationship Status Paradigm and a New Theoretical Framework for Reimagining Singlehood // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 444–464. DOI: 10.1111/jftr.12506
- de Vaus D., Qu L. Demographics of Living Alone // *Australian Family Trends*. No. 6. Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2015.
- Yeung W., Cheung A. Living Alone: One-person Households in Asia // *Demographic Research*. 2015. Vol. 32. Art. 40. P. 1099–1112. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.40
- Yoshida A. Anomie, Gender, and Inequality: Developing Sociological Theory of Singlehood from Japanese Experiences // *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 542–561. DOI: 10.1111/jftr.12493

Статья поступила: 08.04.24. Финальная версия: 22.04.24 Принята к публикации: 13.05.24.

TRENDS AND SOCIAL REASONS OF LIVING ALONE

GURKO T.A.

*Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia**Tatiana A. GURKO, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (tgurko@yandex.ru).*

Abstract. In connection with the global trend of the spreading one-person households, the basic concepts and directions of studying loneliness are analyzed. The empirical base is the data from the censuses of 2002, 2010, 2021, Statistical Survey of Income and Participation in Social Programs-2022 and Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE, 2009, 2021 and 2022), foreign studies results on the problems of single households and loneliness.

The reasons for the spread of single households can be considered as an increase in life expectancy, developing social security system, urbanization, economic independence of women and adult children, nuclearization of families, decreasing levels of marriage and fertility, internal and external migration, spreading individualism values, self-realization and tolerance to various lifestyles. In Russia, the share of households consisting of one person in cities among other private households is doubling from 2002 to 2021 to amount to 43,8%. Against the background of data on developed countries, the indicator is high, which may be due to a different calculating methodology. The proportion of working-age people living in single households in cities has also increased from 46,9% to 59,6%. Such changes were probably facilitated by economic independence of adult children from their parents, an increase in the age of family formation and childbirth, and the practices of intimate and marital relations in different households.

According to the RLMS-HSE data there are more men living in one-person households in young and middle age while for women these ages are older. At the age of 36–59, there are almost twice as many people living without partners who are dissatisfied with life and have nervous disorders or depression compared to spouses in the same age. There are no differences in indicators such as smoking, alcohol consumption, assessment of health and financial situation. There are fewer satisfied cohabitants among women, but not among male cohabitants, who are probably more likely to be satisfied with a situation without obligations. The absence of children can be considered one of the criteria for the empirical identification of single people. At the age of 60 and older, 8% of men and 9% of women in cities did not have native or officially adopted children. The indicators of well-being of those who have and do not have natives or officially adopted children were compared. There were no differences in indicators such as smoking, alcohol consumption, health and financial status assessment. The absence of natives or officially adopted children aged 60 years and more has a negative impact mainly on women's life satisfaction.

The trend of living in one-person households, including those in working ages, is likely to persist in Russia. From the point of view of fertility, a low level of final celibacy for men and women and the low rate of women's childlessness in comparison with developed countries are encouraging so far. A high divorce rate is partially offset by remarriages. Cohabitation is rather not an alternative to marriage, at least among educated groups of the population, but only a stage in life for a balanced choice of a partner.

Keywords: one-person households, living alone, voluntary/involuntary singlehood, marital/partner status, sex, age, children, indicators of well-being.

REFERENCES

- Apostolou M., Wang Y. (2019) The Association Between Mating Performance, Marital Status, and the Length of Singlehood: Evidence From Greece and China. *Evolutionary Psychology*. Vol. 17. No. 4. DOI: 10.1177/1474704919887706.
- Artamonova A.V. (2018) Changes in Family Formation Trajectories Among Russians and Factors for such Changes. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 24. No. 2: 110–134. DOI: 10.19181/soc-jour.2018.24.2.5847. (In Russ.)
- Bergström M., Brée S. (2023) Not a Single Meaning: Definition and Evolution of Singlehood in France and the United States. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 465–484. DOI: 10.1111/jftr.12519.
- Brown A. (2020) A Profile of Single Americans. Pew Research Center's Social and Demographic Trends Project. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/08/20/a-profile-of-single-americans/> (accessed 12.11.2023).

- Cherepukhin Y.M. (1995) *Social Problems of Male Loneliness in a Large City*. Abstract ... Cand. of Soc. Sci. Moscow. (In Russ.)
- Cheung A., Yeung W. (2021) Socioeconomic Development and Young Adults' Propensity of Living in One-person Households. *Demographic Research*. Vol. 44. Article 11: 277–306. DOI: 10.4054/DemRes.2021.44.11
- Choi K.H., Qian Y. (2023) The Rise of the Childless Single in South Korea. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 526–541. DOI: 10.1111/jftr.12507.
- Cohen P.N. (2021) The Rise of One-person Households. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 7: 1–3. DOI: 10.1177/23780231211062315.
- Delafontaine H., van Gasse D., Mortelmans D. (2023) Navigating the Theoretical Landscape of Loneliness Research: How Interdisciplinary Synergy Contributes to Further Conceptualizations. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 1: 11–37. DOI: 10.1111/jftr.12492.
- DePaulo B. (2023) Single and Flourishing: Transcending the Deficit Narratives of Single Life. *Journal of Family Theory and Review*. 2023. Vol. 15. No. 3: 389–411. DOI:10.1111/jftr.12525.
- Dictionary of the Latest Sociological Vocabulary with English Equivalents*. (2019) General ed. by S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO Universitet. (In Russ.)
- Dommaraju P. (2015) One-person Households in India. *Demographic Research*. Vol. 32. Article. 45: 1239–1266. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.45.
- Ermer A.E., Keenoy J.E. (2023) Singlehood During Later Life: Theoretical Considerations for Health and Social Relationships. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 595–613. DOI: 10.1111/jftr.12524.
- Esteve A., Reher D.S., et al. (2020) Living Alone Over the Life Course: Cross-National Variations on an Emerging Issue. *Population and Development Review*. Vol. 46. No. 1: 169–189. DOI: 10.1111/padr.12311.
- Fitzpatrick J. (2023) Voluntary and Involuntary Singlehood: Salience of Concepts from Four Theories. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 506–525. DOI: 10.1111/jftr.12526.
- Gurko T.A., Matskovsky M.S. (1989) Single Man in a City. In: Matskovsky M.S., Gurko T.A. (eds). *Formation of Marriage and the Family*. Moscow: IS AN SSSR: 7–24. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2021) Evolution and Transformation of the Institution of Marriage: Analysis of Empirical Indicators. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 58–69. DOI: 10.31857/S013216250014117-1. (In Russ.)
- Isupova O.G. (2015) Russian Consensual Unions in the Early XXI Century (Based on the International Comparative Study Data). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2 (125): 153–164. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10. (In Russ.)
- Kislev E., Marsh K. (2023) Intersectionality in Studying and Theorizing Singlehood. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 412–427. DOI: 10.1111/jftr.12522.
- Kon I.S. (2008) *80 Years of Singlehood*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Lavender-Stott E.S., Guzzo K.B. et al. (2023) Kaleidoscopic Perspectives on Theorizing Singlehood. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 379–388. DOI: 10.1111/jftr.12532.
- Lavender-Stott E.S. (2023) Queering singlehood: Examining the intersection of sexuality and relationship status from a queer lens. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 428–443. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12521>.
- Luke N., Poulin M. (2023) Sex and Single Women in Midlife: Theoretical Perspectives, Recent Findings and Future Directions. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 578–594. DOI: 10.1111/jftr.12518.
- Mortelmans D., Claessens E., Thielemans G. (2023) Defining and Measuring Singlehood in Family Studies. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 485–505. DOI: 10.1111/jftr.12520.
- Palós A., Kashyap R. et al. (2020) Demographic change and increasing late singlehood in East Asia, 2010–2050. *Demographic Research*. 2020. Vol. 43: 1367–1398. DOI: 10.4054/DemRes.2020.43.46
- Perlman D., Pepló L.E. (1989) Theoretical Approaches to Loneliness. In: *Labyrinths of Loneliness*. Transl. from Eng., ed. by N.E. Pokrovsky. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. (2008) *The Universe of Loneliness: Sociological and Psychological Essays*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Puzanova Z.V. (2008) Aloneness: the Potential of Empirical Research. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 4: 28–38. (In Russ.)
- Qu L., de Vaus D. (2015) Living Alone and Personal Wellbeing. *Australian Family Trends*. No. 10. Melbourne: Australian Institute of Family Studies: 4–11.
- Raymo J. (2015) Living alone in Japan: Relationships With Happiness and Health. *Demographic Research*. Vol. 32. Article 46: 1267–1298. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.46.

- Romanova N.P. (2006) *The Social Status of Single Women in Modern Russian Society: Theoretical and Methodological Analysis: Based on the Materials of Transbaikalia*. Abstract of the Dissertation of the Doctor of Sociological Sciences. Ulan-Ude. (In Russ.)
- Seidenberg R. (1989) Single Marriage in Corporate America. In: *Labyrinths of Loneliness*. Transl. from Eng., ed by N.E. Pokrovsky. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Setyonaluri D., Maghfirah A., Aryaputra C. (2020). Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood. *Jurnal Studi Pemuda*. Vol. 9. No. 2: 136–148. DOI: 10.22146/studipemudaugm.57995.
- Teerawichitchainan B., Knodel J., Pothisiri W. (2015) What Does Living Alone Really Mean for Older Persons? A Comparative Study of Myanmar, Vietnam, and Thailand. *Demographic Research*. Vol. 32. Art. 48: 1329–1360. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.48.
- Tessler H. (2023) The stability of Singlehood: Limitations of the Relationship Status Paradigm and a New Theoretical Framework for Reimagining Singlehood. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 444–464. DOI: 10.1111/jftr.12506.
- Two in Society: An Intimate Couple in the Modern World*. (2020) Ed. by I.V. Lomakin. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- de Vaus D., Qu L. (2015) Demographics of Living Alone. *Australian Family Trends*. No. 6. Melbourne: Australian Institute of Family Studies.
- Yeung W., Cheung A. (2015) Living Alone: One-person Households in Asia. *Demographic Research*. Vol. 32. Art. 40: 1099–1112. DOI: 10.4054/DemRes.2015.32.40.
- Yoshida A. (2023) Anomie, Gender, and Inequality: Developing Sociological Theory of Singlehood from Japanese Experiences. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 15. No. 3: 542–561. DOI: 10.1111/jftr.12493.

Received: 08.04.24. Final version: 22.04.24. Accepted: 13.05.24.

С.Ю. БАРСУКОВА

ФИНАНСОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ VS ТРАДИЦИИ: О СВАДЕБНЫХ РАСХОДАХ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ СРЕДНЕГО ДОСТАТКА В КАЗАХСТАНЕ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва (sbarsukova@hse.ru).

Аннотация. Представлены результаты исследования финансовых стратегий при проведении свадьбы в Казахстане (2023). Разговор о свадьбах в Казахстане можно свести к одной фразе – очень красиво, но очень дорого. Многочисленные обряды, сопровождающие свадьбу от сватовства до послесвадебных визитов гостей, обуславливают масштаб расходов. Традиции наделяют стороны жениха и невесты специфическими тратами, что обуславливает раздельность их свадебных бюджетов и боязнь показаться недостаточно щедрыми на фоне другой стороны. Для «раскодирования» свадебной бухгалтерии были детально проанализированы свадебные траты и источники их покрытия на примере восьми казахских семей среднего достатка, сыгравших свадьбу или готовящихся к ней. В статье приводятся количественные оценки свадебных расходов и систематизируются ресурсы, позволяющие семьям нести эту финансовую нагрузку. Обсуждаются способы снижения расходов без репутационного ущерба. Показана социальная обусловленность использования помощи родственников как альтернативы кредитным займам. Помощь социального окружения в покрытии свадебных расходов формирует взаимные обязательства, прочно связывающие семьи в рамках дарообменной экономики. Сделаны выводы о том, что свадебный ритуал оказывается арендой поиска обусловленных способов социального позиционирования семей.

Ключевые слова: свадебные традиции • ритуальная экономика • финансовое поведение • расходы на свадьбу • дарообмен • Казахстан

DOI: 10.31857/S0132162524050109

В потреблении человек предстает не тем, кто он есть, а кем хотел бы быть в глазах окружающих. Это ярко проявляется в ритуальных тратах, связанных с устройством семейных праздников. Особенно отчетливо социальная укорененность финансового поведения видна на примере ритуальных трат в странах Центральной Азии, где традиция диктует свои правила поведения, а репутация человека существенно зависит от демонстративной лояльности к традициям [Ларина, 2022]. Кажущаяся иррациональность «чрезмерных трат», связанных с ритуалами жизненного цикла, может скрывать рациональность другого рода, которая сводится к конструированию статусов и «прописки» индивида в сообществе [Абашин, 1999; Поляков, 1989].

Собственно свадьба как торжественное мероприятие в тойхане (специальное помещение для проведения торжества) – это лишь верхушка свадебного айсберга. На это кульминационное мероприятие приходится примерно половина всех расходов, сопровождающих полный цикл свадебных мероприятий [Барсукова, 2022a].

Множество обрядов предварают это действо и следуют после его завершения, что характерно для многих народов Центральной Азии [Азимова, 2020; Хушкадамова, 2010, 2011]. Цепочка ритуалов предполагает обильные траты, что вызывает в некоторых странах

алармистские высказывания – «наши традиции убивают нас» [Borisova, 2020] и попытку ограничить ритуальную экономику мерами государственной политики [Treviani, 2016]. Свадебные траты являются драйверами трудовой миграции [Kakhkharov, Ahunov, 2022]. Расточительность свадебных расходов вызывает возмущение наиболее вестернизированной части молодежи, что порождает явный или латентный конфликт отцов и детей [Барсукова, 2023].

Сколько именно тратят на полный цикл свадебных ритуалов? Откуда берут деньги и есть ли способы сэкономить без потери для репутации? Для получения ответов на эти вопросы летом 2023 г. мы провели полевое исследование в Алма-Ате (Алматы). Это не просто «казахский кейс», а частный разворот дискуссии о переплетении архаики и модерна в современных обществах в контексте дарообменных отношений.

Методология исследования. Данные собирались с помощью интервью, фокусированных на доскональном обсуждении бухгалтерии свадебных торжеств. Все «точки входа» опосредовались знакомыми, выступающими своеобразными поручителями того, что интервью будут использованы исключительно в обобщенном виде и только в исследовательских целях. Это сделало возможным обсуждение сенситивных вопросов, затрагивающих тему семейных финансов в контексте свадебных обрядов.

Интервьюерами выступали сами исследователи – автор статьи и коллега из Университета Бордо (Франция) К. Дюфи, работа велась в рамках российско-французского проекта. Язык интервью – русский. Полуструктурированные интервью предполагали простор для респондента корректировать ход беседы и детализировать наиболее важные для него аспекты. Все интервью проводились в тандеме с французской коллегой, что, на наш взгляд, повышало заинтересованность респондентов в беседе. Они старались наиболее полно отвечать на вопросы, делая поправку на культурную дистанцию с Францией, тогда как российского интервьюера воспринимали как человека, которому все должно быть понятно с полуслова в силу общей советской истории.

В исследовании были детально проанализированы финансовые стратегии, связанные с проведением свадеб, на примере восьми семей. От каждой семьи информантом выступал один человек, максимально погруженный в организацию свадеб. Как правило, это были матери жениха или невесты. В одном случае в интервью участвовали отец и мать невесты одновременно. Интервью проводились и с самими молодыми, вступающими в брак, а также с близкими друзьями родителей, принимающими деятельное участие в организации свадеб. Всего было собрано 15 интервью, проливающих свет на проведение восьми свадеб.

Мы старались добиться максимального разнообразия ситуаций. Среди отобранных кейсов есть моно- и межэтнические браки (женихи из России и Кыргызстана), сохранившиеся и распавшиеся молодые семьи, а также семьи, уже сыгравшие свадьбу или только готовящиеся к ней, решившие взять кредит или обойтись без помощи банков.

Гайд интервью включал пять блоков вопросов: знакомство с респондентом (его роль в свадебном процессе, социальное положение семей стороны жениха и невесты и пр.), организация свадьбы (очередность обрядов, график проведения, масштаб свадебных мероприятий, вовлеченность стороны жениха и невесты), финансовый расклад (распределение расходов между семьями, статьи расходов, источники покрытия трат и способы их сокращения), обоснование свадебного финансового поведения семей (легитимация расточительности или экономии, роль свадьбы в самопрезентации семьи), конфликты, связанные со свадьбами (повод, масштаб, способы разрешения). Интервью проводились очно, за исключением единственного случая. Продолжительность интервью – от 1 часа 20 минут до 2 часов 30 минут. В двух случаях интервью сопровождались демонстрацией «бухгалтерских книг», в которых фиксировались все товарно-денежные аспекты подготовки и проведения свадеб. В остальных кейсах траты и стоимость даров назывались по памяти, что само по себе свидетельствует о важности этого аспекта даже по истечении времени.

Наши усилия достичь разнообразия кейсов не отменяют ряда ограничений. Первое – территориальное. Речь идет о «второй столице» Казахстана, что отражается на доходах

и запросах жителей. Сельская местность и нестоличные города могут иметь иные финансовые расклады.

Второе ограничение касается социального положения наших информантов. Все они представляли средний класс по имущественному положению (владели собственным жильем, имели высшее образование, занимались нефизическим трудом, получали доходы, позволяющие покупать предметы длительного пользования). То есть речь идет о представителях городского среднего класса Казахстана.

Небольшое количество интервью не позволяет судить о степени распространенности моделей поведения. Однако выявленный репертуар действий и моделей их легитимации представляется крайне важным в условиях, когда вопросы семейных финансов тщательно оберегаются от чужаков.

Финансовая конспирация, или традиция раздельных кошельков. Сколько стоят свадебные мероприятия? На это вопрос ни одна семья не может дать точный ответ. Даже если все издержки записывались в отдельную тетрадь, а были и такие кейсы, то это расходы только одной стороны.

Расходы двух семей – со стороны жениха и со стороны невесты – не смешиваются. Каждая сторона несет свои траты, что регламентировано традициями. О расходах другой стороны могут только догадываться, оценивая их по косвенным признакам. *«Мне кажется, они даже больше нас потратили, я сужу по тому, какой ресторан они заказали»* (№ 4, мать невесты, Б.). Другими словами, свадебное пространство сегментировано с точки зрения финансовой ответственности сторон. *«Они сами, мы сами. Наши заботы и их заботы – отдельно»* (№ 2, мать жениха, Д.).

Стороны не раскрывают друг перед другом финансовую составляющую проведения свадебных ритуалов, сохраняя своеобразную финансовую конспирацию. У каждого свой кошелек. Стороны могут лишь примерно оценивать размер трат, понесенных другой стороной.

Например, *беташар* проводит строго сторона жениха. Это обряд открывания лица невесты перед родственниками жениха. Действие сопровождается игрой на национальных инструментах и ритуальными поклонами невесты. Родственники со стороны невесты по традиции не допускаются до этого обряда. Хотя в «модернизированном» варианте стороны могут договориться и разрешить присутствовать на беташаре самым близким родственникам невесты. Обряд проводят дома или в ресторане, скромно или с размахом, но в любом случае обряд организует и оплачивает исключительно сторона жениха.

А вот *кыз узату* – прощание невесты с родительским домом – проводит сторона невесты. Иногда это мероприятие называют малой свадьбой, подчеркивая ее относительно камерный масштаб по сравнению с большим свадебным тоем, который финансирует сторона жениха. Кыз узату могут проводить дома или в ресторане, приглашать много или мало гостей, но неизменным остается правило: расходы на кыз узату несет сторона невесты. Родители невесты приглашают своих гостей, выделяя стороне жениха небольшую квоту. *«Проводы невесты проходили в ресторане, пригласили 100 своих гостей, примерно пополам наши родственники и друзья, и 10 со стороны жениха»* (№ 4, мать невесты, Б.).

В нашем исследовании был кейс, когда кыз узату отмечали в Усть-Каменогорске, на родине невесты, на 30 человек, а затем справляли беташар в Талды-Кургане, на родине жениха, на 20 человек. На кыз узату со стороны жениха пригласили только самого жениха, его мать, брата и тетю, а на беташаре родственников невесты не было.

Этим финансовая демаркация не исчерпывается. Сторона жениха платит за невесту *калым*, а невеста приходит в новый дом с *приданым* (расходы со стороны невесты). *Калым* и *приданое* могут существенно разниться, а могут практически совпадать по размеру. Кроме *калыма* сторона жениха готовит три конверта: матери («за молоко матери»), отцу («за вклад отца») и на угощение соседям (*оли тири*). К этому добавляются подарки, которыми обмениваются стороны. И важно подарить подарок, не уступающий полученному дару.

Главное свадебное торжество – свадебный *той* – организует сторона жениха. Именно родители жениха определяют место проведения тоя, количество гостей, известность певцов

и тамады, щедрость подарков гостям и пр. Эта зона их ответственности, организационной и финансовой. Сторона жениха формирует список гостей, выделяя скромную квоту для родственников невесты. Например, мы зафиксировали кейсы, когда свадьба на 250 человек предполагала 20 гостей со стороны невесты, а на другой свадьбе собрали 160 гостей, в том числе 20 со стороны невесты.

Традиция раздельных трат таит в себе опасность конфликтов. Например, в одном из наших кейсов сторона невесты отметила кыз узату, а сторона жениха пообещала большой свадебный той, но не сейчас, а после ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Но обещания не сдержала, свадьбу так и не провела. Вскоре молодые развелись. «А может, они просто не хотели тратить деньги и сказали, что свадьбу проведут потом» (№ 1, разведенная, А.). Эта версия дополняет копилку обид и претензий сторон.

В ситуации раздельных бюджетов возникает ситуация, когда каждая из сторон не знает расходы другой стороны, и, чтобы не ославить себя скупостью, повышает ставки в этой игре. Презентация семьи перед будущими родственниками лежит в основе «гонки финансов».

В наших интервью назывались суммы свадебных трат от 4 до 10 млн тенге. Таковы расходы одной из сторон. Например, семья, планировавшая свадьбу сына в Алма-Ате в сентябре 2023 г., намерена потратить на весь свадебный цикл около 7 млн тенге, оценив это как «чуть-чуть ниже среднего». Другая свадьба, сыгранная в начале 2023 г., обошлась родителям невесты, школьным учителям, в 8 млн тенге. А свадьба, сыгранная в 2019 г., обошлась стороне невесты в 10 млн тенге¹. Предположив, что вторая сторона потратила сопоставимую сумму, можно примерно оценить полную стоимость свадебных ритуалов.

Много это или мало? По данным Бюро национальной статистики Казахстана, средняя номинальная заработная плата (до вычета налогов, то есть «грязными») в 2023 г. составила около 322 тыс. тенге, медианное значение (что ближе к истине) – около 230 тыс. тенге. Из этой суммы удерживаются пенсионные взносы, взносы на обязательное медицинское страхование, подоходный налог. В итоге остается около 190 тыс. тенге.

Соответственно, свадьба в 8 млн тенге, которую сыграли в семье школьных учителей, равна медианной «чистой» зарплате почти за четыре года. И это расходы только одной стороны.

Откуда берут деньги на свадьбу? На первый взгляд, ответ на вопрос об источниках трат очевиден: свадьбу проводят на свои деньги или на заемные. Но вариативность этих возможностей отражает социальные нормы и их трансформацию в современном Казахстане. Кратко перечислим источники финансирования свадебных торжеств, обнаруженные в наших кейсах.

Накопления семьи. Любая семья, где подрастают дети, думает о предстоящих свадебных расходах и старается накопить денег. «Все сбережения ушли на свадьбу. Занимать не пришлось» (№ 4, мать невесты, Б.). Казахи шутят, что приданое начинают собирать, как только родилась дочь. «Собирают приданое заранее. Раньше, в советское время вообще все складывали в сундук. Посуду, постельное белье... Сейчас все можно купить» (№ 2, мачеха жениха, Д.).

Фраза «все можно купить» бессильна передать масштаб коммерциализации свадебной темы. На окраине Алма-Аты есть огромный вещевой рынок «Орлан», часть которого занимает исключительно свадебная тема. Там продается все, что нужно для проведения свадеб. Не только наряды для жениха и невесты. Здесь продаются национальные подушки (курпешки) и матрацы (курпачи); торбы (коржыны), в которых приносят дары сватам; декоративные корзины, выставляемые на столах с подарками для гостей; национальные халаты, расшитые золотом, для одаривания самых уважаемых гостей и пр. На каждый обряд есть соответствующее рыночное предложение. Так, для проведения сырга салу, обряда надевания свекровью сережек невесте, что считается символом принятия в новую семью, продается специальный комплект. Это круглая подушка, на которую невеста преклоняет колени, и шкатулка для серег, шитая в виде национального женского головного убора. Вынос серег и их надевание продолжается несколько минут. Однако покупается специальный комплект, обслуживающий

¹ На момент проведения интервью, в июле 2023 г., 1 российский рубль стоил примерно 4,9 казахских тенге, т.е. 1 млн тенге был равен примерно 200 тыс. руб.

этот обряд. Надо ли говорить, что эти комплекты имеют огромный ценовой разброс, что превращает их в предмет статусного потребления.

Масштаб трат приводит к тому, что *«любые нормальные родители что-то собирают, если подрастает ребенок»* (№ 2, мачеха жениха, Д.). Свадьба считается таким важным событием, что даже работодатели могут принять это к сведению: *«На работе коллектив, руководство помогли – выписали премию. Мужу тоже дали премию на свадьбу»* (№ 4, мать невесты, Б.).

Накопления могут быть в виде депозитов в банке или вложений в то, что можно быстро продать. В качестве таковых называли объекты недвижимости и золотые украшения. *«Свекровь всегда покупала золото. Еще в советские времена. Ее золото нам очень помогло»* (№ 2, мачеха жениха, Д.). *«Я уже думала об этом, у меня есть загородный дом, если понадобится, его можно продать»* (№ 3, подруга матери невесты, О.).

Иногда время проведения свадьбы планируется с учетом сезонности доходов. Чтобы не брать кредит, родители невесты попросили сдвинуть свадьбу таким образом, чтобы успеть продать урожай яблок, что покрыло весомую долю их расходов.

Привлечение заемных средств (кредиты, микрозаймы, ссуды). Если накоплений недостаточно, родители могут взять кредит в банке, как вариант – получить беспроцентную ссуду на предприятии. Займы могут носить долговременный или краткосрочный характер.

Казалось бы, кредиты – рутина современных обществ. Однако свадьба – особое событие, социально нагруженное. Это точка сборки семьи, расширение ее границ. Это вея истории рода. В интервью иногда звучало несогласие поставить в один ряд кредит на машину и на свадьбу. *«На что другое я понимаю, но на свадьбу кредит брать... Я о таком не слышала»* (№ 4, мать невесты, Б.).

Однако постепенно происходит интервенция банков в эту сферу. *«Я почему знаю. Я бухгалтер и готовлю справки для банков. Недавно такую справку делала... Коллега пригласил на свадьбу сына 300 человек, пришлось брать кредит. Говорит, что родственники обидятся, если кого-то не пригласить»* (№ 4, мать невесты, Б.). Так традиция (300 гостей, обидчивые родственники) сочетается с новыми экономическими практиками, с банкоризацией жизни как общего тренда.

Несмотря на рутинизацию банковских свадебных кредитов, их обсуждение в интервью непременно обрамлялось пояснениями о характере родственных отношений. Вспоминали про малочисленность родни, про конфликты, приведшие к разрыву родственных отношений, про бедность родственников и прочие обстоятельства, в силу которых невозможно опереться на консолидированные финансы рода. Эти пояснения восходят к установке, что при большой и дружной семье кредиты не нужны. Их взятие – некая поломка, сбой, требующий пояснения.

В представлениях о традиционной семье доминирует установка, что родственники сами должны предложить помощь после того, как узнали о предстоящей свадьбе. Собственно, приглашение на свадьбу – не только и не столько приглашение на свадебный той, сколько информационное оповещение о предстоящем событии, в котором по традиции родственники должны принять посильное участие [Барсукова, 2022б].

Просьба, обращенная к родственникам, которые не проявили инициативу в софинансировании свадьбы, означает попадание в зависимость от них. Кредит как обезличенный долг воспринимается как способ избегания такой зависимости. *«Подруга у родственников не просила. Муж взял кредит дополнительно к своим сбережениям. Если родственники хотят, то сами посылают деньги, когда узнают о свадьбе. Если сами не дали, то не стала просить. Легче взять кредит, чем просить у кого-то»* (№ 3, подруга матери невесты, О.).

Забавно, но дружная семья и тесные родственные связи могут не только снижать потребности в кредите, но, напротив, подталкивать к займам. *«У нас на работе был водитель. У него младший брат женился и мать сказала, что все братья должны принести, кажется, 500 тысяч тенге. Он брал ссуду на работе»* (№ 4, мать невесты, Б.). Водитель влез в долги ради свадьбы брата.

Сбор средств на свадьбу у родственников и друзей. Речь идет о практике, когда родственникам и друзьям сообщают о предстоящей свадьбе и те помогают ее профинансировать. Могут выслать деньги или купить что-то для приданого. *«Больше дают родственники, которые богатые и у кого ближе родственные отношения»* (№ 3, подруга матери невесты, О.).

Часто близкие друзья и родственники приносят свадебные подарки заранее, а на само торжество приходят лишь с цветами. Казалось бы, какая разница, когда подруга принесла микроволновку – на свадьбу или пораньше. Однако подарки, принесенные заранее, могут войти в приданое, а заблаговременно подаренные деньги могут пойти на оплату свадебных торжеств. Принцип «деньги и подарки вперед» сильно сокращает потребность в заемных средствах. *«Моя подруга сказала, что готова подарить 130 тысяч тенге. Мы с ней пошептались, и она 80 тысяч сразу дала, а потом на свадьбу принесла еще 50 тысяч. А я на эти 80 тысяч подарки родственникам жениха купила, когда сватовство было»* (№ 5, мать невесты, К.).

Таким образом, нехватку средств покрывают не банковским кредитом, а заранее полученными подарками. Вместо того чтобы брать кредит и потом гасить его за счет подаренных денег, можно еще до свадьбы консолидировать подарки друзей и родственников и благодаря этому обойтись без кредита, полностью или частично. *«Я против кредита. Если я попросила на свадьбу у родственников, то дадут без возврата. Вопрос о подарках закрыт. Он просто свой подарок принес раньше. Как бы предварительный подарок»* (№ 2, мачеха жениха, Д.).

В этой ситуации фраза «обошлись без долгов» является не вполне точной. Обошлись без привлечения кредитных организаций, то есть долгов формальных. Но неформальные обязательства, конечно, появились. Когда родственники-спонсоры будут играть свадьбу, нужно будет участвовать в ее финансировании аналогичным образом и в сопоставимом размере. *«Мне подруга дорогую кастриюю купила для приданого, шторы еще, набор вилок-ложек, чтобы мне было легче приданное собрать. Когда она будет дочь замуж выдавать, я тоже ей помогу, конечно»* (№ 5, мать невесты, К.). *«Мы с друзьями собрали по 200 тысяч тенге. Когда у меня сын будет жениться, друзья тоже подарят такие огромные деньги»* (№ 3, подруга матери невесты, О.). *«У меня все записано: вот, подруга – дала 30 тысяч тенге и еще два набора вилки-ложки. О, хорошо, что посмотрела, а то могла бы и забыть»* (№ 5, мать невесты, К.).

Взаимность таких подарков позволяет отнести их к своеобразным неформальным депозитам: *«Нам очень хорошо помогают родственники деньгами. У нас есть понятие рода. Мы управляем им деньги. Это наш депозит. Потом нам отправят деньги»* (№ 2, мачеха жениха, Д.). Важно, что такое софинансирование свадьбы добровольно. Если родственники не прислали денег, то просить их об этом считается неправильным. Остается взять кредит.

Проведение мероприятий в расчете на их окупаемость за счет подарков. Некоторые семьи практикуют рискованную стратегию: организуют торжество в тойхане, надеясь рассчитаться за счет подаренных денег. Работает правило: чья сторона организует мероприятие, та и забирает подаренные гостями деньги. Так, деньги, собранные с гостей на кыз узату, достаются родителям невесты, а деньги, подаренные на большом свадебном тое, забирают родители жениха. *«Чаще всего дарят деньги. Когда произносят тост, выходят, дарят. Или просто дают маме жениха. Мероприятие организуют родители жениха. Им достаются деньги»* (№ 2, мачеха жениха, Д.).

Денежные купюры дарят, как правило, в конвертах. Конверты подписывают, особенно в случае крупных сумм. Подаренная сумма зависит от социального состава гостей. Чем выше их социальный статус, тем щедрее будут их подарки. Однако и расходы на свадьбу возрастают, если ждут статусных гостей. Также на размер даров влияет близость отношений и стаж дружбы. От близких друзей ждут большего, чем от недавних приятелей.

Такая финансовая стратегия не лишена оснований, так как для гостей хорошим тоном считается как минимум заплатить за свое место за свадебным столом. То есть стоимость места является минимально приличным денежным подарком. Это не жесткое правило, но тенденция. Иногда гости примерно оценивают стоимость свадьбы, исходя из известности тойханы, ее расположения, а иногда прямо спрашивают у родителей жениха или невесты, сколько стоит одно место за столом. Этот вопрос считается уместным и определяет минимальный размер

дара. «Если я знаю, что это очень дорогое мероприятие и у меня нет таких денег, я заранее откажусь» (№ 2, мачеха жениха, Д.). «В среднем на той несут 30 тысяч тенге. Это минимум, сейчас все подорожало. Года два назад 20 тысяч было нормально» (№ 3, подруга матери невесты, О.). «Нормально от родных получить 100 тысяч тенге» (№ 1, в разводе, А.). Таким образом, непосредственно свадебное торжество в тойхане за счет подаренных денег если не полностью, то в значительной степени окупается.

Однако риски есть. Иногда расчет на подаренные деньги не оправдывается. «Могут и просто с букетом прийти, люди разные бывают» (№ 3, подруга матери невесты, О.). Кто-то может и вовсе положить пустой конверт. В итоге складывается неприятная ситуация, когда после окончания тоя начинают считать деньги в конвертах и их не хватает, чтобы расплатиться с тойханой. Эти случаи носят не единичный характер, поэтому администрация тойханы имеет налаженные связи с нотариусом, который приезжает в поздний час и оформляет долг под залог, например, автомобиля.

Невеста или жених частично или полностью финансируют свадьбу. Мы наблюдали ситуацию, когда невеста, работающая школьной учительницей, оплатила половину свадебных расходов, получив отпускные 800 тыс. тенге. Речь шла о расходах, связанных с кыз узату, то есть традиционно оплачиваемых стороной невесты. Девушка помогла своим родителям, оплатив тамаду, фотографа, подарки родственникам жениха, стилиста, парикмахера, свои платья. Аренду коттеджа, услуги флориста, повара, фотографа и стоимость продуктов питания, а также подарки гостям и родственникам – оплатили родители невесты.

Такое «долевое участие» самой невесты является нетрадиционным финансовым поведением. Традиция возлагает финансовое бремя, связанное со свадьбой, на родителей. В данном случае отступление от традиции было обусловлено тремя моментами. Во-первых, невесте было 24 года (по меркам казахов это немало) и она уже работала учителем, что считается в Казахстане высокооплачиваемой работой. Во-вторых, невеста считала себя «современным человеком и атеистом», в частности, они с мужем отказались проводить обряд никах (мусульманская свадьба, проводимая муллой). Правда, смелости рассказать об этом родственникам мужа не хватило, это стало семейной тайной. В-третьих, что очень важно, невеста оценивала семью мужа как более состоятельную и «подстраховала» своих родителей, чтобы они не выглядели бедными на фоне семьи жениха.

Лайфхаки, или способы сэкономить на свадебных торжествах без ущерба для репутации. Для экономии на свадебных расходах нужны уважительные причины. В наших интервью содержатся примеры, когда удалось существенно сэкономить, при этом действуя вполне легитимно.

Межэтнические браки. Одна из сторон может существенно сократить расходы со ссылкой на то, что «у нас так не принято». Это, конечно, не вызовет восторга другой стороны, но объективно тут ничего не поделать. В одном из наших кейсов казашка вышла замуж за киргиза. «Обычно много денег дают и матери, и отцу от родителей жениха как благодарность за то, что вырастили невесту. Киргизы ничего не дали. Если бы вместо него был казах, все по-другому было бы» (№ 3, подруга матери невесты, О.). К списку претензий добавилось то, что киргизская семья не провела вторую свадьбу у себя дома. Соответственно, вместо кыз узату и большого тоя, проводимого соответственно двумя сторонами, все ограничилось «малой» свадьбой, проводимой родителями невесты. Но и послесвадебные обряды легли на плечи родителей невесты. Киргизская сторона отговаривалась тем, что у них нет таких традиций. После свадьбы принято собирать самых дорогих гостей в доме жениха, чтобы молодая жена угощала их. Расходы должна нести сторона жениха. Но у жениха не было своего жилья, и родители невесты за свой счет провели послесвадебный прием гостей в съемном коттедже. «Это должны делать родители жениха. Но они не сделали. Опять все сделали родители невесты. Сняли коттедж за 180 тыс. тенге в сутки. Зять был без калыма. У них, у киргизов, это не принято. А может, у них просто не было денег» (№ 3, подруга матери невесты, О.). Последняя оговорка очень показательна: допускается неплатежеспособность родителей жениха, скрываемая за ссылками на национальные особенности.

Другой кейс межэтнических браков, который мы наблюдали, исключал подозрения в неплатежеспособности. Русский парень из Сибири приехал в Казахстан, опасаясь мобилизации, и женился на девушке-казашке. Жених из весьма обеспеченной семьи. Когда речь зашла о калыме, семья жениха ответила категорическим отказом. *«Мы сразу сказали, что никакого калыма платить не будем. Что за бред? В XXI веке живем. Мы жестко поговорили по телефону и сказали, что если они будут настаивать, то свадьбы не будет»* (№ 8, мать жениха, И.). Сторона невесты вынуждена была согласиться. Перечень подарков со стороны русской семьи был также довольно скромным по меркам Казахстана. Повторюсь, семья жениха была довольно состоятельная. Их поведение было легитимировано тем, что *«в России принято дарить молодым. Сыну денег дали, это не вопрос. Но почему мы должны разным дядям и тетям кольца, куртки, дубленки покупать? Это выглядит как полный бред»* (№ 8, мать жениха, И.).

Иногда, чтобы избежать неловкости в финансовых переговорах между семьями, на встречу берут друзей. Они должны озвучить финансовые требования семьи, если различие традиций не предполагает единого понимания этого вопроса. Например, в одном из кейсов невеста была из семьи, чьи родственники по линии отца – выходцы из Афганистана, и их представления о калыме сильно расходятся с представлениями семьи жениха из Центрального Казахстана. Расхождение сумм не вызвало упреков в жадности, а было интерпретировано именно как различие традиций и, соответственно, не стало причиной конфликта. *«Родители жениха спросили: "Вас миллион устроит?" Для них это нормально. Хотя у наших родственников миллион – это ничто. Надо четыре или пять миллионов. Мои родственники даже хотели пойти и поговорить с родителями жениха. Но я им сказал, что раз столько дали, то и все. Я им не разрешил»* (№ 5, отец невесты, К.).

Таким образом, межэтнические браки и региональные различия могут служить легитимным основанием для поиска компромисса, в результате которого принятый «стандарт» свадебных ритуалов видоизменяется с соответствующей коррекцией финансовой составляющей.

Объединение обрядов, уплотнение графика их проведения. Свадебные обряды имеют четкую последовательность. С целью экономии времени и финансов можно ускорить процесс путем объединения обрядов. То, что раньше было разделено во времени, можно провести в один день. В этом случае и обряды выполнены, и время сэкономлено. И деньги, конечно. *«Раньше 40 дней и ночей гуляем. Теперь 2–3 дня»* (№ 2, мачеха жениха, Д.). Таким образом, находится компромисс между традициями и современным темпом жизни, между заботой об общественном мнении и своим кошельке.

Например, в одной семье, с которой мы познакомились на стадии подготовки к свадьбе, решили провести в один день сватовство (куда тусу), «надевание сережек» (*сырга салу*) и вечером того же дня устроить проводы невесты (кыз узату). С утра невесту сосватают, а вечером уже проводят из отчего дома и привезут в дом жениха.

Для ускорения процесса решено было проводить кыз узату в ресторане. И если в традиционном раскладе невеста прощается, проводя последнюю ночь дома, а с рассветом, с началом нового дня, уходит в новую жизнь, то в ресторане надо попрощаться до конца работы заведения. Поэтому ресторанные проводы заканчиваются вечером. И уходит невеста не с рассветом, а на закате. Что тоже красиво, но не имеет прежнего символического значения. *«В древности невесту забирали на рассвете. Восход солнца как символ новой жизни. Сейчас забирают до 12 часов ночи, то есть до конца работы ресторана»* (№ 2, мачеха жениха, Д.). При этом декоративная часть этого обряда воспроизводится очень тщательно. Девушка уходит из ресторана под традиционную песню сунсу, по белому полотну, никто не должен на него наступать. Невеста должна уйти, не оглянувшись.

Обряды, которые в традиционном обществе разнесены на недели или даже месяцы, теперь могут пройти в один день. При этом огромные усилия прилагаются для сохранения внешней стороны обряда, его декоративности. *«Невесту привозят в дом жениха, но не сразу заводят в дом. Заводят к соседям, покрывают голову тканью. Потом ее забирают от соседей. Она должна переступить порог правой ногой. Встречает старейшая женщина рода жениха с чашкой, в которой горит огонь. Другая женщина держит сосуд с маслом. Невеста поливает масло*

в огонь. Это символ разгорающегося очага. Невесту заводят в комнату. Мы еще не обговаривали тему подготовки комнаты. Должны быть шторы, за которыми сидит невеста, пока не уйдут гости» (№ 2, мачеха жениха, Д.). В этом кейсе было решено объединить беташар (открытие лица невесты) и свадебный той. В этот же день проведут никах (мусульманский обряд, проводимый муллой). На следующий день пройдет келин чай – угощение гостей с рук молодой хозяйки, «невеста уже в платке, обязательно носочки».

С правой ноги, сосуд с маслом, шторы, белое полотно, обязательно носочки... Продуманы все детали, маркирующие свадебный обрядовый процесс. При этом такое тщательное следование внешней стороне обрядов уживается с тем обстоятельством, что молодые давно живут вместе. Более того, за два месяца до свадьбы они уже официально расписались и даже съездили в свадебное путешествие в Грузию. Фактически (и законодательно) они уже семья, живущая вместе несколько месяцев, но им предстоит пройти обряд сватовства, надевание сережек руками свекрови, прощание с отчим домом, открытие лица перед родственниками жениха и прочие традиционные ритуалы.

Внешние обстоятельства, запрет на массовые сборища. Самым распространенным внешним воздействием последних лет стала пандемия COVID-19. Например, на кыз узату, прощание невесты с отчим домом, пригласили «всего 30 человек, только родственников, никаких подруг», потому что действовали антиковидные ограничения. Многие обрадовались возможности сэкономить, не попадая под суд общественности. «Благодаря ковиду все было камерно. Это было очень удобно» (невеста, А.). В интервью многократно благодарили ковидные ограничения за избавление от обильных свадебных расходов. В этом случае ответственность за нарушение свадебных ритуалов, предполагающих массовое присутствие гостей, перекладывалась с семьи на государство.

Кража невесты как способ обойтись без свадебных расходов. Похищение невест принято считать приметой темного прошлого, когда бесправие женщин низводило их до объекта краж, наравне с баранами. Однако, несмотря на очевидную модернизацию Казахстана и эмансипацию женщин, особенно в городах, эта практика сохранилась в качестве экзотики. В этом случае, каковы бы ни были причины похищения, происходит значительная экономия свадебных расходов, причем с обеих сторон. Похищение невесты содержит отсылку к прошлому, к практикам предков, что позволяет легитимировать такой способ игнорирования свадебных обрядов. В интервью кражи невест если и обсуждались, то не как социальная проблема, а как дерзкий и креативный способ сократить свадебные расходы, воспроизводя практику давно минувших дней. «Это такая экономия! Сторона невесты вообще ничего не делает. И еще считается, что сторона невесты оскорбленная, им подарки потом дарят, в знак примирения. Это и сейчас есть. Конечно, крадут по договоренности. У моего косметолога дочь так замуж вышла. Я ей говорю: радуйся, расходов меньше» (№ 4, мать невесты, Б.).

Отказ от проведения свадебных ритуалов. Возможно кардинально сократить расходы на создание новой семьи, полностью или частично отказавшись от свадебных ритуалов. Однако необходимо обосновать такое решение перед социальным окружением. Ссылки на материальные затруднения не являются уважительной причиной, так как хорошие родители, по мнению общественности, должны думать о свадьбе заранее. В крайнем случае можно взять кредит. Несостоятельность, нуждаемость, нищету стараются скрыть. И чем более ощутимы материальные трудности, тем меньше их выносят на публику.

Легитимировать отказ от свадьбы могут ссылки на внеэкономические факторы. Дескать, мы, разумеется, способны понести эти траты, но нам это не нужно. Речь идет о позиционировании семьи как «особо продвинутой», то есть имеющей моральное право выйти за круг общепринятого поведения. Например, семья уважаемого профессора, проводящего много времени в зарубежных университетах, может позволить себе такое «вестернизированное» поведение, не жертвуя репутацией. Главное, чтобы это не сочли скаредностью и желанием сэкономить за счет традиций. «Очень состоятельные люди иногда не играют свадьбы» (№ 7, невеста, Д.).

Все, что связано со свадьбой, является визитной карточкой семьи. Соответственно, если семьи давно и хорошо знают друг друга, они могут позволить себе сократить расходы по взаимной договоренности. У нас был кейс, когда женились одноклассники. Родители знали друг друга много лет и потому легко договорились обойтись без калыма, да и в целом «без сильной финансовой нагрузки друг на друга» (№ 4, мать невесты, Б.). С малознакомой семьей такие договоренности чреваты тем, что вас неправильно поймут и ваши предложения сэкономить отразятся на репутации.

Использование связей для доступа к более дешевым благам. В ходе подготовки к свадьбе все заняты непрерывным маркетингом, пытаясь найти лучшее соотношение цены и качества. Кто-то едет за покупками из Астаны в Алма-Ату, уверяя, что сильно выигрывает в цене, благодаря рынку «Орлан». Этот путь – сравнения цен и оптимизации расходов – доступен для всех. Однако есть возможности экономии, которые восходят к социальному капиталу отдельной семьи. Речь идет о способах снижения цены в рамках родственно-дружеских сетей. Социальный капитал конвертируется в финансовую экономию. «Купила пять колец – бабушке и родственникам со стороны жениха. У меня подруга торгует золотом. Я у нее взяла в рассрочку» (№ 5, мать невесты, К.). «Помог начальник мужа, у него была возможность договориться с рестораном, чтобы было подешевле» (№ 4, мать невесты, Б.). «Многое из подарков заказывали в Турции, потому что там брат моего мужа живет. Он приехал на свадьбу и все с собой привез. Мы купили шесть кардиганов. Они у нас по 10 тысяч. Мы в Турции купили по 5 тысяч. Значит, на кардиганы ушло 30 тысяч тенге. Это для женщин. Для мужчин купили пять костюмов по 50 долларов и брату жениха кожаную куртку за 100 долларов. Все заказали в Турции» (№ 5, мать невесты, К.). Социальные связи дают возможность оптимизировать расходы, что ведет к экономии.

Заблаговременное получение традиционных денежных траншей, или принцип «деньги вперед». Традиция предписывает не только сумму трат, но и время их осуществления. Сдвигая эти транши во времени, можно оптимизировать финансовые расходы.

Например, калым – это компенсация родителям невесты ее ухода из отчего дома. И именно в этот момент его должны передавать. Но если у семьи невесты не хватает денег на приобретение приданого, то заранее полученный калым решает вопрос привлечения кредита. А денег на приданое нужно много, поскольку оно включает в себя одежду, предметы мебели, кухонную утварь, постельное белье и прочее, что нужно для обустройства семейного гнезда. Примерная оценка приданого, прозвучавшая в наших интервью, около 2 млн тенге.

Принцип «деньги вперед» сильно сокращает потребность в заемных средствах. «Мы попросили принести калым сразу, чтобы я могла на эти деньги покупать приданое. А вообще-то считается, что калым отдают, когда забирают невесту из дома родителей. Но мы попросили раньше отдать. Они, когда надевали серьги, тогда же отдали калым» (№ 5, мать невесты, К.).

Другим примером реализации такого подхода является, например, заблаговременное получение оли тири (оли-тири), денег на угощение соседям. «Родители жениха дали 100 тысяч тенге на угощение нашим соседям. Вообще-то соседям накрывают стол, когда невесту увозят из дома родителей, но родители жениха сразу эти деньги дали, получается, на месяц вперед» (№ 5, мать невесты, К.).

Тактика получения «преждевременных денег» создает пространство для финансовых маневров, что в итоге позволяет сэкономить, не нанося урона репутации.

Заключение. На примере нескольких семей среднего класса Казахстана было показано, что внешняя приверженность традициям не означает отсутствия новаций в финансовом поведении участников свадебных ритуалов.

Традиции, как ни парадоксально, одновременно и препятствуют, и способствуют банкоризации свадебной темы. С одной стороны, взятие кредитов блокируется традиционной нормой участия родственников и друзей в покрытии свадебных расходов. С другой стороны, именно традиции предписывают череду обрядов, обилие подарков, множество гостей и прочих примет «приличной» свадьбы, что подталкивает к взятию кредитов. Поэтому

противопоставлять новации финансового поведения и традиции не вполне корректно. Они сосуществуют, проникая друг в друга.

Одной из таких новаций, имеющих непосредственное отношение к традициям, становится «уплотнение» графика ритуалов, что ведет к упрощению логистики и к снижению свадебных расходов. Яркий пример тому, зафиксированный в одном нашем кейсе, – проведение обряда сватовства после формальной регистрации брака и по возвращении из свадебного путешествия. Традиция воспроизводится как декор, функционал которого не имеет никакого отношения к согласию двух родов породниться. Внешняя нерациональность и даже абсурдность решения тратить значительные средства на воспроизводство декоративного элемента, лишённого былого содержания, имеет вполне логичное объяснение. Исполнение обряда становится демонстративным жестом приверженности традициям, что играет важную роль в утверждении репутации семьи.

Свадебный ритуал оказывается ареной постоянного поиска семьями компромисса между «экономическим» и «социальным», выступая одним из множества культурно обусловленных вариантов такого компромисса. При этом финансовая рациональность, играя в одних кейсах явно подчиненную роль по отношению к соображениям социального престижа, в других, напротив, берет над ними верх. Ситуативно и контекстуально в каждом конкретном случае определяется приоритетность финансовой рациональности и приверженности традициям.

Казахстан разнообразен. Мы описали лишь малую часть финансовых проблем, связанных со свадьбами, и ограничились опытом нескольких семей, представляющих городской средний класс Казахстана. Однако эти наблюдения ценны для понимания любого общества, сохранившего приверженность ритуалам жизненного цикла как способа социального позиционирования семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин С.Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/ иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 87–107.
- Азимова Н.Х. Ритуальная экономика: на примере свадебных обрядов. Наманган, 2018 год // Общество, гендер и семья в Центральной Азии. 2020. № 4. С. 87–106.
- Барсукова С.Ю. Банковские кредиты vs долг в рамках социальных сетей: опыт Средней Азии // Terra Economicus. 20226. Vol. 20. № 3. С. 87–97.
- Барсукова С.Ю. Отношение московских студентов из Центральной Азии к традиционной свадьбе // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 70–81.
- Барсукова С.Ю. Ритуальная экономика, или сколько тратят на свадьбу в Средней Азии // Journal of Institutional Studies. 2022a. Vol.14. № 3. С. 86–99.
- Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 12–21.
- Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М.: ВШЭ, 2004.
- Ларина Е.И. Ритуалы, достоинство и уважение в Центральноазиатском обществе // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 2022. № 1. С. 145–165.
- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М.: ВСО «Знание», ЦДНА, 1989.
- Хушқадамова Х.О. Национальные обряды в современном Таджикистане // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 78–81.
- Хушқадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 79–88.
- Borisova E. "Our traditions will kill us!": Negotiating marriage celebrations in the face of legal regulation of tradition in Tajikistan // Oriente Moderno. 2020. No. 100(2). P. 147–171.

Статья поступила: 04.12.23. Финальная версия: 11.03.24. Принята к публикации: 17.06.24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные о семьях, в которых проведены интервью

Номер семьи	Год проведения свадьбы	Кто давал интервью	Примерная оценка свадебных расходов со стороны жениха или невесты	Примечание
1	2020	Невеста А.	4 млн тенге	Невеста уже работала, профинансировала часть расходов своей семьи. В 2023 г. развелись из-за давления свекрови
2	План на сентябрь 2023 года	Мачеха жениха Д.	7 млн тенге	Зарегистрировали брак официально несколько месяцев назад, съездили в свадебное путешествие. Однако планируют провести полный цикл ритуалов, начиная со сватовства
3	2021	Подруга матери невесты О.	9 млн тенге	Межнациональный брак – казашка и киргиз. Не было калыма и большого свадебного тоя со ссылкой на другие национальные традиции
4	2019	Мать невесты Б.	10 млн тенге	Жених и невеста – студенты, бывшие одноклассники. Родители знакомы много лет, поэтому не пытались произвести друг на друга впечатление посредством подарков
5	2023	Мать К. и отец невесты	8 млн тенге	Велась детальная бухгалтерия свадебных доходов и расходов. Сильно сэкономили за счет родственника в Турции, где закупили все подарки и часть приданного
6	2023	Мать жениха К.	10,5 млн тенге	Жених работал в Европе, вернулся, чтобы жениться на казашке. Оплатил около 10% свадебных расходов
7	2021	Невеста Д.	7 млн тенге	Плохая информированность о финансовой стороне свадьбы. Убеждение, что свадьба делается для родителей и ее мало касается
8	2022	Мать жениха И.		Межнациональный брак – казашка и русский. Отказ русской семьи платить калым и оплачивать полный цикл ритуалов

FINANCIAL RATIONALITY VS TRADITIONS: ON WEDDING COSTS OF MEDIUM INCOME URBAN FAMILIES IN KAZAKHSTAN

BARSUKOVA S. Yu.

HSE University, Russia

Svetlana Yu. BARSUKOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia (sbarsukova@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 20-59-22001).

Abstract. Talking about weddings in Kazakhstan can be reduced to one phrase – very beautiful, but very expensive. A plethora of rituals accompanying the wedding, from matchmaking to post-wedding visits, determines the scale of expenses incurred by the families of the bride and groom. Traditions endow the bride and groom with specific expenses, which leads to the separation of their wedding budgets and the fear of not being generous enough compared to the other side. To “decode” wedding accounting, some wedding expenses and sources of their coverage were analyzed in detail using the examples of several Kazakh families who had organized a wedding or were preparing for it. The article provides an estimate of wedding expenses and systematizes the resources that allow the family to bear this financial burden. The ways to reduce costs without reputational damage are discussed separately. It is shown that using the relatives’ help as an alternative to bank loans is embedded in the society. Social environment support in covering wedding expenses forms a system of mutual obligations that firmly bind families within the framework of the gift exchange economy.

Keywords: wedding rituals, rituals of the life cycle, financial behavior, wedding expenses, gift exchange, Kazakhstan.

REFERENCES

- Abashin S. (1999) Contrary to “common sense”? (On the question of the “rationality/ irrationality” of ritual expenses in Central Asia). *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. No. 1–2: 87–107. (In Russ.)
- Asimova N. (2020) Ritual economy: on the example of wedding ceremonies. Namangan, 2018. *Obshchestvo, gender i sem'ya v Central'noj Azii* [Society, Gender and Family in Central Asia]. No. 4: 87–106. (In Russ.)
- Barsukova S. (2022a) Ritual economy, or how much is spent on a wedding in Central Asia. *Journal of Institutional Studies*. No. 3(14): 86–99. (In Russ.)
- Barsukova S. (2022b) Bank loans vs debt within social networks: The case of Central Asia. *Terra Economicus*. No. 3 (20): 87–97. (In Russ.)
- Barsukova S. (2023) Attitude of students from Central Asia (studying in Moscow) to the traditional wedding. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 70–81. (In Russ.)
- Borisova E. (2020) “Our traditions will kill us!”: Negotiating marriage celebrations in the face of legal regulation of tradition in Tajikistan. *Oriente Moderno*. No. 100(2): 147–171.
- Khushkadamova H. (2010) Family and marriage relations in modern Tajik society. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 79–88. (In Russ.)
- Khushkadamova H. (2011) National rituals in modern Tajikistan. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 78–81. (In Russ.)
- Larina E. (2022) Rituals, dignity and respect in Central Asian society. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History]. No. 1: 145–165. (In Russ.)
- Polyakov S. (1989) *Traditionalism in Modern Central Asian Society*. Moscow: VSO “Znanie”, CDNA. (In Russ.)
- Zarubina N. (2005) Money as a socio-cultural phenomenon: limits of functionality *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 12–21. (In Russ.)
- Zelizer V. (2004) *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*, Basic Books. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 04.12.23. Final version: 11.03.24. Accepted: 17.06.24.

© 2024 г.

ЖИЗНЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ (интервью со Стивеном Тернером)

Аннотация. Беседа с профессором Стивеном Тернером¹ состоялась в апреле 2024 г. в его рабочем кабинете университета в г. Тампа. Научные интересы С. Тернера в области философии науки, истории социологии позволили ему дать глубокий анализ и свое видение фундаментальных проблем социологии, философии, социального образования, истории американской социологии и ее положения в мировом социологическом сообществе. В интервью поднимаются вопросы системы науки в США, места социологии в иерархии социальных наук, проблематике и подходах философских исследований современности, а также раскрываются рассуждения и мысли американского ученого о необходимости «широкой» концепции социологии, что подразумевают включение доктрин не-западных культур в тезаурус общемировых социологических исследований.

Ключевые слова: социология • американская социология • философия • социальная философия • социологическое образование

DOI: 10.31857/S0132162524050114

С.А. Митупова. Профессор Тернер, не могли бы Вы сказать несколько слов о себе и Ваших родителях? Где Вы родились, где учились?

С. Тернер. Я родился в Чикаго в 1951 г. в клинике, по-разному называвшейся – «Мери Томпсон» или «Женщины и дети», в то время это была чисто женская клиника. Моя мать там была врачом общей практики, я рос в окружении женщин-врачей Чикаго, ее подруг. Многие из них были беженками из Европы, включая мою мать. Отец был из семьи, переехавшей в Чикаго из Индианы, где дед начинал карьеру в ИМКА². Лет в десять отец заболел бронхитом, и семье посоветовали перебраться во Флориду, что они и сделали со всеми членами семьи. С Флоридой они с тех пор не расставались – сохранили дом, купленный в Майами, но им пришлось вернуться в Чикаго по экономическим причинам – из-за урагана 1926 г. и конца земельного бума во Флориде. Вскоре после возвращения началась депрессия, дед потерял работу в ИМКА, но семье удалось выжить, перестроив принадлежавший им дом под съемные квартиры для участников Всемирной выставки в Чикаго³. Дом был на юге города, этот район из этнически разнообразного превращался в чисто негритянский.

Учился я вначале в публичных городских школах, потом меня перевели в частную школу-лабораторию Чикагского университета, организованную Джоном Дьюи в 1961 г., где я и получил среднее образование. Это была школа для детей профессуры университета и ряда церковных учебных заведений района Гайд-парка, соседствовавшего с университетом. Я не любил эту среду и довольно скоро вернулся во Флориду, а затем стал

¹ ТЕРНЕР Стивен Парк – заслуженный профессор философии и социологии Университета Южной Флориды, США (turner@usf.edu).

² YMCA (аббрев. от англ. Young Men's Christian Association – «ассоциация молодых христиан», рус. ИМКА) – молодежная волонтерская организация.

³ Всемирная выставка «Столетие прогресса» в 1933 г.

студентом нескольких университетов Нью Орлеана и Миссури. Это как-то расковывало: я встречал людей очень разного для Америки положения и происхождения.

Поскольку я рос в университетской среде, я быстро смог найти то, что мне было интересно, нашел хорошее место – университет Миссури, где было отделение социологии, тесно связанное с отделением философии, в отличие от большинства американских университетов того времени.

С.М. Вы росли в обстановке этнического многообразия, под жестким надзором родителей и всегда рядом с угрозой расового насилия – это факт Вашей биографии. Сейчас оглядываясь в прошлое, что Вам видится главным в то время?

С.Т. В среде темнокожих много добропорядочных людей, но много и уголовщины, нетерпимой для белых и на них направленной. Поэтому интеграция там была нестабильна. Та часть города, где я жил, стала огромным черным гетто, пропитанным насилием. Это тяготит далеких от уголовщины чернокожих, к тому же им приходится нести бремя ассоциации их самих с преступностью в глазах сторонней публики. Для меня главным уроком стало то, что в отличие от других этносов, которые могут принимать или отвергать свою идентичность, на черных лежит груз стигматизированной идентичности. Люди часто реагируют на эту идентичность, используя стигму и стигматизованное поведение: отсюда рэп и хип-хоп с их криминальным уклоном. Сами черные, если находятся в состоянии восходящей мобильности, уезжают в пригороды, подальше от уголовников, но их дети все же подпадают под стигматизированную идентичность; от нее не уйдешь, переехав в другой район или подальше от идеологий и музыки, воспевающих её. Но хороших способов уйти от стигмы нет: по большей части, такие способы, как специальные процедуры, только создадут свою стигму. Проводимая политика идентичности лишь подтверждает такие связи, вследствие ее эта социальная проблема становится неизлечимой.

На уровне индивида это не так. Большинство черных, которых я знал по школе, смогли преуспеть: сумели взять лучшее от обоих миров. Но как? Путем бегства и переселения. Возможностей много, и они их используют. И не только богатые – молодой парень, сын подрядчика маляров, к которому я нанимался на работу, стал адвокатом.

Я сочувствую людям, несущим бремя стигматизированной расовой идентичности. Такой ноши я никому не пожелаю. Но это другая проблема, не та, которую, как думают активисты, они решают.

С.М. Вы были совсем юным, когда американское общество прошло через гигантские социальные сдвиги после таких событий, как убийство Мартина Лютера Кинга, президента Кеннеди, потом его брата Роберта Кеннеди, студенческие сходки и т.д. Как Вы, Ваши ровесники и Ваши родители, люди вокруг Вас, воспринимали все это?

С.Т. Я в некотором смысле был далек от них. Я уехал из Чикаго в Майами в 16 лет. Я был в Чикаго, когда убили президента Кеннеди⁴, вернулся вскоре после убийства [Мартина Лютера] Кинга⁵ и событий в университете Тампа, когда южная часть города была практически закрыта вследствие бунтов и патрулирования улиц национальной гвардией. Было как-то странно спокойно. Я был в гостях у одной семьи недалеко от Нью-Йорка, когда хоронили Роберта Кеннеди; эти похороны я видел только по телевидению. Я не видел студенческих движений до вьетнамских протестов, случайно оказавшись участником их, когда социологический департамент университета Миссури оказался в центре конфликта после того, как профессора перестали проводить занятия в ответ на расстрел студентов в Кентском университете штата Огайо. Это был драматический момент – все университеты могли взбунтоваться, но не взбунтовались. Мои сверстники видели в этом часть войны поколений. Старшее поколение могло пожертвовать во Вьетнаме молодым поколением; они его не любили. Был здесь и классовый элемент: гарвардцы не возражали бы принести в жертву

⁴ 22 ноября 1963 г. – Прим. ред.

⁵ 4 апреля 1968 г. – Прим. ред.

молодых рабочих и студенчество университетов в штатах. Ничего не знаю, как на то смотрели мои родители, хотя они беспокоились, не призовут ли и меня.

С.М. Вы писали в мемуарах, что Ваши интеллектуальные интересы были очень далеки от всего, что происходило в учебных заведениях. Почему?

С.Т. Система науки в Америке очень иерархична; условия работы и возможности элиты намного лучше всего того, что доступно остальным. Школа-лаборатория, где большинство – дети профессоров университета, тоже была пронизана статусной этикой такой системы. Для многих ее студентов это означало возможность дополнительных курсов математики, языков, что помогало попасть в лучшие университеты, а впоследствии сделать лучшую траекторию научной карьеры. В моде какое-то время был курс русского языка по выбору; сегодня это китайский («мандарин»). Многими владела мысль о том, что, если не проскочишь через эти фильтры, не попадешь на узкую тропу, ведущую в научную элиту. И действительно, кое-кто на такой трек попадал, значит рецепт был правилен. Если вы учите что-то иное, кроме способов преодолевать такие фильтры, или интересуетесь чем-то иным, – это ваше дело. К счастью, по соседству с университетами были книжные магазины, группы и люди, вышедшие за пределы столь узких представлений об интеллектуальной жизни как поиске статуса. И это оставляло пространство для какой-то независимости, поиска собственных интересов, талантов.

С.М. Как Вы решились изучать философию и социологию?

С.Т. Когда я оглядываюсь назад, этот выбор кажется мне почти предопределенным. Я жил в среде, где социология сливалась с повседневными проблемами и проблемами публичными, поэтому я естественным образом стал тянуться к оптике для их понимания. Я по-бунтарски реагировал на теологические взгляды моего отца, а это – естественный путь к философии. «Что есть истина?» – это и религиозный, и философский вопрос. Необходимость искать ответы на преподносимое мне обучение, на теологическую среду и на события шестидесятых с их политическими и культурными переменами вели меня на путь изучения философии и социологии, но в качестве аутсайдера и аналитика. Но было легко соскользнуть также в доминировавшую идентичность или в обыденный подход к религии. Мне не хватало опыта и связей для этого. В аналогичной ситуации были и многие другие; и для таких студентов социология и философия были естественными пристанищами.

С.М. Расскажите, как Вы преподаете философию?

С.Т. Мне преподавание удовольствия не приносит, хотя у меня есть неплохой опыт. То, к чему я стремлюсь – это поощрение интеллектуального риска. Студентам я говорю, что оцениваю их подобно тому, как судят на спортивных состязаниях: если спортсмены показывают что-то трудное, они получают хорошую оценку, даже если исполнение несовершенно. Трудно заставить людей мыслить самостоятельно. Но нужно их к этому подводить, обещая за это безопасность. Стоит ли говорить, что это не всегда срабатывает! Но, думаю, важно не формировать догматизм, поощрять такой путь.

С.М. Что самое лучшее в роли профессора философии/социологии?

С.Т. Здесь есть один корыстный аспект. Можно преподавать вещи, которые являются предметом текущих споров, а в ходе диалогов со студентами уточнять, улучшать свое собственное понимание и объяснение. У меня самые лучшие воспоминания о том, как мне удавалось студентов растормозить и вынудить оперировать примерами и положениями из их собственного опыта, а я сумел эти примеры обобщить и использовать. Когда я начинал преподавать социологию в моем нынешнем университете, студенты были старше меня, с жизненным опытом большим, чем у меня; преподавание уподоблялось судебному разбирательству – понимать и обрабатывать опыт других. Сейчас студенты моложе меня, и такой прием не работает. Но он работает со студентами-иностранцами. Ведь работать с ними – это постигать их собственный опыт как отдельная задача.

С.М. По Вашему мнению, как в глобальном социологическом сообществе воспринимается американская социология (доминирует, продвинута, диверсифицирована и т.д.)?

С.Т. Подозреваю, что образ американской социологии кристаллизовался в 1960-е годы, когда она стала ассоциироваться с практикой опросных исследований и со статистикой при самом ограниченном интересе к теории.

С.М. Есть мнения, что некоторые идеи П.А. Сорокина не вписались в канон американской профессиональной социологии. Вы бы с этим согласились?

С.Т. Сорокин вписывался в нее, пока не случились большие перемены после 1945 г. Книги Питирима Сорокина хорошо продавались, его уважали. Он также взаимодействовал с американскими учеными, которые были стандартными профессионалами своего времени, разделявшими базовые мотивационные факторы социологии межвоенного периода, в который так хорошо вписался приехавший в США Сорокин. Существовала тогда некая традиция, описать которую нелегко, но назвать можно «духовным благополучием». В ее основе была некая тревожность по поводу американской социологии, в которую Сорокин вписался со своей системой типов культуры. Но хотя эта тревожность сохранилась, например, в книге Рисмена «Одинокая толпа», эта проблема уступила место усилиям сделать социологию научной по модели поведенческих наук, захлестнувшим американскую социальную науку после войны. Озабоченность большими категориями культуры в такую модель не вписывалась; требовались исследования мелких проблем. Результатом стало исключение Сорокина, как и политические противоборства в Гарварде, приведшие к замене департамента социологии департаментом «Социальных отношений», каковые и были представлены в качестве образца интегрированной поведенческой науки.

С.М. В одной статье Вы писали, что «социология утратила свой дух свободы, который когда-то имела». Вы отметили, что «социология когда-то считалась местом, где интеллектуалы обретают свободу». Пожалуйста, прокомментируйте эти слова.

С.Т. Социология была последней из социальных наук в США, профессионально организованных в качестве части общества, и случилось это в результате углубления раздела интеллектуальной территории в период оформления научных дисциплин с 1880 по 1905 г. То есть в некотором смысле она сложилась из оставшихся проблематик, что и делало ее местом, которое остальные отвергли или не стали осваивать как неподходящее для них или непрестижное, или недостаточно строгое. Но она стала местом пристанища для людей, которых уволили из экономики, как Э.А. Росса, по политическим причинам, или у кого интересы были шире, чем их могли освоить в сжимающихся полях экономики и истории. И это не изменилось во время великой миграции европейских интеллектуалов 1930-х гг. Социология приветствовала эмигрантов пока могла. Но полоса после 1945 г. изменила социологию, создав ситуацию, в которой эмигранты или приспособлялись, или находили безопасные ниши для продолжения своих прежних занятий. А это означало, что до 1960-х гг. было много людей, включая таких эмигрантов, как Курт Вольфф, которые могли преподавать, писать и привлекать последователей на основе радикально различающихся идей, таких как «Сдаться и Поймать»⁶, а также писать романы, стихи и жить собственной жизнью по своему разумению. Один из тех, кто оказал некоторое влияние на меня, был Гидеон Шёберг, преподаватель Техасского университета, сторонник критических воззрений на доминирующую социологию – один из менторов моих учителей. Но обрушение набора поступавших на отделения социологии в 1970-е гг. ситуацию поменяло. Пройдя самую низкую точку приема примерно в 1986 г., отделения социологии стали идеологически неразличимы и совершили разворот к обслуживанию некоего

⁶ Термин был сформулирован американским социологом немецкого происхождения Куртом Вольффом (1912–2003) в его книге «Surrender and Catch: Experience and Inquiry Today» (1976), D. Reidel Publishing Company, Dordrecht – Holland/ Boston – USA. «Сдаться и поймать» – это «социология понимания» (*verstehende Soziologie*), теория и методология, позволяющая понять «инаковость». – Прим. С.М.

типа студентов, которым не бросают вызов, но потворствуют. И их соответственно брали на работу. То есть соперничество, столь стимулировавшее во времена Ч. Райта Миллса, ушло безвозвратно. Университет штата Висконсин был местом, где неистовые количественники и более качественники сосуществовали, и для того, чтобы дисциплина социология все же выжила, терпели друг друга. Это и получило известность как «Висконсинский мир», – послуживший моделью другим факультетам и кафедрам. Но это не послужило развитию новаторства, свободе мысли.

С.М. Каковы, на Ваш взгляд, фундаментальные проблемы социологии, двигающие ее вперед?

С.Т. Социология в США застряла на таких проблемах исследований, как раса и гендер, на десятилетия. Нового в ней маловато, чтобы здесь об этом говорить. Что является новым и чем следует заниматься, так это перемены, производные от цифровизации, включая ИИ. Прежние формы социальной психологии и культуральный анализ, на что полагаются социологи, – установки, замеренные в опросах, например, или анализ артефактов культуры, таких как телевизионные шоу – совершенно неадекватны этой задаче. Изменение такого положения потребует внимания к реальности когнитивной науки, к тому, что многие социологи отвергают как форму биологического редукционизма. Есть и позитивные знаки, что поворотные события все же свершатся, но в данный момент мы пока имеем лишь зеленеющие листочки. Но все же реальность дигитального мира – революция в социальных отношениях, и социологии нужно ее осмысливать по мере ее развертывания.

С.М. Платон и Аристотель были против демократии, поскольку верили, что избыток свободы вреден обществу. Что Вы думаете об этом?

С.Т. В давней своей речи XIX в. Доносо Кортес обнародовал закон политической термометрии, согласно которому репрессии должны вытекать изнутри или извне. Если люди себя сдерживают без принуждения, они «свободны» в политическом смысле – но не в смыслах иных. В этом что-то есть: социальная и политическая свобода от внешнего сдерживания требует внутренних ограничений. Поэтому «слишком много свободы» в смысле отсутствия всяких видов ограничений было бы вредоносно. Но каждая культура имеет собственные внутренние запреты и неформальные ограничения. Поэтому мы не можем найти общее решение названной проблемы. И в некоторых контекстах внешние репрессии выступают условием свободы внутренней. Либеральная свобода – большой груз в смысле того, что требует массы терпимости, готовности подчиняться закону и сильного индивидуализма. Это – не для всякой культуры, не для каждого человека. И ее бывает очень трудно поддерживать – некая историческая аномалия, как думал М. Вебер, основанная на никогда не повторяющихся условиях.

С.М. Нет ли у Вас каких-то рекомендаций, чтобы помочь студентам всех уровней преуспеть в карьере социологов?

С.Т. Социология – это «дисциплина», но она требует и страсти, чтобы все преодолеть. Нужно решить, можешь ли ты найти нечто, что соответствует этой дисциплине. Здесь вызов. Вероятно, самый большой вызов к личности. Внешние награды в жизни ученого не достаточны для устойчивого продолжения всей карьеры; нужно найти собственное внутреннее удовлетворение.

С.М. Я знаю, что Вам приходилось переживать отказ в публикациях статей на первых этапах Вашей карьеры. Что Вы посоветуете тем, чьи публикации отвергают?

С.Т. Выстоять в научной жизни можно и будучи неутомимым конформистом; а публикация в «топовых» журналах требует большого конформизма. Отказ в публикации – это, собственно говоря, особая форма стимулирования. Отказ может быть мотиватором, а также и способом поощрения человека искать те малые общности ученых, с которыми они могут коммуницировать. На этом можно учиться, а также узнавать и самого себя. Если просто отправить текст и смириться, можно упустить шанс мыслить каким-то

оригинальным способом. Мой совет – не уделять особого внимания иерархии журналов, быть верным себе в своих публикациях. Не беспокоиться о том, где публикуешься. Беспокоиться лучше о том, где найти единомышленников, с которыми можешь поделиться своим знанием. Дигитальный мир – плоский: можно найти в нем, с кем коммуницировать, помимо того сорта журналов, в которых высок уровень отказов. Просто ищите, где вписаться, что может быть болезненным, но создает личные связи, которые и делают научные исследования делом стоящим и полным смысла.

С.М. Социология и философия – неразделимые части Вашей жизни. Те, кто имели дело с Вами лично или через Ваши труды, знают, что Ваше путешествие в науке охватывало несколько дисциплин, и одной из них была философия. И не могли бы Вы объяснить, какой вид исследований в наши дни видится в дисциплине философия?

С.Т. Обозреть поле философии сегодня трудно. Есть, конечно, различия в национальных традициях, различия отношений к «публичной философии», к мысли, что философия должна обращаться к публичным проблемам, и различия в отношении к тому, что считать ядром философии. Самый большой престиж англо-американская философия обрела за последние 75 лет благодаря различным формам аналитической философии, которая занимается логическими реконструкциями «ядерных» концептов, таких как истина или импликации. Но по мере того, как эти поля развивались, они становились всё менее релевантными и для остальной философии, и особенно для всякого смысла её публичной роли.

Но не проблематика разделяет нынешние философские исследования от других полей, а применяемые подходы. Например, роль экспертизы в обществе стала вопросом, который трудно игнорировать, особенно после пандемии COVID-19, и ошибок, сделанных сверх-самоуверенными и скомпрометированными «экспертами», которым было дано слишком много власти. Это вопрос, который можно адресовать ко многим дисциплинам, каждой по-своему. То, что философия может внести в эту дискуссию конкретно – сказать об истории проблемы этого знания и знания элит в обществе и как эти проблемы понимались в прошлом; она может объяснять эти проблемы через призму самих проблем, может говорить о дефинициях эпистемных вопросов, таких как неуверенность; об этических вопросах, оказавшихся на кону при встрече с конкретной проблемой у экспертов, и в целом выполнять задачу интеллектуального прояснения перед лицом путаницы и многоголосья.

Что мы находим в этой литературе и, в более общем плане – в литературе философской, так это характерный стиль рамок и решения проблем. Как бы странным ни показалось, философы не просто не соглашаются друг с другом, хотя они конечно это делают, они действительно способны убеждать друг друга посредством методов проведения концептуальных различий и отслеживания последствий своих утверждений. И они могут применять такую стратегию ко многим сущностным вопросам, выступившим в роли источника разногласий в публичной сфере или в научных дисциплинах.

Многое из того, что сегодня происходит в философии в англосфере – это «прикладная этика», то есть философский анализ этических аспектов, или проблем в конкретных сферах – таких как спорт, которые сами по себе «философичны», но вызывают вопросы этического характера. Каковы наши обязанности? Какие правила справедливы? Какого типа человеческих отношений требуют конкретные действия? Какова разделяемая цель действий и как это обосновывает наши обязанности? Для работы с таким видом философии нужно владеть самой проблемой – стать своего рода начинающим экспертом в ней. Но есть и передаваемые умения из философского обучения по другим проблемам. Например, изучение биомедицинской этики – очень большой вопрос, и он будет связан с аналогичным видом вопросов.

Что даст это философским исследованиям? Это всегда что-то новое – подобно тому, как кошка приносит на порог дома мышь – чтобы философия вспомнила свою собственную традицию и применила ее, в то же время пересматривая традиции посредством расширения своих концептов. Развитие когнитивной науки за последние пятьдесят лет

и новый акцент на ИИ – хорошие примеры. Оба претендуют на нечто большее, или совершают вещи в нашем мире, бросающие вызов идеям прошлого о предметах, подобных рациональности, разуму, природе интеллигентности и т.п. Но эти вопросы восходят к прошлому, к Платону и Аристотелю – по меньшей мере, и поэтому можно сконструировать диалог между ними. И это то, о чем идет речь в философском исследовании: постоянный пересмотр наших концептов перед лицом новизны, которая требует реинтерпретации и углубления наших концептов из прошлого.

С.М. Часто говорят, что «никто не стар или не молод настолько, чтобы не учить философию». Есть ли смысл изучать философию сразу после средней школы? Я так не думаю.

С.Т. Это интересный вопрос – даже в глобальном плане. В ряде стран философия входит в программу средней школы уже более ста лет. Э. Дюркгейм, например, начинал в такой школе, как и многие философы Италии и Австрии. Но в других странах стремление готовить работников для инженерной сферы и соперничество в глобальной экономике привели к изъятию гуманитарных наук из программ средней школы. Начинать ли изучать философию после средней школы – другой вопрос. Если не было философской подготовки в средней школе, а это норма для общих школ, с некоторыми исключениями, студенты в США редко выберут себе специализацию по философии. Но система образования в США включает и «общее образование», где приходится знакомиться с философией, какие бы иные предметы в школе не изучали. Как правило, студенты сталкиваются с проблемами, которыми занимается философия, и тогда начинают слушать курс по философии. К тому же есть еще путь к философии, идущий от классиков – от греческих и латинских текстов.

С учетом природы современной философии было бы неправильно не знать ничего, кроме философии. Но пробуждение у человека интереса к философским идеям нельзя запланировать или запрограммировать. Здесь вопрос скорее о том, когда у человека возникает некая интеллектуальная чувствительность, ведущая к философии. Со мной это случилось в молодости. Я считаю важными свои встречи с философией, но тогда они были для меня лишь одним интересом среди других интересов. Лишь после того, как я узнал многие другие вещи, эти интересы оформились.

С.М. Какие карьерные возможности есть сегодня у выпускников философских факультетов, кроме пути в науку? В каких сферах человеческой деятельности можно применить это знание?

С.Т. Это вопрос, с которым имеют дело все факультеты философии. Система образования в США построена так, что студенты не поощряются глубоко специализироваться слишком рано. Значит, они уступают в международном соперничестве с теми, кто специализируется с самого начала. Но это делает их и более гибкими. По завершению университетского курса многие идут в школы права; выпускники философских факультетов неплохо показали себя при поступлении в медицинские учебные заведения, в других областях. Но уровень PhD более проблематичен. В науке возможностей не так много, нет мест, на которые требуется именно «философ». Но выпускники часто преуспевают в использовании своих навыков в преподавании проблем бизнеса, в частности – обучения, в других областях научно-учебной работы, таких как совершенствование навыков написания текстов, заявок на гранты и т.п. В университетах много администраторов, работающих с профессорско-преподавательским составом, так что этому не приходится удивляться. Здесь ученая степень не очень важна, хотя все же имеет значение, но коммуникация с людьми важна в не меньшей мере.

С.М. Чему же все-таки нас учит философия?

С.Т. Старый ответ Сократа на этот вопрос таков: она учит нас тому, что мы не знаем. И в этом есть некая вечная истина: философия помогает людям выражать их неясные сомнения и скептицизм, пользоваться ею для изменения своего мышления, а также избегать догматизма в своем обновляемом мышлении. То есть в некотором смысле философия

учит задавать вопросы, не находить легкие ответы. Даже самые убедительные философские тексты будят новые вопросы – так и должно быть. Карл Поппер назвал свою автобиографию «Нескончаемый поиск», и этим схвачено чувство, что философия может искать, никогда не находя, окончательное разрешение.

С.М. Когда люди говорят о философии вообще, они обычно имеют в виду западную философию. Хотя западная и восточная придерживаются своих способов исследования, обе воспринимаются как два совершенно разных предмета. Известно, что некоторые западные философы, например И. Кант, взяли много интересного из философских традиций Востока, многие экзистенциальные темы. Есть ли основания игнорировать восточные философские традиции – буддизм, конфуцианство и др.? Считаете ли Вы, что философия, как ее видят на Западе, принадлежит Западу, как и социология?

С.Т. На Западе многие интересуются восточной философией, но интерес этот циклический. В прошлом требовали изучать все области философии, обычно включая буддизм. Но теперь структура научных степеней другая. Однако исследователи как-то находят пути к этим текстам. И переводы их аргументации в виде, характерном для западной философии, тоже всегда были проблемными. Но эти идеи служат вызовом принятым западным концептам, например – *селф*. Я считаю ценным то, что называют сравнительной философией, – она пытается привлечь внимание к философским традициям других. Но это трудная задача. Быть компетентным, например в японской философии, потребует углубленных усилий. Мой школьный друг Карл Беккер два или три года провел в буддийском монастыре, изучая язык и термины, чтобы понять последние слова умиравших людей, записывавшиеся на протяжении более тысячи лет. Не могу не поклониться. Монахи думали, что он сошел с ума, но все же терпели его, удивлялись. И он стал профессором в Японии – вещь в этой стране почти неслыханная для человека западного. Но это показывает, как трудно овладеть даже малой частью чужой традиции.

Я вел семинар по африканской философии, основываясь на книге моего покойного коллеги Квази Виреду, – тоже пример того, сколь ценна и трудна сравнительная философия. Даже объяснение различий в таких фундаментальных концептах, как разум, требует огромных усилий и чувствительности. Но перевод, сколь ни был бы он хорош, неизбежно опускает нюансы и эмоциональное значение реально используемых концептов. Виреду – хороший пример межкультурной философской дискуссии. Он хотел показать, что африканские концепты – реальные философские альтернативы, для него означавшие факт, что они могут быть частью философского диалога, преодолевшего локальные традиции.

Социология, в каком-то смысле, другое дело. Социологи прошлого всегда считали важным показывать, что рефлексии природы общества – универсальный феномен. Они стремились начинать анализ вопроса с Хамурапи или даже раньше. Они считали Индию неким первоисточником идей. Мои учителя еще хранили кое-что из этого. Один из них был известен любовью к Ибн Халдуну. Как-то раз, когда раздалась пожарная тревога в здании, которое нужно было эвакуировать, он, уходя, взял единственную книгу – книгу Халдуна «Мукаддима». Но потом социологи начали игнорировать все это, и даже стали игнорировать социологию, сформировавшуюся до них. Такое забвение – в основном вина Толкота Парсонса и Роберта Мертон, которые постарались ужать теоретическое прошлое социологии до размера, полезного в построении социологии, соответствовавшей их узкому видению науки. Нужна некая широкая концепция «социологии», чтобы в нее можно было включать социальные доктрины незападных культур. А это не то, чему все же учат сейчас на факультетах социологии, даже когда на словах делают вид, что признают разнообразие. Когда западная социология как академический предмет оказалась в незападных странах, ее адаптировали к локальным проблемам и социальным конфликтам, сделав в итоге ее менее «западной». А в некоторых локальностях западная социология, когда она осваивала конкретную страну, например, в случае анализа Максом Вебером Индии, была применима в качестве основания локального социологического

самопонимания. То есть социология всегда была чем-то большим, нежели смесью традиций, где бы они ни складывались, чем самостоятельной традицией, как это имеет место в случае философии.

С.М. Если бы был шанс поговорить с величайшими философами прошлого, кто был бы ими? И с кем Вы хотели бы выпить по кружке пива, не обсуждая философию?

С.Т. Это интересный вопрос, на который очень трудно ответить. Есть философы, которыми восхищаешься, но которые, вероятно, не будут очень приятны или полезны в личном разговоре. Некоторые из них настолько закрыты в себе, что было бы трудно вступить с ними в подлинный обмен. Некоторые столь отчуждены, что я бы не знал, что им сказать. Канта я бы нашел слишком нервничающим, но мне было бы интересно знать, что он думает о способах использования его идей в последовавшей после него истории философии. Юма я скорее счел бы более компанейским, но в разговоре с ним не было бы той интеллектуальной напряженности, которая делает интересной всякую беседу. Тем не менее эти двое были бы теми, с кем я хотел бы встретиться и даже всем вместе так, чтобы я мог втянуть их в спор.

Если бы мне выпала возможность пить пиво с некой исторической личностью, не обсуждая философию, думаю, я выбрал бы де Токвиля. Его мощь наблюдателя очень велика, диапазон социального опыта столь широк, а чувство социальных мелочей столь развито, что было бы заманчивым обмениваться с ним анекдотами. То же я чувствую в отношении таких людей, как Казанова, мемуары которого – удивительно хорошая этнография социального мира, который мы утратили. Хотел бы я встретить и своего дальнего родственника Мунго Парка, исследовавшего Африку в доколониальный период. Здесь есть как бы образец – эти люди рассказали бы очень значимые истории, а также были бы чувствительны к социальным различиям и обычаям, которые в итоге есть то, что очаровывает меня.

С.М. Профессор Тернер, для меня было большим удовольствием беседовать с Вами сегодня. Искренне благодарю Вас за Ваши ценные мысли. Уверена, среди тех, кто мыслит глубоко и кто небезразличен к проблемам философии науки и социологии, это интервью вызовет интерес.

Беседовала и перевела С.А. МИТУПОВА,
к. социол. н., преп. РАНХиГС, Москва, Россия;
пригл. исслед. Деп-та Философии Ун-та Южной Флориды, США
(smit78@mail.ru, mitupova-sa@ranepa.ru)

Статья поступила: 26.04.24. Финальная версия: 15.05.24. Принята к публикации: 25.05.24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые труды профессора Тернера (A selection of Professor Turner's works)

Turner S. *Mad Hazard: A Life in Social Theory, Current Perspectives in Social Theory* Vol. 38. Leeds: Emerald Publishing, 2022.

Turner S., Factor R.A. *Max Weber and the Dispute Over Reason and Value: A Study in Philosophy*. L.: Routledge, 2014.

Turner S. *Explaining the Normative*. Oxford: Polity Press, 2010.

Turner S., Mazur G. *Morgenthau as a Weberian Methodologist* // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15(3). P. 373–407.

Turner S. *The Social Study of Science before Kuhn* // *The handbook of science and technology studies* / Ed. by E.J. Hackett et al. 3rd ed. Cambridge, MASS; L.: The MIT Press, 2008. P. 33–62.

Turner S. *Public Sociology and Democratic Theory* // *Sociology*. 2007. Vol. 41(5). P. 785–798.

Sica A., Turner S. *The Disobedient Generation: Social Theorists in the Sixties*. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2005.

Turner S. *Charisma Reconsidered* // *Journal of Classical Sociology*. 2003. Vol. 3(1). P. 5–26.

Turner S., Factor R.A. *Max Weber: The Lawyer as Social Thinker*. L.: Routledge, 2003.

- Turner S. *Sociology and Fascism in the Interwar Period: the Myth and Its Frame*. L.: Routledge, 2003.
- Turner S. *Liberal Democracy 3.0: Civil Society in an Age of Experts*. L., Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2002.
- Turner S. *The Cambridge Companion to Weber*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2000.
- Turner S. *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Turner S. *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*. L.; N. Y.: Routledge, 1993.
- Buxton W., Turner S. From Education to Expertise: Sociology as a «Profession» *Sociology and Its Publics*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 373–407.
- Turner S., Turner J. *The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology*. California: Sage Publications, 1990.
- Turner S. *Sociological Explanation as Translation*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge Scholars Press, 1980.

A LIFE IN SOCIAL THEORY (Interview with Stephen Park Turner)

MITUPOVA S.A.*, TURNER S.**

*RANEPA, Russia; **University of South Florida, USA

Sayana A. MITUPOVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Lecturer of the RANEPA, Moscow, Russia; visiting researcher at the Philosophy Department, University of South Florida, USA (mitupova-sa@ranepa.ru); Stephen P. TURNER, *Distinguished Professor of philosophy and sociology of Department of Philosophy of the University of South Florida, USA* (turner@usf.edu).

Abstract. A conversation with Stephen Turner, Distinguished Professor of the Department of Philosophy at the University of South Florida, USA, took place in April 2024 in his office at the university in Tampa. Professor Turner's scientific interests in the field of philosophy of science, history of sociology allowed him to give a deep analysis and his vision of the fundamental problems of sociology, philosophy, social education, history of American sociology and its place in the global sociological community. The interview highlights the challenges within the American scientific system, sociology's role in social sciences, and the methodologies and concerns of philosophy in examining modern existence. It uncovers the perspectives of the American sociologist on the importance of an expansive view of sociology that encompasses the social philosophies of non-Western cultures in the lexicon of worldwide sociological research.

Keywords: American sociology, philosophy and sociology, sociological education, social philosophy.

Received: 26.04.24. Final version: 15.05.24. Accepted: 25.05.24.

© 2024 г.

ПРОБЛЕМА АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА И РАЗНООБРАЗИЕ СЛОЖНОСТЕЙ

Очередное заседание Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике» (29.02.2024) было посвящено работе Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, в котором приняли участие представители диссертационных советов, докторанты, аспиранты, редакторы научных журналов. Для научных журналов эта тема не менее актуальна в свете изменений в категоризации журналов. На заседании Совета удалось не только показать работу ВАК изнутри, но и обсудить сложности взаимодействия с ним и возможности его совершенствования.

С докладами выступили: зам. председателя Совета проф. **Ю.А. Зубок** (ФНИСЦ РАН) и члены Совета **О.В. Аксенова** (ИС ФНИСЦ РАН), проф. **М.Б. Буланова** (РГГУ), проф. **Г.С. Денисова** (ЮФУ). В качестве дискуссионных выступили: проф. **В.Ф. Левичева** (АНО Ин-т «Справедливый мир») и **В.В. Зырянов** (МГУ им. М.В. Ломоносова).

Активное участие в дискуссии также приняли: проф. **В.Н. Бобков** (ИЭ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова), **Н.С. Воронина** (ИС ФНИСЦ РАН), **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН), **Я.В. Дитковская** (УрФУ), проф. **А.Ю. Карпова** (ТПУ), проф. **А.В. Носкова** (МГИМО), **Е.С. Попова** (ИС ФНИСЦ РАН), **Е.В. Строгеецкая** (ЛЭТИ), **Г.Г. Татарова** (ИС ФНИСЦ РАН), **О.В. Филимонов** (Академия управления МВД РФ), чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) и другие.

Основные вопросы, предложенные к обсуждению, касались качества диссертаций. Среди вопросов, которые волнуют социологов, можно выделить следующие: есть ли официальный регламент проверок и экспертиз работы диссертационных советов со стороны ВАК: сроки, частота, критерии, процедуры? Существует ли в экспертном совете ВАК практика индивидуальных консультаций для соискателей докторских степеней? Какова позиция ВАК относительно работ иностранных соискателей? Есть ли болевые точки, на которые нужно обратить внимание? Нормы аутентичности текстов кандидатских и докторских диссертаций, авторефератов? Позиция экспертного совета относительно использования искусственного интеллекта при подготовке работ: что допустимо и как отслеживается?

Открывая заседание, председатель Совета чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ФНИСЦ РАН) отметил актуальность темы нынешнего заседания в связи с переходом ВАК в подчинение РАН, необходимостью обсуждения предложений по совершенствованию имеющейся системы аттестации.

Свой доклад проф. **Ю.А. Зубок** начала с того, что идея собраться в таком формате и совместно обсудить накопившиеся проблемы, назрела давно. Ключевой момент – снижение не столько количества, сколько качества диссертаций, а превалирование работ по одним специальностям и существенное снижение по другим обусловлено прагматичной ориентацией соискателей на специальность, представленную в доступном диссертационном совете.

По наблюдению эксперта, несмотря на большое число защит диссертаций по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы», происходит заметное снижение качества представленных работ. Проблемы в научном сообществе общие, но проявляются они по-разному в академической и вузовской среде. Переориентация науки в вузы привела к тому, что академическая среда «просела» из-за пренебрежения

инвестициями в фундаментальную науку, однако и вузовская не развилась в полной мере из-за резкого возрастания учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава. Научный потенциал, несмотря на имеющиеся проблемы, преимущественно остается в академических институтах, снижение качества диссертационных работ происходит в основном в вузах. Об источниках проблем, обуславливающих падение качества защищаемых диссертаций, эксперты говорят постоянно: ухудшение качества базового социологического образования в стране; слабая подготовка соискателей в их организациях (особенно это касается пришедших в социологию из других областей знания); загруженность научных руководителей и невозможность полноценной работы с соискателями; слабая мотивация самих соискателей; противоречия в подходах и требованиях к диссертационному исследованию в разных организациях и др.

К конкретным проблемам качества подготовки диссертаций Ю.А. Зубок отнесла повторяющееся от работы к работе отсутствие внятной, логически выстроенной концепции исследования; недостаток теоретической и зачастую полное отсутствие эмпирической интерпретации понятий; непонимание сути научной проблемы, ее отличия от проблемы социальной и управленческой. В конечном счете имеет место непонимание сути научного исследования, что приводит к попытке защиты общеизвестных фактов или общественно-политических взглядов самого автора, а не результатов проведенного исследования. Последнее, пояснила Ю.А. Зубок, напрямую связано с рассогласованием теоретической и эмпирической части работы. Массовой проблемой является попытка изучения не самого явления, а отношения к нему, подмена социологического исследования общественным мнением. Существенных проблем можно было бы избежать, если бы была налажена квалифицированная предварительная экспертиза, заинтересованное обсуждение текста диссертации выпускающей кафедрой/организацией и членами диссоветов на стадии принятия его к защите.

В завершение выступления проф. Зубок затронула тему лишения ученых степеней, поскольку для многих она является одной из самых чувствительных и болезненных, в связи с пересмотром работ когда-то защитившихся социологов. Она отметила, что лишают степени исключительно за плагиат, которым считается текст, произведенный без оформления ссылок на любые неавторские материалы, включая материалы отчетов по грантам. По убеждению Ю.А. Зубок, эта проблема прочно связана с несформированными нормами и традициями уважения и соблюдения авторского права, отсутствием культуры цитирования, имитационными практиками подготовки бакалаврских и магистерских работ, которые были перенесены в поле науки.

Открывая дискуссию, проф. **В.Ф. Левичева** поделилась опытом работы заместителем председателя данного Экспертного совета ВАК на протяжении почти 20 лет (1997–2016), подчеркнув, что за эти годы экспертиза социологических работ сильно изменилась, следствием чего и стали обсуждаемые сейчас проблемы аттестационной системы. Она подчеркнула, что решения принимаются экспертами по конкретному тексту, выполненному в соответствии с регламентами, принятыми в отрасли знания. Проф. Левичева согласилась с Ю.А. Зубок, что необходимо обсуждать основные критерии – как оценивать объективность, соблюдение стандартов научного исследования. Она подчеркнула, что уровень кандидатской диссертации должен в большей мере оцениваться как квалификационная работа, и этой квалификации конкретный соискатель должен соответствовать. По ее мнению, нужно учить аспирантов добиваться объективности, избегать предвзятости, идеологической перегруженности, основательнее учитывать границу между научным – социологическим в нашем случае – знанием и философскими, мировоззренческими, ценностными позициями.

Наиболее важной проблемой, по мнению В.Ф. Левичевой, является подготовка текстов диссертаций несоискателями, т.е. покупка диссертации. Складывается противоречивая ситуация, с одной стороны, диссертация должна быть написана в академическом формате, с наличием всех квалификационных признаков, с другой – возникает вопрос: защищается

человек или текст? Юридически с этим бороться пока не получается, поскольку есть прикрытие – оказание консультационных профессиональных услуг, что закон об образовании допускает. Одним из выходов из сложившихся проблем В.Ф. Левичева считает, что Положение о порядке присуждения ученых степеней должно распространяться только на тех людей, для кого научные и образовательные учреждения являются основным местом работы. Эти ограничения тоже можно будет обойти, но все же это будет не так просто.

Продолжил дискуссию **В.В. Зырянов**, обратив внимание, что снижение качества и количества работ связано с общим кризисом социологического образования. Реорганизации многих социологических факультетов и кафедр привели к тому, что их сотрудники вошли в состав многопрофильных структурных подразделений университетов, которыми часто руководят не социологи, это, в свою очередь, порождает еще больше проблем, в т.ч. с учебным процессом, практикой, кадрами. Усугубляет ситуацию и сверхзанятость преподавателя.

О.В. Аксенова согласилась с дилеммой, поставленной В.Ф. Левичевой: оценивается текст или человек? Эта тема весьма болезненная и сложная, которая в современных условиях осложняется тем, что текст диссертации размещается в Интернете. Проблемы, на ее взгляд, начинаются во время обучения в вузе, поскольку большинство выпускников слабо понимают, что такое наука в целом и социологическая в частности. Многие молодые исследователи, к сожалению, не знают то, что известно хорошо старшему поколению: наука – это способ познания того, что скрыто внутри видимой реальности. В результате не анализируется то, что было сделано в науке до них, научная разработанность проблемы сводится к перечислению, через запятую, фамилий известных авторов. Теории «живут» в диссертациях отдельной жизнью, не связанные с методикой и результатами, которые не интерпретируются при помощи этих подходов. Теории просто пересказываются, иногда целиком, часто не обосновывается их выбор. Конечно, авторы научных работ имеют полное право критически анализировать все существующие теории, беда в том, что это достаточно редко встречается.

По мнению докладчика, ситуация обострилась в связи с введением наукометрических показателей, когда от количества написанных текстов зависит заработная плата ученых. Однако даже в этих условиях стоит помнить о необходимости логической последовательности и обоснованности положений, которые в этом тексте содержатся. Логически выстроенные и обоснованные тексты, к сожалению, встречаются все реже, что в журналах, что в диссертациях.

Выступление проф. **М.Б. Булановой** было посвящено относительно новой, но ставшей уже злободневной проблеме: категорированию журналов, входящих в перечень ВАК. Эта проблема вызвала много вопросов и интерпретаций. В начале 2022 г. перед Экспертной комиссией (ЭК) ВАК была поставлена задача создания собственного рейтинга журналов, к середине того же года были выработаны общие критерии. Первично ЭК рассмотрела и присвоила категории около 400 журналам, этот список был актуален в течение года и считался примерным. К осени 2023 г. работа по категорированию журналов была продолжена и завершена. Список журналов по категориям, утвержденный 1 января 2024 г., будет действителен в течение трех лет. В последующем экспертиза будет проводиться каждые три года и, соответственно, категория отдельных журналов может измениться.

Говоря более конкретно, проф. Буланова перечислила основные критерии и процедурные моменты, согласно которым журналу присваивается та или иная категория (К1, К2, К3). Процедура рейтингования журналов проводится в несколько этапов: *Первый этап* (наукометрический): определение интегрального показателя качества журнала по каждой научной специальности ВАК. Для расчета используются следующие показатели: Science Index, индекс Херфиндала по организациям авторов, индекс Джини, средний индекс Хирша авторов, десятилетний индекс Хирша журнала, среднее количество просмотров на одну статью в год. *Второй этап*: сортировка научных журналов по убыванию значений

интегрального показателя качества журнала по каждой научной специальности ВАК. *Третий этап*: распределение журналов по наукометрическим показателям на категории: К1 – первые 25% журналов рейтинга по убыванию значения интегрального показателя качества журнала; К2 – следующие 50% журналов рейтинга; К3 – последние 25% журналов рейтинга. Данное процентное соотношение не может быть изменено при последующей экспертизе. *Четвертый этап*: экспертная оценка полученных рейтингов перечней научных журналов ВАК по научным специальностям. На данном этом этапе эксперт оценивает журналы по следующим критериям: качество научных статей (оценивается логика написания статей, форма и структура изложения, насколько публикуемые статьи соответствуют уровню рецензируемого издания, вносят вклад в развитие издания); уникальность научных статей (оценивается с точки зрения внесения нового вклада в область наук издания, исследования новых проблем, явлений, выявления ранее неизвестных свойств, закономерностей, связей и т.п.); уровень авторитетности авторов научного журнала (оценивается авторитет, известность в научном сообществе России и/или за рубежом авторов журнала, присутствие в составе авторов авторитетных и известных персоналий); качество организации рецензирования (оценивается политика рецензирования (одностороннее слепое, двустороннее слепое, открытое рецензирование, др.), число рецензентов, срок рецензирования, научный уровень рецензентов); *организация-учредитель* (оценивается наличие научной школы в организации-учредителе, состав редакционной коллегии, аффилированность с научными и образовательными организациями); *доля статей, опубликованных по присвоенным журналу научным специальностям ВАК* (в журнале опубликовано не менее 60% статей по присвоенным журналу научным специальностям в общем объеме статей журнала. Считается автоматически). *Пятый этап*: формирование рейтингов журналов по научным специальностям ВАК по категориям К1, К2, К3 на основании наукометрической и экспертной оценок. *Шестой этап*: расчет итогового коэффициента научной значимости (КНЗ) журналов ВАК (по определенной методике). Присвоение итоговой категории осуществляется Президиумом ВАК после формирования общего рейтинга журналов ВАК на основе КНЗ.

Распределение журналов по категориям вызвало много вопросов: у представителей редколлегий журналов – вероятность ухода авторов в журналы более высокой категории, констатировала докладчик. Также это вызывает беспокойство у аспирантов и докторантов – в какой категории публиковать свои статьи. Еще один вопрос относился к экспертизе многопрофильных журналов. По мнению докладчика, в этом случае экспертиза проводится по всем заявленным журналам и специальностям, присвоение итоговой категории подводится как общий итог комплексной экспертизы.

Выступление проф. **Г.С. Денисовой** было посвящено работе автономных диссертационных советов. Она рассказала, что многие советы в своей деятельности полностью воспроизводят критерии и требования, принятые ВАК. Кроме этого, в университетах с автономными диссоветами существуют управления по присвоению степеней, своего рода «внутриуниверситетский ВАК». Эти управления устроены по-разному, в одних регламентируется только нормативная сторона, а в других – проводится серьезный анализ работ, а в обсуждении участвуют представители всех наук. Проф. Денисова привела пример работы автономного диссертационного совета Южного федерального университета.

Г.С. Денисова рассказала о прошедшей экспертизе автономных диссоветов. Несмотря на то что эти советы имеют право автономно присуждать научные степени, Министерством разработана система оценки их деятельности. Проверке будут подвергаться как защищенные работы, так и состав диссоветов. Неудовлетворительные результаты проверки могут привести к приостановке их деятельности точно так же, как это происходит с советами, работающими под ВАК. Опираясь на опыт проведенной проверки, эксперт поделилась некоторыми впечатлениями, отметив, что в целом диссертационные советы по социологическим наукам функционируют достаточно успешно, хотя качество работ далеко неодинаково.

Говоря о проблемах подготовки и экспертизы диссертаций, Г.С. Денисова связала их, прежде всего, с качеством научного руководства диссертантами. К сожалению, не все научные руководители способны профессионально консультировать соискателей. И большинство недостатков, о которых говорили предыдущие выступающие, связаны именно с научным руководством, особенно по кандидатским диссертациям. Но есть и другая проблема – исчезновение статуса выпускающих кафедр, размывание их ответственности, что является серьезным упущением в системе подготовки научных кадров.

Проф. Г.Г. Татарова обратила внимание, что с переходом ВАК под эгиду РАН нас ожидают изменения, и один из главных вопросов: а кто есть эксперты? Когда речь идет о качестве диссертации, нельзя не говорить о качестве экспертного сообщества, это очень взаимосвязанные вещи. В науку пришло поколение, которое теперь тиражирует недообразование. Качество социологического образования, по ее мнению, на сегодняшний день оставляет желать лучшего. По сути, идет возвращение специалистов, не умеющих критически осмысливать реальность и аналитически мыслить.

В развитие мысли о том, что же защищается диссертация или человек, чл.-корр. РАН М.Ф. Черныш констатировал, что это неотделимые друг от друга составляющие. У каждого автора диссертации к моменту защиты есть определенная репутация. Конечно, когда научный руководитель действительно руководит аспирантом, он понимает, как мыслит и в каком направлении развивается его подопечный. Но и в ситуациях, когда приходят сторонние соискатели или присылаются работы на экспертизу, эксперты, как правило, знают, какого качества может быть работа, как она готовилась, а порой даже кто ее в действительности написал и т.д.

В заключительном слове проф. Ю.А. Зубок подчеркнула, что совместная работа по совершенствованию норм и критериев, которым должны соответствовать диссертационные работы, будет продолжена. Возможно, это позволит в дальнейшем избежать или уменьшить деконструкцию единого смыслового пространства, а экспертный совет открыт для научной коммуникации.

Подводя итоги, Ж.Т. Тощенко поблагодарил участников заседания за активную работу и обмен мнениями. Он подчеркнул: для экспертной работы требуются не только знания и профессионализм, но и мужество принимать решения, которые могут оказать влияние не только на конкретного человека, но и на развитие научной отрасли в целом. Такая работа всегда будет сопряжена с трудностями и давлением, однако мы должны руководствоваться принципами науки и критического мышления.

Э.К. БИЙЖАНОВА

БИЙЖАНОВА Элиза Камчыбековна, науч. сотр. Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (biyzhanova@isras.ru).

THE PROBLEM OF SCIENTIFIC PERSONNEL CERTIFICATION: UNIVERSAL RULES AND DIVERSITY OF COMPLEXITIES

DOI: 10.31857/S0132162524050121

Eliza K. BIYZHANOVA, Research Fellow of the Center for the Study of Russia's Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (biyzhanova@isras.ru).

© 2024 г.

ТРУД, ЗАНЯТОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: НОВЫЕ СЛОЖНОСТИ И РЕШЕНИЯ

VIII Санкт-Петербургский международный форум труда, проходивший 20–22 февраля 2024 г., в очередной раз собрал участников и гостей, неравнодушных к проблемам труда и занятости современного общества. Задающей проблематику дискуссий стала тема труда, занятости и человеческого капитала, предопределившая его цель – разработку и продвижение идей, задач, новых механизмов и инструментов государственной политики в области развития человеческого капитала, модернизации занятости и рынка труда в условиях глобальной турбулентности. Перед более чем 7500 участниками, исследователями и практиками трудовой сферы разных стран и научных направлений стояли задачи обозначить и обсудить современные острые вопросы, поделиться знаниями и опытом их решения, высказать свою точку зрения о будущем социально-трудовой сферы. Форум включил в себя 140 мероприятий в различных форматах, в том числе в честь юбилея СПбГУ было отдельное направление: #СПбГУ300.

Основные направления дискуссии были сконцентрированы вокруг проблем человеческого капитала в перспективах развития экономики и общества; традиционных ценностей в условиях новой реальности для человека труда; стратегий профессиональной самореализации; диверсификации форм занятости и будущего профессионального образования; трудовой миграции и регулирования миграционных процессов; роста производительности труда как альтернативы дефициту рабочей силы; модернизации условий, охраны и безопасности труда.

В условиях санкционного давления ключевые проблемы социально-трудовой сферы РФ звучат по-особому остро, поэтому основной акцент был сделан на процессах адаптации рынка труда и занятости к новым реалиям. Именно в данном контексте обсуждались вопросы и ищались решения для создания комфортной и благоприятной среды трудовой жизни граждан и ведения предпринимательской деятельности в России.

Основным научным мероприятием Форума стала Международная научно-практическая конференция «Человеческий капитал: образование, труд, занятость в современном обществе», на которой обсуждение выстраивалось с позиции сложившихся научных подходов для определения междисциплинарных оснований для изучения человеческого капитала. Так, **В.В. Захаров** (СПбГУ) представил к рассмотрению уникальные математические методики применения динамических систем к исследованиям экономических, социальных и политических процессов, позволяющие максимально достоверно определять перспективы изменений самых разнообразных процессов, происходящих в обществе. В докладе **А.Н. Пилясова** (МГУ) в контексте географического подхода был сделан анализ трансформации рынка труда в России с акцентом на современные тенденции. Цифровая эпоха создает новые требования к квалификации работников, что определяет формирование принципиально новой модели рынка труда, «размывающего» региональную специфику. Идею поддержал чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН), обратив внимание на разнонаправленные противоречащие друг другу тенденции в социально-трудовой сфере, обусловленные деформацией и деградацией социальной сферы. Проблемы цифровизации были актуализированы и в выступлении **А.М. Сараны** (СПбГУ), но уже в контексте медицины. Цифровые технологии имеют неоспоримые преимущества в медицинской практике, однако все более актуальным становится вопрос о замещении врача ИИ.

В своей презентации программ Университета Правительства Москвы, разработанных для регионов, ректор **В.Ю. Фивейский** (МГУУ) также затронул проблему ИКТ и перспектив применения цифровых технологий в работе кадровых сервисов. Они делают

доступнее внедрение командного подхода, крайне востребованного сегодня в подготовке кадров для госуправления.

Первый проректор по учебной работе СПбГУ **М.Ю. Лаврикова** уделила внимание подготовке специалистов, акцентируя внимание на проблемах выбора занятости и трудоустройства выпускников вузов. По ее мнению, без участия работодателей невозможно дать качественное образование, поэтому учебные процессы должны быть ориентированы на самые актуальные запросы рынка труда.

На конференции были представлены мероприятия различных отраслей научного знания, социологами были проведены: круглый стол «Социология и история: перспективы диалога в условиях цифровизации и формирования профессиональных компетенций»; секция «Человеческий капитал и социальное пространство труда: инновации и возможности»; панельная дискуссия «Архитектура современного университетского образования: национальный суверенитет, технологическая независимость, новая философия и ценности»; круглый стол «Индигенизация ценностей академического сообщества в современных университетах»; круглый стол «Проблемы регулирования трудовой деятельности занятых на цифровых платформах».

Однако социологические мероприятия были представлены не только в рамках конференции, но и стали самостоятельной частью Форума труда. Наиболее масштабно прошла научная сессия «Жизненный мир работников труда: предпочтения и институциональные возможности», включив в себя два круглых стола¹. Анализировались интересы основных акторов (работников, семьи, бизнеса, государства, образования, профсоюзов) и ключевые институциональные задачи, стоящие перед обществом. Главный посыл мероприятия – работник – это субъект происходящих в России перемен.

Интересным представляется включенность социологов в мероприятия, посвященные охране труда. Традиционно в социологическом контексте феномен безопасности труда не представлен, тем интереснее оказалась актуализация социологического подхода к его исследованию. В рамках двух мероприятий – экспертной сессии «Управление безопасностью труда и профессиональные риски» и круглого стола «Методологические ориентиры междисциплинарности безопасности и охраны труда» – участники обсудили возможности подходов различных наук к исследованию и оптимизации способов максимизации безопасности труда. Роль охраны труда постоянно возрастает, поскольку направлена на решение двух важнейших взаимосвязанных задач: сохранения жизни и здоровья работников в процессе осуществления трудовой деятельности и создания благоприятных условий для безопасного развивающего труда как института, укорененного в жизни современного человека. Задача социологии состоит в расширении границ понимания самого феномена «охрана труда», например, с точки зрения все более актуализируемых проблем трудового стресса или экологии труда как фактора здоровья работника.

На мероприятиях выступили представители научного сообщества и бизнес-структур: **Р.В. Карапетян** (СПбГУ); **А.Е. Косова** (НИМАКС); **С.А. Куликова** (ПрофЭкоСкилл); **Л.А. Леванчук** (ПГУПиС); **Л.А. Некучаева** (ГИТ в Республике Коми); **Н.А. Носова** (РОСТЕХ); **А.В. Павлык** (МинПромТорг); **А.В. Писарев** (НацЗдрав); **О.А. Сенчихина** (МедПроф); **Л.А. Сопрун** (СПбГУ); **А.А. Федоренко** (EcoStandard group); **О.А. Шмаков** (ЦНИИ РТК); **В.Ф. Щепельков** (СПбГУ).

Участники были солидарны в том, что требование сегодняшнего дня – формирование новой парадигмы безопасности и охраны труда, основанной на междисциплинарном научном знании. Это предполагает привлечение и согласование взаимодействия ученых и специалистов, представляющих различные научные направления: социологию, экономику, юриспруденцию, психологию, медицину. В частности, с целью создания новой методологии исследования сферы труда на круглом столе были предложены варианты

¹ См. подробнее о мероприятии в заметке Р.И. Анисимова, С.Г. Климовой далее в рубрике. – Прим. ред.

объединения подходов различных научных направлений. Результатом дискуссии стало определение их интегрирующих возможностей и формирование на основе социогуманитарного подхода базы знаний для подготовки высококвалифицированных специалистов и проведения исследований в области безопасности и охраны труда.

Подводя итоги, следует отметить, что за восемь лет проведения Санкт-Петербургский международный форум труда стал самым знаковым событием в обсуждении текущих проблем труда и перспектив развития социально-трудовой сферы для политических, государственных и бизнес-структур РФ, а также академического сообщества, включая представителей социологической науки.

Р.В. КАРАПЕТЯН

КАРАПЕТЯН Рубен Вартанович, к. экон. н., доц., кафедра экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (r.karapetyan@spbu.ru).

LABOR, EMPLOYMENT, HUMAN CAPITAL: NEW CHALLENGES AND SOLUTIONS

DOI: 10.31857/S0132162524050134

Ruben V. KARAPETYAN, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (r.karapetyan@spbu.ru).

© 2024 г.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР РАБОТНИКОВ ТРУДА: ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В рамках VIII Санкт-Петербургского международного форума труда 21 февраля 2024 г. состоялась научная сессия на тему «Жизненный мир работников труда: предпочтения и институциональные возможности». Подготовку сессии взяли на себя члены Совета ИК РОС «Социология труда» **В.Ю. Бочаров** (Самарский ун-т), **С.Г. Климова** (ИС ФНИСЦ РАН), **И.Л. Сизова** (СПбГУ), чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН). Партнерами сессии выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королёва, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. В работе сессии приняли участие исследователи, представляющие прикладную, академическую и университетскую науку из Кемерово, Москвы, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Самары, С.-Петербурга, Ульяновска, Уфы.

Тема заседания была продиктована актуализацией проблем инновативности, квалификации, включенности. В ситуации суверенного развития требуется принципиально иное качество труда и профессионального образования, чем это было в последние десятилетия. Необходимо согласовывать возможности и интересы работников, бизнеса, государства, образования, выяснить, насколько и в каких аспектах ресурсы российских работников и их стратегии на рынке труда соответствуют институциональным условиям; переопределить задачи существующих институтов и создать новые возможности для изменений в социально-профессиональной, экономической, статусной структуре общества.

Сессия состояла из двух круглых столов. В первом «Новое качество профессионального образования: запросы молодежи, бизнеса и государства» принимали участие преподаватели российских вузов. Обсуждались темы: переопределение функций институтов

образования; проблемы во взаимодействии субъектов в системе: профессиональное образование – рынок труда – карьера; реакция системы профессионального образования на актуальные потребности развития России; высшее и среднее профессиональное образование: непрерывная карьерная лестница или «карьерные тупики». Доклады содержали, как правило, предложения по практическому решению проблем, основанные на анализе преподавательского опыта докладчиков, подкрепленного материалами концептуальных построений и социологических данных.

Концептуальные соображения о месте профессии в жизненном мире работника позволили чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** определить проблемные лакуны в изучении профессии и задач социальной практики. Актуальны, в частности, такие темы: социальное положение представителей разных профессий; престиж и перспективы профессий, будущее профессий. Практический смысл такой работы: дать возможность людям лучше ориентироваться в сложном мире современных профессий и, соответственно, быть более гибким на рынке труда. С этим связаны и задачи институтов, в частности, смена профессии, получение второй, третьей, и пр. специальностей должны быть бесплатными.

В контексте концепции жизненного мира это означает, что работник перестанет жить под угрозой маргинализации, ухода в прекарную занятость. Эту тему раскрыл **Р.И. Анисимов** (РГГУ). На основе анализа профориентации и профотбора в инженерных вузах он выявил сильные и слабые стороны подготовки квалифицированных специалистов. Докладчик отметил необходимость трансформации вузов в образовательные кластеры, включающие среднее, средне-специальное обучение, учреждения дополнительного и внеурочного образования. Он подчеркнул, что необходимо отказаться от подушевого финансирования высшего образования и студентоориентированной стратегии их подготовки. **В.В. Зырянов** (МГУ им. М.В. Ломоносова) показал, что материальная нужда заставляет студентов работать, а пропуски занятий не компенсируются самостоятельной учебой, приводя к системным следствиям: качество образования падает, растут имитационные учебные практики, ухудшается здоровье студентов. Итоговые потери для страны – недостаточная квалификация выпускников.

Проф. **Г.Е. Зборовский** совместно с проф. **П.А. Амбаров** (оба – УрФУ) конкретизировали тему непрерывной профессионализации применительно к вузовским преподавателям. Проблема в том, что преподавание «на переднем крае науки» требует серьезных временных и материальных затрат на знакомство с этим «передним краем». Значит, органы управления образовательными организациями должны заниматься мониторингом оказания услуг по дополнительному образованию для оперативного информирования преподавателей об имеющихся предложениях и выделять деньги для оплаты участия в этих программах. Сейчас программы ДПО посвящены в основном охране труда, противопожарной безопасности, оказанию первой медицинской помощи и т.п. Проф. **М.Б. Буланова** (РГГУ) отметила, что абитуриентов, желающих получать среднее специальное образование, стало больше. Отчасти это связано с тем, что высшее образование не дает существенного роста зарплаты сразу, однако оправдывается в некоторой перспективе, зависящей не только от профессиональных качеств выпускника, но и от социально-экономического контекста. «Тактически» среднее специальное образование выгодней, но «стратегически» приоритет по-прежнему за высшим. Также М.Б. Буланова подчеркнула, что, несмотря на достаточно длительный опыт двухуровневой модели высшего образования, статус бакалавра остается неопределенным на рынке труда, у бакалавров существенно ниже шансы найти работу с удовлетворяющим выпускника заработком. Доклады **А.Н. Покиды** и **И.А. Газиевой** (оба – РАНХиГС) были посвящены анализу мнений о профессиональных предпочтениях студентов и ценностных основаниях таких предпочтений. В контексте идеи образовательных кластеров (школа – вуз – предприятие) важны наблюдения о том, что студенты отводят решающую роль в трудоустройстве организации, где проходили практику. Несколько менее распространены такие ожидания от родного университета. Эти наблюдения подтверждают необходимость вменения

вузам функции помощи в трудоустройстве выпускников, с одной стороны, и привлечения к преподавательской и профориентационной работе сотрудников заинтересованных организаций – с другой.

На втором круглом столе «Профессиональное самоопределение российских работников в постиндустриальном обществе» обсуждались конкретные идеи и социальные факты об особенностях разных типов трудовой карьеры (предлагаемых и востребованных), обусловленных запросами экономики и управления на нынешнем этапе развития, связанного, в частности, с масштабным использованием цифровых технологий. Обсуждались темы: кадровый дефицит в России и способы его разрешения; базовые механизмы, средства повышения привлекательности профессий в производственном секторе; формирование востребованного компетентностного профиля работника для современной экономики; создание новых и модернизация прежних практик обеспечения трудовой карьеры; типологические признаки работников, ориентированных на трудовую карьеру. При общей ориентации докладов на актуальные проблемы практики, участники сочли важной тему перспективных теоретических исследований как базу для практических решений.

Р.Н. Абрамов (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН) отметил, что существующие теоретические (концептуальные) построения, служащие основой эмпирических исследований, управленческих решений и программ развития страны, не отвечают вызовам времени. Прежние базовые концепты (например, идея догоняющей модернизации) не справляются с обоснованием и объяснением нынешних социальных процессов и практическими решениями. Современные вызовы требуют разработки концепций суверенного развития и прикладных задач, основанных на них. Для этого нужны новые идеи и новые эмпирические данные качественных исследований социальной реальности. Необходимо «заново открыть» заводскую социологию с учетом новых режимов закрытости/открытости данной информации. Эти соображения получили развитие в других выступлениях.

Практичность теоретических разработок подчеркнула **И.П. Попова** (ИС ФНИСЦ РАН) в докладе, содержащем систему концептов для использования в изучении и практике прикладных разработок, связанных с планированием разных моделей карьер. Ключевые концепты, имеющие теоретическое и прикладное значение: занятость проектного типа, профессиональное развитие, карьерный капитал, символический капитал, карьерные компетенции, преемственность как цель управления карьерой. **И.А. Климов** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН) рассказал о своем исследовании прикладных аспектов темы ответственности бизнеса за профессионализм работника и его карьерные перспективы. Отмечено, что корпоративные карьерные лифты должны планироваться в содержательной связи с программами корпоративного обучения.

З.Х.-М. Саралиева, Л.Н. Захарова и Е.В. Сайгина (все – ННГУ) обратили внимание участников на практичность ценностного подхода в управлении персоналом предприятий, ориентированных на инновационное развитие. Они утверждают, что традиционные ценности могут быть основой не только национальной, но и организационной идентичности, поскольку организации являются частью социальной структуры общества. На основе эмпирических исследований ученые сделали вывод, что в управленческих решениях необходимо ориентироваться на традиционные ценности россиян, неоднократно описанные социологами. Вместо индивидуалистических ценностей конкуренции в пропаганде и практиках управления следует использовать такие ценности, как созидательный труд, коллективизм, уважение человеческого достоинства. **А.Л. Темницкий** (МГИМО, ИС ФНИСЦ РАН) проанализировал динамику, факторы и последствия трудовой и профессиональной мобильности у разных профессиональных групп работников за почти тридцать лет (1994–2022). Ключевые показатели мобильности говорят о ее вынужденном характере; о ее негативных последствиях для производства, с одной стороны, и для работника – с другой. Но с опытом смены мест работы более уверенным становится поведение работника на рынке труда.

Динамике российского рынка труда за последние пять лет (2019–2023) посвятила доклад **И.Л. Сизова** (СПбГУ). Базой анализа стала оригинальная методика «Лингвистическая карта трудовых компетенций», которая позволила автору сделать ряд нетривиальных выводов о рынке труда в России: требования работодателей к работникам становятся все более мягкими; опыт работы ценится больше, чем таланты, знания, умения. Но все более востребованы «практичные» знания и умения: технологий, процессов и систем, знание специализированного ПО. **В.Ю. Бочаров** (Самарский ун-т) рассказал о состоянии трудовых отношений на предприятии авиакосмической отрасли в условиях цифровизации и автоматизации производства. Проведенное автором и его коллегами исследование выявило у рядовых работников три группы мотивов: 1) профессиональной реализации; 2) материальной и 3) социально-ориентированной. В целом заметно доминирование материальных оснований трудовой мотивации при наименьшей востребованности уважения и признания.

Тема создания городских и региональных горизонтально интегрированных институтов и практик взаимодействия работодателей и профессиональных образовательных организаций для формирования востребованных компетенций будущих работников остается в фокусе внимания региональных социологических центров. Ей посвятили доклады: **Н.Ф. Апарина** (КРИПО); **И.И. Фролова** (Набережночелнинский ф-л КИУ им. В.Г. Тимирязева); **Ю.В. Андреева** и **Е.Л. Лукьянова** (УлГУ). Анализу проблем, связанных с разнообразными формами занятости вне рамок ТК, посвятили доклады **Г.Р. Баймурзина** и **С.Г. Климова** (ИС ФНИСЦ РАН). Быстрый рост численности работающих по устной договоренности; на основе гражданско-правовых договоров; самозанятых создает не только угрозы социальной незащищенности этих людей, но и перспективы профессиональной и социальной дезинтеграции. Структурирование этой массы работников по образцу организаций профессионалов позволит, по крайней мере, смягчить некоторые из этих угроз. **А.В. Попов** и **Т.С. Соловьева** (ВолНЦ РАН) проанализировали проблему дефицита кадров в ракурсе центр-периферийного подхода, обозначив выводы: необходимо стимулировать создание новых рабочих мест, в т.ч. для уязвимых слоев населения, особенно на периферии; продолжить реализацию промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов в отдаленных территориях, что позволит повысить их привлекательность и преодолеть разрыв с городскими агломерациями в уровне и качестве жизни; развивать эффективные механизмы партнерства органов власти, бизнеса и гражданского общества, в т.ч. на основе экосистемного подхода; формировать позитивное представление и имидж сельской местности в целях закрепления высококвалифицированных кадров.

Р.И. АНИСИМОВ, С.Г. КЛИМОВА

АНИСИМОВ Роман Иванович, к. социол. н., доц., декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (ranisimov@list.ru); КЛИМОВА Светлана Гавриловна, к. филос. н., вед. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН (sgklimova@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

THE LEFOWORLD OF LABOR WORKERS: PREFERENCES AND INSTITUTIONAL POSSIBILITIES

DOI: 10.31857/S0132162524050147

Roman I. ANISIMOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities (ranisimov@list.ru); Svetlana G. KLIMOVA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (sgklimova@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

© 2024 г.

ИЗУЧАЯ НЕРАВЕНСТВА В СФЕРЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Усиление традиционных и возникновение новых демографических неравенств, по мнению специалистов, будет все более определять будущее стран мира. Ряд аспектов этой проблемы обсуждался на очередной конференции Витгенштейн центра демографии и глобального человеческого развития, проходившей 6–7 декабря 2023 г. в Вене под названием «Изучение неоднородностей населения». Мероприятие проводилось в гибридном формате и объединило более 400 участников из 66 стран мира¹. Двухдневная программа включала разный формат сессий: тематические (экономика, миграция, рождаемость, здоровье и смертность), постерные, «флэш-сессии» с докладами по смешанной тематике.

По традиции особая роль отводилась пленарным докладам. Поднимаемые спикерами фундаментальные проблемы сформировали ядро повестки конференции. Первый доклад «Динамика неравенства смертности и заболеваемости: на пути к интеграции» сделал **И. Перманьер (I. Permanyer, ЦДИ при Автономном ун-те Барселоны, Испания)**. Он представил результаты трехлетнего проекта по изучению неравенств в сфере здоровья. По его убеждению, неравенство в продолжительности здоровой жизни – фундаментальный фактор. Именно долгая здоровая жизнь является нормативно желательной. Продолжительность же «нездоровой жизни» вызывает споры, т.к. сопровождается личными, социальными и экономическими издержками. В этой связи важно изучать степень синхронизации роста ожидаемой продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни. Для анализа этих процессов сравнивались показатели неравенства в продолжительности жизни (LI) и показатели неравенства в продолжительности здоровой жизни (HLI). Проведенные в данной области исследования – «Неравенство в продолжительности здоровой жизни в зависимости от уровня образования», «Неравенство в продолжительности здоровой жизни в глобальном разрезе» и др. – позволили выявить ряд тенденций. Так, уровень неравенства в продолжительности здоровой жизни в целом значительно выше неравенства в продолжительности жизни. В частности, показатель HLI выше среди людей с низким образованием, HLI выше среди женщин в отличие от показателя LI, который выше у мужчин.

Второй пленарный доклад «Неравенства на рынке труда и рождаемость в контексте продолжающейся глобализации и стремительных технологических изменений» сделала **А. Матысяк (A. Matysiak, МЦИТСД, Варшавский ун-т, Польша)**. Она начала с утверждения, что состояние рынка труда влияет на формирование семей. Происходящие изменения в сфере труда (автоматизация, сокращение рутинного труда и увеличение когнитивных профессиональных задач, работа из дома) усиливают неравенства между работниками с разной квалификацией. Результаты лонгитюдных исследований позволили оценить направленность демографических изменений вследствие структурных трансформаций в трудовой занятости. Исследование «Когнитивные виды трудовой деятельности и рождаемость» (1986–2019, Германия) выявило тренд на дифференциацию видов репродуктивного поведения у женщин с разной вовлеченностью в когнитивный труд. Вероятность стать матерью выше у женщин, чья трудовая деятельность в большей степени ориентирована на аналитические и социальные задачи. Напротив, уровень бездетности вырос среди женщин, чья профессиональная деятельность слабо связана с когнитивным трудом. На данных шведского исследования 1993–2017 гг. показано негативное влияние автоматизации на формирование семей у работников со средним и низким уровнем квалификации. Исследование, проведенное в Великобритании в 2009–2019 гг., выявляло признаки

¹ URL: <https://www.oeaw.ac.at/vid/events/calendar/conferences/exploring-population-heterogeneities> (дата обращения: 22.02.2024).

положительной связи между автоматизацией рабочего места и отказом от рождения второго ребенка среди высокообразованных женщин. Общий вывод – неутешительный. Люди с образованием ниже среднего уровня исключаются и из «хороших» сфер занятости, и из семейных процессов. Такая ситуация, по мнению автора, провоцирует рост протестных настроений в Европе и популистских партий.

Новый вектор развития демографии обозначила проф. **Р. Кашьяп (R. Kashyap)**, ф-т социологии Оксфордского ун-та). В докладе «Цифровая революция и демография: перспективы цифровой и вычислительной демографии» она развивала идею, что произошедшую цифровую революцию следует воспринимать как социальную и революцию в данных. Новым предметом демографических исследований становятся способы воздействия интернет-коммуникации на семейное поведение и репродуктивные установки. По мнению докладчика, использование мобильного Интернета улучшает положение женщин в разных странах мира, расширяет гендерные возможности, предоставляя свободный доступ к информации о репродуктивном здоровье и репродуктивных правах. В то же время, как показали представленные в докладе результаты нескольких исследований, формируются новые цифровые разрывы – межстрановые, социальные и гендерные. В завершение доклада артикулировался тезис о цифровых компетенциях как ключевом вопросе демографической повестки.

Говоря о конференции в целом, отметим повышенное внимание к образованию как фактору, оказывающему влияние на демографическое поведение. Помимо пленарных докладов, этот вопрос поднимался на всех сессиях.

Ц. Хуанг (Ziyue Huang), Китайский ун-т в Гонконге) представил совместный доклад о распределении потоков иммигрантов в Китай по уровню образования. С результатами исследования образовательной неоднородности эмиграционных и иммиграционных потоков в Турции ознакомил **К. Оздемир (C. Özdemir)**, Ун-т Бюлент Эджевит, Турция).

Проблема влияния уровня образования на здоровье и продолжительность жизни также поднималась в нескольких докладах. Отметим, в частности, коллективный доклад «Изменение уровня образования как драйвер когортных трансформаций в здоровом долголетии», представленный **Т. Шен (T. Shen)**, ШД при Австралийском нац. ун-те).

Особую научно-практическую значимость имеют результаты исследования неравенства в сфере здоровья с использованием показателя двойной функциональности, представленные **Ш. Болдри (Sh. Bauldry)**, ЦИСЖП ф-та социологии Ун-та Пердью в США) в совместном докладе «Неравенства в сохранении двойной функциональности на протяжении жизни в зависимости от уровня образования и пола». Двойная функциональность предполагает сохранение ментального и физического здоровья в старших возрастах. На основе представленных в докладе данных показана зависимость между уровнем образования и сохранением двойной функциональности. Так, только 67% женщин с образованием ниже среднего уровня в возрасте 65–69 лет проявляют двойную функциональность, в то время как у женщин с высоким уровнем образования этот показатель достигает 92%.

В фокусе конференции оказался и вопрос зависимости рождаемости от образования. Среди прочих выделим выступление **С. Абдуллаева (S. Abdullayev)**, Таллинский ун-т, Эстония) «Отпуск по уходу за ребенком и рождаемость: образовательные и этнические различия в темпах и количественных изменений – при рождении второго и третьего ребенка» и доклад **Н. Штурм (N. Sturm)**, Лёвенский католич. ун-т, Бельгия) «Маргинализация женщин с низким уровнем образования на брачном рынке Европы».

Первый доклад содержал результаты исследования, описывающие различия в динамике рождаемости, вызванных реформой отпусков по уходу за ребенком в Эстонии в 2004 г., у матерей с разным уровнем образования. Изучались когорты женщин 1960–1999 г.р., родивших первого или второго ребенка в 1993–2014 гг. Выявлено, что отклик на реформы в виде увеличения частоты рождений вторых и третьих детей заметнее выражен у женщин с высоким уровнем образования. Напротив, для женщин с низким уровнем образования характерно удлинение интергенетического интервала. Матери с низким уровнем образования откладывали

вторые роды, чтобы закрепить свои позиции на рынке труда и получить больше выгод от системы, подразумевающей оценку ставки заработной платы.

Н. Штурм исследовала влияние уровня образования на вероятность вступления в брак. Актуальность этой проблемы усиливается из-за значения женской зарплаты для экономического благополучия семьи. В большинстве европейских стран именно высокообразованные женщины чаще откладывают рождение первого ребенка или остаются бездетными. Однако, по мнению докладчицы, проявились зачатки обратных тенденций. Уровень бездетности будет расти среди женщин и мужчин с низким уровнем образования, что сопряжено с трудностями поиска партнера и начала совместной жизни. Для проверки данной гипотезы использовались данные Европейского социального исследования для 27 стран с 2002 по 2022 г. В выборку попали когорты женщин и мужчин, родившихся в 1960–2004 гг. Выявлено, что высокий уровень образования повышает вероятность вступления в брачный союз женщин в возрасте 35–45 лет в странах Западной и Южной Европы.

Другой особенностью конференции стал поиск подходов, позволяющих по-новому осмыслить традиционные для демографической науки проблемы. Так, **Й. Дуанон (Y. Doignon, Французский НЦНИ, Франция)** в докладе «Пространственная динамика внебрачных рождений во Франции и Бельгии (1968–2017): возникновение, пространственное распространение и границы» раскрыл эвристический потенциал пространственно-временной методологии для изучения семейных изменений. Такие исследования позволяют понять, как развиваются пространственные модели семейного поведения и как с течением времени меняется пространственная неоднородность населения. Используя метод социального картографирования, автор проиллюстрировал пространственную неоднородность в распределении показателя «доля внебрачных рождений среди всех живорождений» на протяжении 50 лет на приграничных территориях, а также раскрыл фактор границ (языковых, национальных, поселенческих) в неравномерном распространении внебрачных рождений.

Новые факторы дифференциации смертности рассматривались в докладе «Влияние места рождения на смертность во взрослом возрасте: кейс Испании», выполненном под руководством **Н. Алдеа (N. Aldea, Ин-т экономики, географии и демографии, Испания)**. Этот доклад стал победителем постерной сессии. Представленные результаты исследовательского проекта подтвердили гипотезу, что в контексте интенсивных миграционных перемещений при анализе смертности следует проводить различия между факторами места рождения и места жительства.

Изменение подхода к оценке рождаемости артикулировалось в докладе «Измерение градиента рождаемости во всех европейских странах – в зависимости от уровня образования. Новый подход к оценке рождаемости», сделанном **А. Грёлиш (A. Greulich, Ин-т политических исследований, Франция)**.

В заключение еще раз обратим внимание на трансформацию демографической повестки. Действительно, исследование причин и последствий демографических неравенств приобретает новое научно-практическое звучание. Следует также учитывать, что параллельно с «классической» наукой о населении формируется «цифровая демография», объектом изучения которой становится «цифровое население».

А.В. НОСКОВА, Д.Д. БИККИНИНА

НОСКОВА Антонина Вячеславовна, д. социол. н., и.о. зав. кафедрой социологии (a.noskova@inno.mgimo.ru); БИККИНИНА Джамиля Дамировна, соискатель той же кафедры (kamilova_93@mail.ru). Обе – МГИМО МИД России, Москва, Россия.

EXPLORING POPULATION HETEROGENEITIES

DOI: 10.31857/S0132162524050157

Antonina V. NOSKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (a.noskova@inno.mgimo.ru); Dzhamilya D. BIKKININA, PhD student (kamilova_93@mail.ru). Both – Department of Sociology of MGIMO University, Moscow, Russia.

© 2024 г.

МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Всероссийский симпозиум с одноименным названием, приуроченный к 300-летию РАН и Году семьи в РФ, прошел 6 марта 2024 г. в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН). Инициаторами Симпозиума выступили: ИДИ ФНИСЦ РАН при поддержке Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» ООИ РАН, Общественная палата РФ, Российский университет дружбы народов (РУДН), Ивановский государственный университет (ИвГУ) и научный журнал «Женщина в российском обществе». В работе Симпозиума приняли участие руководители и представители федеральных и региональных органов законодательной и исполнительной власти, научно-образовательного, экспертного и гражданского сообщества РФ.

Симпозиум открыл чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН), обозначивший ключевую роль семьи в решении демографических проблем на национальном уровне. С приветственными словами к участникам также обратились зам. Председателя ГД ФС РФ **А.Ю. Кузнецова**, председатель Комитета СФ ФС РФ по науке, образованию и культуре **Л.С. Гумерова**, зам. Председателя Правительства Ивановской области, главный редактор журнала «Женщина в российском обществе» **О.А. Хасбулатова**, председатель комиссии по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Общественной палаты РФ **С.И. Рыбальченко**, директор Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН) **А.А. Шабунова**, первый проректор по образовательной деятельности РУДН **Ю.Н. Эбзеева**.

Ключевой темой стало обсуждение вопросов о роли многопоколенной российской семьи в укреплении и повышении статуса института благополучной многодетной семьи, обеспечивающей межпоколенную трансляцию и формирующей преемственность российских традиционных ценностей. Лейтмотивом стало Послание президента В.В. Путина к Федеральному Собранию, в котором он уделил особое внимание поддержке института семьи: «Конечно, главное предназначение семьи – это рождение детей, продолжение рода человеческого, воспитание детей, а значит, и продолжение всего нашего многонационального народа».

Проф. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН), открывая пленарную часть, отметила особую роль многопоколенной семьи в реализации ключевых направлений Стратегии национальной безопасности России, к которым отнесены «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Результаты авторских выборочных исследований Международного социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений» (2019); Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов» (2020–2021); Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России» (2023) подтвердили выводы о взаимопомощи поколений в российских семьях и позволили оценить масштабы помощи родителей детям и детей родителям. Несмотря на процесс нуклеаризации семей, проявляющийся в том числе и в сокращении числа многопоколенных семей, роль взаимопомощи и поддержки поколений в разных сферах семейной жизни остается весьма значительной. Кроме того, оценивая трансформацию семейной структуры в России за последние 30 лет необходимо отметить увеличение доли неполных семей, где один из родителей помогает своему взрослому ребенку (чаще дочери) в воспитании и уходе за детьми. Рост числа многодетных семей в период 2010–2020 гг. (о чем свидетельствуют данные переписей) как результат мер семейно-демографической политики, вероятно, будет способствовать расширению поддержки со стороны старшего поколения.

Чл.-корр. РАН **И.И. Елисеева** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) остановилась на факторах, объединяющих разные поколения, прежде всего, тех, кто связан прямым родством. Автор подчеркнула, что в условиях растущей продолжительности жизни появилась возможность совместного существования двух поколений в течение свыше 50 лет, трех поколений – 25–26 лет, четырех поколений – 7–9 лет и этот фактор вносит существенный вклад в стабилизацию российского общества. Чтобы сохранить близкие отношения и обеспечить помощь друг другу, родственники предпочитают жить изолированно, но близко: в пределах одного микрорайона, в соседних домах, в одном доме, в одном подъезде, на одном этаже и даже высказывают пожелания иметь общие помещения на две семьи – молодую семью (сына или дочери) и семью родителей с той или другой стороны, например, общий холл, лоджию или подсобные помещения. Около 15% семей не планируют разъезжаться со своими родителями и прародителями. Мощным факторам объединения разных поколений является рождение ребенка в молодой семье. Уход и воспитание малыша формирует сетевую структуру, каждый член такого родственного сообщества знает свои обязанности и старается выполнить их как можно лучше. При проблемах со здоровьем у старшего поколения межпоколенные контакты переориентируются на интересы того, кто нуждается в заботе. В Японии не более 12% семей принимают на себя обязанности по уходу за пожилыми родственниками, в России эта доля доходит до 20%.

Проф. **А.И. Антонов** (МГУ) выступил с докладом об особенностях функционирования многопоколенной семьи, отметив особую роль многодетной семьи в укреплении и развитии традиционных семейных ценностей. Для решения демографических проблем, связанных с повышением рождаемости, обозначена необходимость системного подхода к организации семейно-демографической политики. Докладчик отметил, что нынешняя компромиссная политика материальной поддержки семей, нацеленная на реализацию имеющейся у населения потребности в двух детях, а не на усиление ее, не в состоянии дать результат, необходимый в сложившейся демографической ситуации.

Подводя итоги, можно отметить, что в рамках реализации стратегии семейно-демографической политики значимым направлением выступает формирование среды для благополучной жизнедеятельности семейных групп, использования ресурсов многопоколенной семьи для решения семейных проблем.

Т.К. РОСТОВСКАЯ

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, д. социол. н., проф., зам. директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (rostovskaya.tamara@mail.ru).

THE MULTIGENERATIONAL FAMILY AS A STRATEGIC RESOURCE FOR RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

DOI: 10.31857/S0132162524050167

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Deputy Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (rostovskaya.tamara@mail.ru).

© 2024 г.

Шубрт И., Подвойский Д.Г. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: КАК НЕ ЗАБЛУДИТЬСЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ЛАБИРИНТЕ. М.: ВЦИОМ, 2024.

Настоящая рецензия в большей степени обращена к социологам, разбирающимся в теоретической тематике социологической науки, в частности, преподающим вынесенный в заголовок книги курс «Современные социологические теории» (ССТ). Как преподаватель данного курса десяток с лишним лет отмечу назревшую необходимость в такой книге для российской аудитории. Без курса о ССТ подготовка социологов была бы сведена к изучению прикладных аспектов науки и опросных техник, что резко бы контрастировало с традициями высшей школы России. Фактически книга Шубрта и Подвойского подвела черту усилиям ученых, преподавателей социологических кафедр вузов страны по формированию представлений о теоретических основах социологии за те годы, что прошли после решения переходить на западные стандарты высшей школы. Теперь на русском языке есть доброкачественный ориентир в обсуждаемой проблематике, и – что особенно важно – исходный пункт выдвижения на новые рубежи и подготовки к новым испытаниям, которые ждут социологов и социологию нашей страны в нынешних условиях. Хорошо представлены в книге Шубрта и Подвойского споры, сопровождающие развитие социологии как науки, имеющей – соответственно статусу науки – собственный «теоретический стержень», без чего нет и научной дисциплины.

Содержательно книга представляет собой сочетание положений, касающихся проблем общесоциологической теории, с примерно сорока биографическими и эпистемическими «портретами» социологов-теоретиков от О. Конта до Р. Коллинза и социологов-постмодернистов. Такое сочетание отвечает принципу историзма; в какой мере оно дает цельное представление хотя бы о базовых основах социологического теоретизирования, понятого как создание дисциплинарных теорий в разных странах, в разное время, учеными с разными биографическими обстоятельствами, скорее всего, следует судить читателям этой книги.

Некоторые разделы подготовлены на основе статей, опубликованных журналом «Социологические исследования». Авторы – профессионалы высокого уровня – много лет преподавали курс ССТ в вузах разных стран и в разных условиях. Принципы построения их труда немногим отличаются от большинства текстов, используемых в последние десятилетия при чтении курсов, связанных с социологическими теориями, в университетах нашей страны и за рубежом. Труды Шубрта и Подвойского по теме монографии многочисленны и хорошо известны. Качество и эффективность в студенческих аудиториях российских университетов, которые предложат изучать курс ССТ по данной работе, гарантированы именами, путями в науке наших авторов, богатством источниковой базы, положенной в основу содержания рецензируемого труда. Работа скорее переполнена информацией об авторах теорий, специфике подходов и т.п., что, кстати, является показателем ориентации авторов на читателя, близкого им самим по исследовательским установкам, устремлениям и реализованным (в публикациях и читаемых в университетских аудиториях лекционных курсах) практикам. Встает, однако, вопрос, в какой мере сочетание историко-теоретического материала с сопутствующим ему материалом научно-теоретическим отвечает проблемам социологии сегодняшнего дня и перспективам

ее развития. Далее в соответствии с данным посылом остановимся исключительно на том, чего в рецензируемом труде практически нет, хотя авторы подводят к подобным размышлениям.

Полно и достоверно решена задача создать путеводитель по лабиринту существующих ныне социологических теорий. Но ведь читатель будет мысленно путешествовать по обновляемому ландшафту меняющейся и современности и социологии. Ландшафт бытия нашей науки меняется, поэтому важна логика перемен в социологических теориях, их источники и работающие факторы, чтобы надежнее ориентироваться в обновляемой тематике и проблематике ССТ, формировании ее новых очертаний, убедительному доведению логики этих процессов до читателя и – что особенно важно – до студентов, будущих социологов. В этой связи задача курса ССТ не может быть ограничена информацией о прошлом и настоящем социологии (описываемых авторами посредством метафоры «лабиринт»). Слушателей лекций по курсу ССТ нужно инструктировать о том, с чем им придется сталкиваться в практической работе уже в недалекой перспективе. Иначе наши ученики рискуют оказаться не готовыми к неожиданностям карьеры ученого, и по праву вспомнят нас «недобрым» словом. В этом плане, упомянув в самом начале труда о «цифровом будущем», авторы заинтриговали того серьезного читателя, которому предстоит работать в социологии не один десяток лет. В последнее время в социологии вызревают конкретные мысли (и опасения) по данной тематике. Важными видятся в этом плане релевантные движению социологической науки к своему новому состоянию в будущем наработки такого рода отечественных и зарубежных коллег. Примером могут служить воздействия на весь комплекс социологического знания и на практики работы социологов со стороны «цифры». Они могут в этом плане сыграть революционизирующую роль.

Обозначу еще одну из такого рода проблем в поле ССТ. В литературе кроме понятия «социологические теории» бытует понятие теорий социальных. Прошу читателей обратить на этот факт специальное внимание. В нем «зашиты» две, на мой взгляд, важные для теоретического фундамента социологии проблемы. (1) Работающим в социологии не следует считать теории социальные синонимом теорий социологических и не выдавать одно за другое. Надо подходить к этой проблеме как проблеме научной, а именно – изучать ее. (2) Влияние цифры на социологию и на все социальные науки способно создать ситуацию, в которой часть операций социолога станет исполнять ИИ. От человека потребуются повышение теоретического уровня работы, быть специалистом «транс-дисциплинарным», интегрировать поля социальных наук, составляющих социальную реальность. Нынешние дисциплинарные границы могут оказаться не вечными. Надо готовиться к неизвестному – оно вероятно и неизбежно. «Улицы и переулки» – образ, примененный Подвойским и Шубртом, вполне можно – к чему я и стремлюсь подвести читателей – приложить и к близкому будущему.

В продолжение данной линии суждений о рецензируемой книге выскажусь по поводу примененного ее авторами, и вообще считающегося чуть ли не общепринятым, отнесения социологии к новому времени. Как-то при поиске книг по исторической социологии в каталоге натолкнулся на книгу 1944 г. выпуска (со штампом «Библиотека Коминтерна») об исторической социологии. Рассматривались стандартные в современной социологии темы стратификации, социальных отношений, проблем семьи, гендера и т.п., но античных Греции и Рима. Автор назвал свою книгу «Историческая социология». Оправдано ли понимание социологии как науки нового времени с точки зрения ее возможностей за пределами «модерна»? Современные представления о будущем – утопии, «попаданческие» истории, суждения о постмодерне – тоже примеры попыток социологов заглянуть в будущее. В этом смысле в курсах ССТ, читаемых нашим студентам и аспирантам, уместны были бы мысли об очертаниях этого будущего. Под таким углом зрения в труды о ССТ следует включать соображения, связанные с переменами в мире, с динамикой текущей социальной реальности, социального и социологического теоретизирования. Новым поколениям социологов предстоит интегрировать в ССТ кажущиеся удивительными

социальные реальности вне пределов Европы, Северной Америки, Австралии, подобных стран и регионов, идущих сейчас по «североатлантическому» пути. Грани этой проблематики сегодня обсуждает постколониальная социология, маркируя Европу как «провинцию». Конгресс социологов мира в Мельбурне 2023 г. предложил оптику диалога в качестве методологии научного разрешения вытекающих из теоретизирования (в рамках ССТ) складывающихся в регионах меняющегося мира перемен.

Движение теоретических разделов социологии в будущее, можно утверждать, началось. Среди обсуждаемых вопросов курса ССТ весьма желателен был бы – на первых хотя бы порах – дискурс таких перемен – в ракурсе, конечно, релевантной современным социологическим теориям проблематики. Пока что, к сожалению, по инерции, и прошлое социологии, и разнообразие перемен проходит мимо реальных характеристик, сущностей развернувшихся процессов. Этим социология обязана, в частности, поверхностному методу интерпретации перемен посредством «постметафор»: постглобализация, постмодерн, постчеловек, постколониализм, постмарксизм и т.д. и т.п. Метафора, конечно, хороший инструмент, но его применение в теоретизировании вызывает вопросы. В нашем случае вопросы вытекают, безусловно, из сложности и текучести самой социальной реальности, изучаемой и в курсе ССТ.

Дискурс проблематики перемен идет постоянно. Акценты курса ССТ на положения социологических теорий, запечатленные в трудах нескольких десятков ученых (как в обсуждаемой книге), видимо, следует перефокусировать на обсуждение в релевантном дискурсе перспектив развития теоретической социологии как части комплекса социальных наук. Обобщения и результаты работ ученых уместны в предлагаемом студенчестве и обществу лекционных курсах. Иначе движение к новому обществу людей пойдет по стихийно складывающимся траекториям, что нередко не несет ничего хорошего, условно говоря, «социальным реальностям» жизни на планете, в ее регионах. Изучаемая студентами вузов социальная ситуация всегда динамична. Запаздывание с теоретизированием и доведением до массового сознания сути происходящего и возможных альтернатив, пусть в форме реальных утопий, обязывает социологов-теоретиков безотлагательно действовать энергичней на данном направлении.

Если кто-то из читателей рецензируемой книги под влиянием изложенного перечитает труды ученых, мыслителей, интегрированные в главы текста Шубрта и Подвойского, он сможет подметить некую грань современного социологического теоретизирования. Эта грань подразумевается, но не всегда до логического конца проговаривается многими создателями ССТ, представленными на страницах обсуждаемой книги. Социология, обращенная к проблемам общества, «приглашает» студентов идти учиться по этой специальности, а «широкую общественность» – внимать исследованиям социологов тем своим качеством, что не проходит мимо бед и страданий – от самоубийств до, скажем, массовой прекарности (в том числе мигрантов). Ими не обделены жившие и живущие на земле люди. Сегодня поиск причин и путей преодоления этих бед и страданий (в реальности, и в социальной науке) не отличается от поисков сто-, двухсотлетней давности. Фактически в главах книги Шубрта и Подвойского о ССТ представлены ученые, внесшие и вносящие вклад в ответы на вытекающие из подобных массовых явлений вопросы. Курсу ССТ Шубрта и Подвойского недостает акцентов на этом обстоятельстве. Сегодня к мыслителям, обращающимся к корням болезненных вопросов современности, можно отнести Т. Пикетти, раскрывающего «механизмы» функционирования капитализма XX века, его идеологии, предлагая путь движения к обществу безопасности, справедливости, равенства. Дж. Го – один из тех, кто «теоретизирует» проблемы бывших колониальных и зависимых стран, их путей к обретению места в истории и агентской аутентичности. Наследник Франкфуртской школы А. Хоннет возвращает в социальную теорию трудящегося, работника, чей труд, меняясь в формах, остается фундаментом общественного бытия. Интересно выглядел бы среди представленных в книге теоретиков Майкл Буравой, пытавшийся – на мой взгляд, наивно – повернуть социологию как науку и социологов мыслителей

и практиков на путь агентности, понимаемой как политическая «критика» современного капиталистического общества.

И еще одно: в учебном тексте для русскоязычной аудитории напрашивается раздел о ССТ, созданных и создаваемых отечественной социологической наукой. В рецензируемой книге достойно показано наследие П.А. Сорокина – продолжателя традиций российской культурной и научной мысли дореволюционной и революционной России, выдвинувшей ряд классических положений социальных наук и т.д. Не следует в обстановке перехода к «пост-европейскому» этапу в истории социологии обходить молчанием поиски советских и постсоветских ученых последних десятилетий: вся современная социология находится, можно сказать, в равном положении открывателей нового.

Но это разговор о перспективе совсем другого курса ССТ. Подождем? И будем по мере сил выкладывать мозаику новых идей и книг, развивающих творческие импульсы труда И. Шубрта и Д.Г. Подвойского.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета; зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

**Šhubrt I., Podvoyski D.G. CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORIES:
HOW NOT TO GO ASTRAY IN CONCEPTUAL LABYRINTHS.
Moscow: VTSIOM, 2024. Reviewed by N.V. Romanovskiy**

DOI: 10.31857/S0132162524050175

ROMANOVSKIY Nikolay V., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof. of the Russian State University for Humanities; Deputy Head Editor of the journal "Sociological Studies", Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2024 г.

**Ефременко Д.В., Николаев В.Г. МЫСЛИТЕЛИ ГОРОДА
ВЕТРОВ. ПРАГМАТИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА
В ЧИКАГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА / Под общ.
ред. Н.Е. Покровского. М.: ИНИОН РАН, 2024.**

Новая монография представляет собой историко-социологическое исследование двух важнейших научных направлений Чикагской школы социальной мысли – социологического и политологического. Она представляет собой итог многолетних исследований и переводческой деятельности специалистов ИНИОН РАН и является существенным дополнением и навигатором в корпусе изданных переводов и сборников по данной теме. В монографию вошли ранее не публиковавшиеся работы и опубликованные научные статьи, которые собраны в новом аналитическом ансамбле.

В сегодняшней отечественной социальной науке монография представляет собой редкий пример обращения к истокам социологии и политологии, тем самым повышая свою актуальность в деле развития соответствующих ветвей образования. Критерием отбора в данном случае являются концепции признанных социологов и политологов (и их биографии) с целью показать значение и влияние Чикагской школы на мировую науку. Этот критерий определяет новизну монографии, поскольку в данном ракурсе

специалисты и широкий круг читателей смогут отчетливее разглядеть самобытные черты Чикагской школы в двух разных научных направлениях, которые являются частью современной специализации науки и университетского образования. Если о социологической традиции Чикагской школы в российском общественном сознании написано довольно много, то об истории чикагской традиции политической науки – явно недостаточно, тем более в соотношении с социологической.

В монографии ставилась задача не охватить все факты и концепции, всех представителей Чикагской школы, а выбрать теории и исследования главных фигур, творчество которых имело *принципиальное* значение для последующего развития науки, образования и политики. Авторы с самого начала «отказались от идеи превратить ее в каталог или своего рода словарь» (с. 6), данный выбор работает не как ограничение, а определяет оригинальность и фокус работы. Эта задача интересна еще и тем, что некоторые выдающиеся работы преданы забвению и до сих пор мало известны сегодняшним студентам и даже специалистам. Монографию отличает не стремление систематизировать научные идеи выбранных исследователей, анализ базируется на «...оригинальных творческих разработках отдельных ученых, ограниченных лишь рядом принципиальных соображений в отношении природы изучаемого предмета и адекватных этому предмету процедур научного познания» (с. 7)¹. Ясность изложения, захватывающий стиль рассказа и прозрачный анализ фактов и теорий также является редким достоинством работы, выполняя одновременно научную и просветительскую функцию: читателю открывается история идей и биографии представителей американской социологии и политической науки в контексте «небывалых темпов урбанизации» в Северной Америке и развития Чикагского университета. Монография содержит постраничные сноски, в которых укомплектована обширная библиография первоисточников и критической литературы по теме, а также детальные примечания к содержанию глав. В книге читатель найдет не только фотографические портреты американских мыслителей, но и фото Чикаго, Чикагского университета, карикатур и выдающихся людей того времени.

Монография состоит из двух частей, посвященных соответственно мыслителям социологической и политической науки, и снабжена увлекательным «Прологом» о духе времени и гении места (с. 8), в котором излагается история создания Чикагского университета, факультета социологии и антропологии и факультета политической науки (он написан Д.В. Ефременко, известным специалистом по политической науке в России). В прологе охарактеризована социальная и научная среда, при описании которой строится живая картина городской жизни Чикаго, «метаболизм» и инфраструктура жизни которого отражали бурное развитие капитализма и его кризисы, неутомимую политическую и повседневную жизнь Америки конца XIX – первой трети XX века (эта картина раскрывается в нескольких сюжетах: к примеру, поражает описание Чикагского скотного двора – «Сток-Ярда» – индустриально-животного комплекса, который способствовал не только техническим усовершенствованиям, но активизации деятельности по улучшению городской среды (с. 27–29). Этот контекст предстает как неразрывно связанный с формированием научного стиля Чикагской школы, которая была строго и всецело ориентированной на эмпирические исследования. Важнейший контекст городской жизни передается с помощью метафор: *конец «позолоченного века»*, что отражает состояние капитализма, и *«исповедальной страсти»*, характеризующей установку мыслителей, вошедших в Чикагский университет и активным образом участвовавших в его организации и администрировании.

Практически во всех главах обозначена и проанализирована связь каждого учебного с философским течением американского прагматизма и прежде всего с идеями Дж. Дьюи, что делает исследовательские сюжеты и теории каждого выбранного для анализа мыслителя более объемными и понятными: «чикагскую социальную науку можно считать прагматистской в силу того, что она полностью разделяет исходные установки

¹ В круглых скобках указываются страницы рецензируемой книги.

отцов-основателей прагматизма, которые видели миссию наук об обществе не только в производстве нового знания о социальных процессах и институтах, но и в способности внести важнейший вклад в решение животрепещущих проблем, с которыми общество сталкивается» (с. 40). Чикагский университет в точке наивысшего расцвета социальных наук до конца 1930-х гг. был «домом дьювианского прагматизма» (с. 44). В контексте прагматистского единства Чикагской школы интересным вкладом монографии является составленная авторами таблица «кросс-дисциплинарных пересечений в научной и образовательной деятельности лидирующих фигур Чикагского университета в областях философии, психологии, социологии, экономики, политической науки» (с. 45), которая демонстрирует это единство, показывает взаимное влияние и основной научный вклад. В этом смысле Чикагский университет был в прямом смысле «колыбелью научных школ», «золотым веком» для социальных наук, хотя в становлении научных школ не было «синхронности», даже в близких друг другу дисциплинах (с. 46–47). Тем интереснее становится научная задача монографии – рассмотреть становление социальных наук в сопоставлении вклада социологов и политологов.

В монографии не используется понятие «парадигмы», содержание книги базируется на понятии «научной школы» в отношении сообщества ученых Чикагского университета. Это можно считать достоинством, поскольку переносить понятие парадигмы, созданное для описания развития естественно-научного знания, на социальные науки было бы не совсем точно и корректно. Понятие «научной школы» как научного сообщества, сформировавшегося «на определенной институциональной основе вокруг интеллектуального лидера, чьи идеи, деятельность, организационные качества и – в меньшей степени – статус в научной иерархии определяют идентичность и стабильность данного сообщества, которое демонстрирует способность к самовоспроизводству на протяжении периода активности нескольких исследовательских поколений», где наблюдается «принципиальная общность научных взглядов, этических принципов, нормативных установок и теоретико-методологических подходов, не исключающая при этом высокой степени вариативности, связанной с предметной спецификой конкретных исследований, проводимых различными представителями данной школы» (с. 46), является, во-первых, *точным и адекватным в данном контексте*, а, во-вторых, более *продуктивным с точки зрения изучения истории науки*. Добавим, что во всех главах показывается соотношение теоретической и эмпирической работы каждого мыслителя. Широко известно, что большее внимание чикагцы уделяли эмпирическим исследованиям, поэтому значение их теоретических оснований иногда недооценивается, однако они также имели огромное значение для последующих поколений ученых.

В первую часть «Чикагская прагматистская социология: изучение общества в действии» вошли главы о видных фигурах Чикагской социологии от известного специалиста В.Г. Николаева (о Дж.Г. Миде, Р.Э. Парке, Л. Вирте, Э. Хьюзе, Г. Блумере, Р. Редфилде и У. Огборне). Здесь мы найдем не публиковавшиеся ранее материалы и представляющие большой интерес для изучающих чикагскую социологию. К примеру, глава о Дж.Г. Миде значительно расширяет понимание его теорий, показывается разнообразие и глубина его интересов. Помимо содержания научных разработок мы многое узнаем об устройстве факультета социологии и антропологии Чикагского университета, о его основных руководителях и специализациях (человеческой экологии, социальной психологии и социальной организации). В книге показано, что «в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой» (с. 61): экологические (включая демографические), интеракционистские социально-психологические и комплексные исследования различных групп и институтов. Ключевым словом для характеристики исследований каждого социолога можно считать «лабораторию», которое передает не только позитивистский натуралистический характер их научной деятельности и что современный им город стал для них поистине естественной лабораторией, но и то, что каждую его часть и процесс социологии тоже считали «лабораторией» – будь то городской район, шайка или танцевальный зал.

Стоит отметить, что в монографии подчеркивается характерное для каждой фигуры многообразие методов исследования и своеобразие теоретической рамки, которая во многом направлялась эмпирическими исследованиями: «Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чем-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы» (с. 67). В главе о Р. Парке мы убеждаемся в том, что принцип «многофазности, многофокусности, многометодности» (с. 111) являлся программным идеалом не только самого Парка, но и всех его коллег. Для Л. Вирта «общие положения, генерализованные описания, эмпирические утверждения, ценностные суждения и практические рекомендации сплавлены в неразрывный синтез и трудно сепарироваться друг от друга» (с. 128). Творчество Э. Хьюза также характеризуется как образец соединения теории с эмпирической работой и представляет собой «многомерную синтетическую амальгаму» (с. 140) изучаемой реальности. При этом показано, как Хьюз переходит от экологии сообществ к экологии институтов, знаменуя развитие социологической теории институтов.

Глава об антропологе Р. Редфилде значительно дополняет наше представление о Чикагской социологической школе тем, что социология и антропология тесно переплетались в ней, были органически связаны, между ними не проводились четкие границы. Наследие Редфилда раскрывается с точки зрения дополнительности знания о городе, который в понятийном смысле противостоит сельским поселениям (у Редфилда – «народным обществам»), поэтому с Редфилда в целом начинается опыт применения знаний, полученных в исследованиях незападных традиционных обществ, к американским крупногородским объединениям, сообществам и процессам. Характерен в этой связи вывод, во многом характеризующий стиль и логику всех глав монографии: «В содержательном плане Редфилд показал на разных материалах, что под влиянием контактов с городской цивилизацией в “народных обществах”, прежде организованных, гомогенных, сакральных и коллективистских, возрастают гетерогенность, дезорганизация, секуляризация и индивидуализация. Эти же процессы отмечались как ключевые параметры урбанизации и городских сред в городских исследованиях чикагских социологов» (с. 196).

Завершается первая часть главой об У. Огборне, авторе концепции «культурного лага», которая дополняет наши знания об исследованиях Чикагской школы уже по тематике «общество, наука и техника». Эта глава еще раз свидетельствует о том многообразии исследовательских перспектив, которое характерно для данной школы, в частности, показывается история понятия (культурного лага), которое впоследствии неоднократно подвергалось критике, но будет оставаться знаковым для истории науки и широко распространенным в публичной сфере.

Вторая часть книги «Чикагская революция в политической науке», написанная Д.В. Ефременко, содержит главы о фигурах в политической науке (Ч. Мерриаме, Г. Ласуэлле, Г. Госнелле, Л. Уайте), которые несколько отличаются от глав о социологах тем, что более завязаны на биографиях ученых как публичных фигурах или общественных деятелей, что оправданно, поскольку научным стилем Чикагской школы был сплав научно-исследовательской и публичной деятельности с целью решения социальных проблем. Общим для данной школы является фактически первый опыт широкого использования количественных методов в политической науке, а также включенность этих ученых в общественную и политическую деятельность (в биографиях отражено, что многие из них работали на правительство и в общественных организациях). В этой части подробно охарактеризован лидер и родоначальник политической науки в Чикагском университете – Ч. Мерриам, его заслугой стало продвижение «новаторских эмпирических методов», которые систематически стали использоваться его учениками и последователями, именно он «дал толчок развороту американского политологического сообщества к изучению политического поведения, междисциплинарности и внедрению эмпирических

методов» (с. 227). Кроме того, мы узнаем, что Мерриам выступил «с проектом создания на базе Чикагского университета новой суперструктуры, призванной обеспечить прямую связь науки, образования и государственного управления путем переориентации социальных исследований на нужды практической политики» (с. 228), которая должна была стать «центром экспертной поддержки политических решений и вместе с тем школой подготовки кадров для государственной службы» (там же). Это во многом характеризует Чикагскую школу в социологии и политической науке, и подчеркивая этот момент, авторы достигают единства и преемственности всех глав в монографии.

В других главах мы узнаем новые интересные факты из жизни политологов Чикагской школы, получаем представление о специальной проблематике каждого и едином стиле эмпирических исследований. Например, проблематикой Л. Уайта было государственное управление и политика, у Г. Лассуэлла – политическая пропаганда (очевидна здесь социально-психологическая подоплека его исследований), у Г. Госнелла – политическая активность и расовые отношения, хотя этим и не исчерпывается их наследие.

Монография завершается очерком о судьбе двух направлений в Чикагском университете, которая не была простой, а научное наследие остается недостаточно изученным. Эта монография отчасти закрывает этот дефицит в истории науки, снабжая нас многочисленными фактическими и теоретическими деталями. Вторая часть монографии несколько меньше по объему, однако в полной мере дает представление о многих актуальных сюжетах творчества чикагских политологов, которые изложены не полностью, но побуждают читателя самостоятельно изучить их.

Можно утверждать, что книга является одним из образцов историко-социологического исследования: в ней изложены внутринаучные и вненаучные факторы эволюции Чикагской школы в указанных научных направлениях. Результатом знакомства с монографией «может стать не только лучшее понимание истории дисциплины, но и углубление наших представлений о внутренней логике, возможностях и границах социологического познания» (с. 136). В заключение отметим, что книга о «мыслителях города ветров» восполняет лакуны в отечественной литературе по истории социологии и помимо самостоятельного значения как научной монографии вполне может послужить полезным и захватывающим чтением для желающих глубже понять основания социальной науки на примере чикагского стиля и истории американского общества.

О.А. СИМОНОВА

СИМОНОВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (Osimonova@hse.ru).

Efremenko D.V., Nikolaev V.G. THINKERS OF THE WINDY CITY. PRAGMATIST SOCIAL SCIENCE IN CHICAGO IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY / Ed. By N.E. Pokrovsky. Moscow: INION RAN, 2024. Reviewed by O.A. SIMONOVA

DOI: 10.31857/S0132162524050187

Olga A. SIMONOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. Department of Sociology, HSE University, Moscow, Russia (Osimonova@hse.ru).

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 5

To the 50th anniversary of SOCIS

- 3 Labor in a Changing World: Labor Transformations and the Focus of New Research
(round table)

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF LABOR

- 27 KOZYREVA P.M., NIZAMOVA A., SMIRNOV A.I. Work Day Duration Dynamics
in the Post-Soviet Era
- 39 KARAVAY A.V. Well-Being Employment in Modern Russia: What Is That?
- 54 BOCHAROV V. Yu. Labor Relations Differentiation in a Modern High-Tech Enterprise
(a case study)

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 66 KUCHENKOVA A.V., TATAROVA G.G. Subjective Well-Being: the Problem
of Analyzing Population Qualitative Heterogeneity (part 2)

SOCIAL STRUCTURE. SOCIAL POLICY

- 79 VELIKIY P.P. Farming is an (Un)Rooted Social Group: Problem Statement
- 89 KISELEV I. Yu., MIKHAILOVA E.V., SMIRNOVA A.G. Associative Image
of "Life in Retirement" as an Element of Social Conceptualization
of the Pension Period by Russians in Working Age
- 103 ELYUTINA M.E., UFIMCEVA E.I. Practices of Religious Participation
in the Context of Positive Ageing Project

SOCIOLOGY OF FAMILY

- 113 GURKO T.A. Trends and Social Reasons of Living Alone
- 128 BARSUKOVA S. Yu. Financial Rationality vs Traditions: on Wedding Costs
of Medium Income Urban Families in Kazakhstan

INTERVIEW

- 141 MITUPOVA S.A., TURNER S. A Life in Social Theory (Interview with Stephen Park Turner)

ACADEMIC EVENTS

- 151 BIYZHANOVA E.K. The Problem of Scientific Personnel Certification: Universal Rules
and Diversity of Complexities
- 156 KARAPETYAN R.V. Labor, Employment, Human Capital: New Challenges and Solutions
- 158 ANISIMOV R.I., KLIMOVA S.G. The Lifeworld of Labor Workers: Preferences and
Institutional Possibilities
- 162 NOSKOVA A.V., BIKKININA Dz.D. Exploring Population Heterogeneities
- 165 ROSTOVSKAYA T.K. The Multigenerational Family as a Strategic Resource for Russia's
National Security

- 167 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: Šhubrt I., Podvoyski D.G. Contemporary Sociological Theories: How not to Go Astray in Conceptual Labyrinths. Moscow: VTSIOM, 2024. **Reviewed by N.V. Romanovskiy**; Efremenko D.V., Nikolaev V.G. Thinkers of the Windy City. Pragmatist Social Science in Chicago in the First Half of the 20th Century / Ed. By N.E. Pokrovsky. Moscow: INION RAN, 2024. **Reviewed by O.A. Simonova**).

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)